

Артём Сошников

Наблюдатель

Глава 1

Говорят, быстрее всего завязывать галстук четвертным. Широкую часть оборачиваешь вокруг узкой, после чего поднимаешь её коброй вверх параллельно кадыку — и тут же просовываешь в возникший узел.

Говорят, в приличных семьях умение завязывать галстук четвертным не считается преимуществом. В приличных семьях четвертной — неминуемое умение, базовый навык, сравнимый с мытьём в тазике у людей попроще. Четвертной — не виндзорский, узел без благородного происхождения, он перекочевал к нам то ли от моряков, то ли от конюхов, которые завязывали им уздечку упряжи из четырёх лошадей.

Антон поправил галстук и посмотрелся в зеркало. Говорят, четвертной — первый узел, которому сын учится у отца, но отец никогда не учил его завязывать галстуки. Откуда у отца-сварщика галстук? Так что Антон сам нагуглил «как завязать галстук быстро», собираясь на собеседование два года назад. Завязал. Прошёл. И с тех пор забыл о существовании галстуков, не вспоминал вплоть до вчерашнего вечера, когда четвертной узел пришлось разучивать заново.

Антон застегнул нижние пуговицы рубашки, убрал дезодорант обратно в портфель. Растрепавшиеся от ветра волосы пригладил воском и прилепил к причёске свисающую со лба прядь. Эта прядь выбилась полгода назад после неудачной стрижки и доставляла Антону ежедневные хлопоты, но он не жаловался. В конце концов, большинство ровесников уже лысеют, прикрывают уползающие вверх волосы нелепыми чёлками и никак не решаются побритться налысо. Антон всегда считал, что уж лучше хо-

дить лысым, чем плешивым. Особенно не о чём переживать тем, у кого растёт борода.

У Антона борода росла из рук вон плохо: кусками разной длины, с редким, но колючим волосом. Каждое утро из-за отросших за ночь усов он напоминал себе девственника, поэтому Антон всегда вычищал острые скулы бритвой. Сегодня он проверил гладкость лица дважды.

Антон сгрёб бумажные полотенца в кучу и выбросил их в мусорку, насухо оттёр ладони платком. Скоро придётся жать руки мужчинам — нельзя, чтобы кожа на ладонях оказалась влажной.

За стойкой ресепшена горбился чоповец. Судя по всему, форму ему выдали недавно: локти не поистёрлись ещё от подлокотников кресла, ткань лоснилась чернотой. Ни грохнувшая дверь туалета, которую Антон толкнул ногой, ни стук каблуков по кафелю не отвлекли его от просмотра футбола на разбитом экране смартфона. Антон проговорил охраннику в затылок:

— Здравствуйте! Я на четвёртый этаж, в «Образовательные Технологии».

Охранник молча протянул временный пропуск. Антон почуял исходящее от чоповца презрение. *«В Технологии он, блять, Образовательные. Ну иди-иди. Педагог...»*

Антон не злился на охранника. Он знал, что за стойками обычно сидят маленькие люди, они, наверное, и не догадываются о том, что «Образовательные Технологии» лишь юридическое название компании. На самом деле, вход в офис украшает огромная карта России, в центре которой светится минималистичный логотип стартапа «Educatee» — перспективного продукта в сфере цифрового образования, призванного уничтожить бумажные журналы, дневники, рабочие тетради и прочиеrudименты доживающей

аналоговой эпохи. На карте отсутствует лишь юг страны, но не потому, что «Educatee» считает юг России регионом второго сорта. Нет, всё гораздо проще. Место юга занимает стеклянная дверь — мера безопасности и воплощение прозрачности как одного из ведущих приоритетов компании.

Через это стекло Антон высматривал стойку офис-менеджера и давил на кнопку звонка, но мелодия не разрезала тишину и дверь никто не открывал. «Apple Watch» на руке Антона мигали разделителем. 12:32. Всё-таки опоздал.

Антон завозился дома и не рассчитал время на дорогу, бежал потом от метро до бизнес-центра, понимая, как важно прийти в первый день пораньше. Он мог бы вызвать такси, но опасался встрять в пробку. Он успевал и пешком, но вспотел от быстрой ходьбы, а ветер растрепал уложенные волосы. Пришлось заскочить в туалет, привести себя в порядок.

Как только Антон постучал пальцами по стеклу, перед ним мельнула тень и кто-то ойкнул. Дверь распахнулась и Антон увидел на пороге девушку с постриженными каскадом волосами, в обтягивающей блузке и юбке-карандаше — довольно симпатичную, но лишённую какой-либо изюминки, будто собранную из шаблонов «Инстаграма» и ассортимента ближайшей «Зары». Антон молчал, изучая каждую деталь её образа. Девушка заметно напряглась, но всё же вспомнила об инструкциях и произнесла дежурные:

— Здравствуйте. Вы к кому?

— Я к себе.

Антон шагнул навстречу и, заметив в её глазах испуг, улыбнулся:

— Шучу, извините. Я Приморский.

Девушка зависла на мгновение, но тут же выдохнула.

— Ой! Это вы. Как же вы меня напугали! Я Вика.

— Рад знакомству. Я, как вы уже поняли, Антон. Извините, у меня странный юмор.

— Нет, это вы извините! Я могла бы и догадаться, мы сегодня больше никого не ждём. Ну, разве что, электриков... У нас звонок не работает, света нет, кошмар! Простите, я такая болтливая, когда перенервничаю. Подождите пока на диванчике, я позову Стаса.

Стас. Обещанный холдингом помощник. Антон присел на диван и оглядел холл, напоминавший в сумраке пещеру, освещённую лишь окном напротив. За стойкой ресепшена торчал кулер с водой для гостей и кандидатов.

Вика обернулась на полпути:

— Простите! Антон... Я не спросила, как ваше отчество. Я хотела узнать, ...

— Можно просто Антон.

— Хорошо! Антон, желаете кофе или чай?

— Нет, спасибо. Я налью себе воды из кулера.

Вика ещё раз улыбнулась, Антон расстроился — а почему, не понимал, обвиняя поочередно то темноту, то неважное состояние туалета на первом этаже, то столь нелюбимые им опоздания. На самом деле, настроение портил линолеум. Антон докопался до

истины сразу же, как только вернулась Вика. Линолеум в офисе был слишком мягким и каблуки Вики не цокали, Антон же с детства любил звук цокающих каблуков. Цокающие мужчины решительны, цокающие женщины сексуальны, цокающие лошади напоминают о грации, а...

— ...нтон, здравствуйте!

Антон начал медленно подниматься с дивана и выпрямился как раз в тот момент, когда к нему подошёл Стас. Ладонь Стаса оказалась тёплой и мягкой, идеальной для помощника. Да и сам Стас был ниже ростом и больше весом, сочетал полосатые брюки с клетчатой рубашкой и нарушил классическое правило явно ненамеренно. Ещё с дизайнерских курсов Антон помнил: для того, чтобы ломать типографскую сетку, сначала нужно научиться располагать элементы строго по ней. Нарушать тоже нужно уметь. Стас не умел.

— Здравствуйте, Стас. Что ж, приключения начались?

— Как будто вас дожидались, Антон! Электрики уже идут, обещали не тянуть. Говорят, на других этажах всё нормально.

— Как думаете, долго ждать?

— Все уже в толк-руме. Мы там организовали какое-никакое освещение, так что предлагаю не тянуть. Скажете приветственное слово, а потом, как дадут свет, я покажу офис. Как вам такая идея?

Антон идею одобрил. За поворотом стало ещё темнее и теперь Антон различал лишь контуры стен, разделяющих опен-спейс на кабинеты. В толк-руме, зале для проведения общих собраний, теснились человек двадцать. Ряды стульев упирались в длинный стол, кто-то (наверное, Вика) расставил на нём комнатные свечи.

В тусклом свете блеснули стёкла очков, на стульях заскрипела фейковая кожа. Люди повернулись на шум.

— Друзья, давайте поприветствуем нашего нового продуктового директора Антона Сергеевича! — произнёс Стас.

На пару секунд повисла пауза, затем «друзья» несколько раз не-стройно хлопнули в ладоши. Подойдя к столу, Антон посмотрел на пламя ближайшей свечи.

— Не ожидал, что меня встретят так романтично!

Люди в зале похмыкали. Антон не рассмотрел в полумраке лица, но почувствовал одобрение.

— Ладно, давайте без официоза. Меня зовут Антон, можно без отчества, я уже пять лет управляю продуктами. До этого я шесть лет работал проектировщиком интерфейсов и немного программировал, а теперь вместе с вами мы превратим «Educatee» в прибыльный и боеспособный продукт.

Вдох.

— Месяц назад вы стали частью холдинга Eternum и отныне процессы должны соответствовать определённым стандартам. Не волнуйтесь, под стандартами я имею в виду не только обязанности, но и ряд преимуществ. Большой холдинг — это ещё и большие возможности.

Пауза.

— Для начала мы реорганизуем процесс разработки продукта, станем гибче и выработаем чуткость к изменениям на рынке.

— Да какие тут изменения... — возразил щуплый парнишка с первого ряда.

— Согласен, рынок не самый динамичный. Но всё равно нужно держать руку на пульсе. Если в России ничего не происходит, то на Западе сфера образования переживает революцию. Взять, например, Финляндию...

Антон приложил к губам указательный палец и замер полубоком.

— Впрочем, об этом я расскажу в следующий раз. После того как мы отладим процессы, сразу же займёмся бытовыми делами. Все зарплаты станут «белыми». Отпуска по ТК РФ. Договоримся о ДМС — правда, пока без стоматологии.

— На проходной расписываться надо будет? — съязвил бородатый мужик, сидящий сразу за молодым парнишкой.

В зале хохотнули. Ухмыльнулся и Антон.

— Только на выходе. Один раз. И только тем, кому с нами не по пути.

В зале притихли.

— За бюрократию, регламент и прочие неайтишные вещи не переживайте. Нам хотелось бы сохранить здесь дух стартапа, я пришёл, в том числе, для этого. Мы постараемся сократить путь от разработчика до бизнеса, каждый из вас сможет непосредственно влиять на продукт.

Перестав жестикулировать, Антон сложил ладони ромбом у пупка.

— Мы ещё встретимся с каждым департаментом отдельно и поговорим обо всём подробнее. Волнуют ли какие-то вопросы прямо сейчас?

Руку подняла девушка с заднего ряда.

— Слушаю.

— Антон, а график работы как-то изменится?

— А какой у вас сейчас график? — спросил он у Стаса.

— Плавающий до двенадцати.

— Ну вот. Так и останется.

— А удалёнка не планируется? — задала второй вопрос девушка.

Антон сделал вид, что подумал.

— Первое время нет. После того как рабочий коллектив превратится в боеспособную команду, посмотрим. Я бы на вашем месте больше думал о частичной релокации на Кипр. По крайней мере, в командировке там побывают все.

— Тебе понравится, Алис! — хохотнул всё тот же бородач, — Кости свои погреешь.

Девушка фыркнула, несколько человек поддержали бородатого смешками. Свеча, разбуженная движением, порхнула и осветила лицо Алисы. Терракотовые волосы, выточенные скулы, глаза то ли голубые, то ли зелёные. Лучше бы, конечно, зелёные.

— Ещё вопросы?

- Настали тёмные времена, — пробасил загробным голосом бородатый мужик, — Сегодня придётся работать наощупь.
- Если свет не починят в течение получаса, идите домой. Смысл вам тут торчать без дела?

Больше вопросов никто не задавал. Антон пожелал сотрудникам хорошего дня, наблюдал, как разработчики вальяжно покидают зал... И не волновался, потому что знал: первое время они всегда воспринимают нововведения в штыки, презирают нового менеджера, подшучивают над ним и делают ставки, как быстро его сменит очередная говорящая голова с бредовыми идеями, которая только мешает писать код. **Код!** Основу всего сущего в цифровом мире, единственного короля и правителя, чья власть — неоспоримо от Создателя, такого же бородатого и смышлённого, как и сам программист.

Но через месяц скептики ощущают эффект и перебираются на другую сторону баррикад. Японское семейство гибких методологий управления проектами Agile становится для них новой религией, они муштруют книги Джeffа Сазерленда и часами рубятся за чистоту фреймворка Scrum на совещаниях. Они отказываются от оценки задач в часах и переходят на абстрактные стори-поинты, которые даже Антон с его многолетним опытом понимает с трудом. Они разбивают работу на недельные отрезки («спринты») и планируют задачи в понедельник, каждое утро собираются в кружок на дейли-митинг и по очереди отвечают на три простых вопроса: «что ты делал вчера?», «чем планируешь заниматься сегодня?», «что тебе мешает достичь цели спринта?». Каждую пятницу они проводят по два часа на ретроспективе, где разбирают проблемы, которые мешают команде стать эффективнее — а ты помогаешь им избегать детских ошибок, приводишь примеры, внедряешь новые инструменты и практики. Через полгода они

уже говорят: «Антон, конечно, менеджер, но он реально сечёт в скраме».

Предвкушая перелом, Антон не заметил, что всё это время на выходе стоял Стас и светил на линолеум фонариком. Желудок, оставшийся утром без завтрака, урчанием потребовал еды.

— Стас, я хочу пообедать. Пойдёшь со мной?

— Конечно. Подождёте у выхода? Я возьму карточку из кабинета.

— Договорились. Стас, я забыл спросить. Вы разрешаете разработчикам забирать домой ноутбуки?

— Да. Пока прецедентов не было.

— Нет-нет, всё верно. И давай лучше на ты.

В холле окончательно стемнело и лучи солнца уже не проникали через окно. Тьма подбиралась ко входу. Антон хотел было открыть Gismeteo и проверить, не пошёл ли на улице дождь, но его увлекла тишина. Антон закрыл глаза и замер. Через несколько секунд он услышал собственное дыхание — ровное, с медленным вдохом и резким выдохом. Вскоре успокоилось и оно. Антон наслаждался возникшей внутри пустотой.

— ... уже ничего нет! — прозвучал голос в голове.

Антон вздрогнул и открыл глаза.

— Что?

— В столовой уже ничего нет. — повторил Стас, придерживая входную дверь, — К двум часам обычно всё съедобное разбирают.

Антон и не собирался в столовую. Ещё на ресепшене бизнес-центра он учуял традиционный запах гуляша. Вот уже несколько лет Антон соблюдал диету, борясь с непереносимостью полисахаридов и моноспиртов, в столовых же во все блюда пихали тонны перца и лука, отбивая тем самым душок от продуктов с истекающим сроком годности. Лук не подходил под диету из-за содержания фруктана. Припомнив инстаграм-отзыв знакомого, Антон предложил Стасу сходить в бургерную неподалёку и утолить не только голод, но и любопытство.

Первое, что отметил Антон, заняв столик на террасе ресторана Dr. Thompson — ничуть не уступающие центровским заведениям цены. За бургер из мраморной говядины с соусом Jack Daniels на чёрной булке просили шестьсот рублей, за те же шесть сотен давали филе-миньон с картофельным пюре. Антон выбрал стейк из-за полного соответствия диете. Официантка предупредила гостей, что тёплые салаты, блюда из баранины и бутылочное пиво закончились, оплата возможна только наличными. Стас заказал итальянский двойной и стакан морса. Кроме них в бургерной никого не было, музыка не играла, но Антон от этого не расстроился — в лучшем случае здесь крутили бы невнятный инди, не мешающий гостям разговаривать и не вызывающий эмоций. Антона до сих пор волновала минута тишины, пойманная на выходе из офиса. Окна его квартиры выходили на проспект, по которому постоянно носились автомобили и Антон давным-давно привык к шуму, проникающему даже сквозь стеклопакеты. Офисная тишина его растревожила, внутри проступило забытое желание обшить квартиру шумоизоляцией и не слышать больше ни бормотания соседей, ни гула мегаполиса. Пару минут он не разговаривал со Стасом, боясь упустить это ощущение, но затем, заскучав от ожидания и статичности пейзажа (мимо за всё время прошёл лишь вымазанный известью гастарбайтер), Антон спросил:

— Расскажешь мне про членов команды?

Стас заблокировал смартфон и отложил его в сторону.

— Вас... Тебя. Тебя кто-то конкретный интересует?

— Ну, например те, кто комментировал выступление. Бородатый парень такой...

— Это Семён, наш девопс. Олдскульный инженер, ну и не без проф.деформации, конечно. Мания величия, сарказм... — Стас поморщился. — Но он действительно один из лучших в городе.

— Почему же он тогда не уехал отсюда?

— Он у нас на полставки работает. Вторую половину дня посвящает проекту то ли из Португалии, то ли из Испании. К нам, говорит, пошёл для души, помочь хорошему продукту. На статичность рынка жаловался парнишка молодой, Женя. Он фронтендер, только после университета. Оыта маловато, но перспективы большие.

— Опыт — дело наживное. А девушка, которая вопросы задавала, тоже айтишница?

— Нет, не совсем. Алиса копирайтер, пиарщик и SMM-менеджер в одном лице. Ведёт соц.сети, пишет пресс-релизы, помогает с текстами для рассылок... Ну, знаешь, всякое такое.

Антон покивал головой. О чём ещё говорить со Стасом, он пока не знал. Он вообще не просил себе помощника и собирался свалить на него бытовые проблемы. В офисе точно нужно починить свет, урезать бюджет на питьевую воду (Антон заметил в толк-руме бутылочки Evian), заменить обещанные в вакансиях снэки на фрукты и овощи, а ещё перекрасить стены в корпоративный бордовый и заменить линолеум на ламинат. Впрочем, интерьер лучше ме-

нять в последнюю очередь. Мало ли, вдруг головной офис решит перевезти весь штат в бизнес-центр получше?

И заодно назначит Антона на должность CEO.

Подали стейк и бургер. Антон отмахнулся от карьерных мечтаний и даже проверил, не прочёл ли Стас его мысли — но Стас, конечно, ничего подобного не умел, он смотрел на конверт с бургером и не знал, впиться в него зубами при новом руководителе или всё же взять приборы. Антон воткнул в стейк вилку и слегка надавил. Струйка мясного сока юркнула под доску и расплылась по столу. Антон приподнял стейк и заметил в доске нехилую трещину.

— Да ешь так, чего церемонишься. — произнёс он, увидев, что Стас всё же схватился за приборы и пытается подцепить разом булку, кусок котлеты и помидорку. — Я смотреть не буду, не смущайся.

Стас виновато улыбнулся и отложил нож с вилкой в сторону. Антон решил не звать персонал (слишком уж хотелось есть), достал несколько салфеток и подложил под трещину. Стейк подали горячим, но не уточнили прожарку, сделали стандартный medium rare, хотя Антон больше предпочитал medium well, с еле заметной розовой серединкой. Он проглотил еду и не наелся — однако, долгое ожидание, трещина в доске и отсутствие половины меню отбили у него желание заказывать что-либо ещё. Он старался не смотреть на Стаса, который кусал бургер, размазывал соус по рукам, ронял изо рта куски салата и тихо чертыхался. Не зная, чем скрасить ожидание и не желая смущать Стаса ещё больше, Антон протянул руку к подставке с рекламой. «ПОЖЕЛАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ» — гласил один из листков. То, что нужно! Антон достал ручку, положил листок прямо на вытекшую дорожку мясного сока и расписал все недостатки.

Больше они сюда не придут.

Оставив символические сто рублей чаевых, Стас с Антоном вернулись к бизнес-центру и попрощались. Стасу было неловко, он капнул соусом на рубашку и размазал пятно салфеткой по груди. Антон дружелюбно посмеялся, хотя на самом деле знал — лично с ним такого не случилось бы.

Они были знакомы со Стасом буквально несколько часов, но Антон мгновенно определил его типаж — и помощник не вызвал у него ни капли интереса. Антон даже не стал искать его в соцсетях, хотя обычно просматривал каждого сотрудника. Ему было важно понимать, к какому образу жизни тянутся коллеги, какие идеалы их привлекают. Стас же, скорее всего, вообще не обладал сформированными идеалами. Антон не хотел в очередной раз смотреть на репосты несмешных мемов, на кривые фото с майских шашлыков, видеозаписи с городского салюта или дня ВМФ. Наверняка, даже тайны у Стаса были типичными.

Конечно, Антон тоже не во всём был оригинален, но кто из нас не обладает коротким списком *guilty pleasures*? Например, Антон никогда не афишировал, что больше всего на свете любит красное полусладкое, которое в приличном обществе считается фейком. Добравшись до дома, Антон первым делом достал из винного шкафа недопитую бутылку «Усахелаури» и теперь потягивал вино из бокала, придумывая, с кого же начать изучение работников Educatee. На тарелке аккуратно лежал сыр с плесенью, медовые кусочки бри, ломтик суджука и слайсы не самого хорошего, но всё же оригинального хамона. Из колонок доносились лёгкие похлопывания — Бен Купер пел песню *Welcome home*, ставшую хитом благодаря рекламе фотоаппарата Nikon.

К невинному шпионажу Антон пристрастился с детства. Он постоянно обыскивал шкафы в родительской спальне, находил там сигареты, презервативы, кассеты с порнофильмами, пробники ал-

коголя или карты таро, рассматривал их сам и показывал друзьям. Дружба оказалась некрепкой — вскоре одноклассник Артур сдал его маме. Мама Артура пришла в ужас от того, что сыночка собственными глазами узрел презервативы и при следующей встрече вылила на родителей Антона ведро возмущений. Антона отхлестали ремнём по заднице и с тех пор он обшаривал шкафы с опаской. Цифровая эпоха избавила его от мучений: теперь он изучал людей в социальных сетях и ни с кем, ни с кем не делился найденным.

Антон запоминал любимые рестораны человека, песни из плейлистов и посещённые страны, а при встрече как бы ненароком упоминал непревзойдённую природу Исландии или последний альбом Kasabian. «Ты тоже был в Исландии?», «Мы оба слушаем Kasabian?» — удивлялись люди, сами не осознавая, что Антон начал разговор, который побежит по хлебным крошкам их предпочтений. Люди удивлялись: «Надо же, у нас так много общего!», а он улыбался и добавлял в заметки новую информацию.

На этот раз Антон выбирал недолго. Изучать скептически настроенных сотрудников было рано — Антон не запомнил имён, да и находить айтишников в сети сложнее. Они придумали эту технологию и развиваюют её до сих пор, они прекрасно знают, что именно воруют сервисы и для чего используют полученные данные. Многие айтишники сидят с фейковых аккаунтов, не выкладывают фото, а даже если и выкладывают, то стараются не засветить лишнего. Несколько человек начнут выделяться и Антон уволит их ко всем чертям. Смысл изучать того, кого уволишь?

Антон вспомнил копирайтера... Алину? Алису. Точно, Алису. Что там говорил про неё Стас? Она не из Питера, а откуда-то с Поволжья, ведёт соцсети компаний, пишет релизы. Этого вполне достаточно.

Антон не стал искать девушку в списке Алис из Петербурга, существовали способы эффективнее. Он нашёл публичную группу Educatee в вк, отфильтровал подписчиц по возрасту и принялся просматривать их профили. Алиса использовала псевдоним Adelaide Miller. Несколько раз в неделю она публиковала длинные прстыни текста, которые Антон решил не читать. Вместо этого он перешёл в прилинкованный инстаграм-профиль и посмотрел с фейка сториз.

«В Эрмитаже Кабаковы! Кто со мной?».

Антон загуглил выставку и пролистал галерею, бегло осмотрел картонный вагон, висящие тазики и комнату, обклеенную плакатами. «Событие грандиозное: на своей первой ретроспективе художники показывают работы, собранные из разных музеев мира от Тейт до Помпиду». Инсталляции смахивали на развлечение для сытых европейцев или столичных креаклов. Тех, что не навещали дядю в коммуналке и не жили летом в бабушкиной избе.

Антон проверил графу «Родной город» на странице Алисы и рассмеялся, увидев там Коммунар-на-Волге. Они с Алисой земляки — значит, она точно знакома с ущербным бытом, выдаваемым этими «гениями» за искусство. Скорее всего, Алиса просто подражала модным друзьям, скрывая свою провинциальность. Или Антон ошибается на ее счёт и не разбирается в девушках помоложе? С теми, что постарше, всё довольно понятно, они хотят...

А чего они хотят?

«Да какая разница» — подумал Антон и захлопнул крышку ноутбука. Знать бы для начала, чего хочет он сам.

Антон взял в руки пульт, откинулся на спинку и прибавил музыку.

Ships are launching from my chest

Some have names but most do not

If you find one, please let me know what piece I've lost

Welcome home

Ho-o-ome

Ho-o-ome

Ho-o-ome.

Глава 2

Свет в офисе так и не починили. Антон пришёл на работу раньше всех — он проснулся в семь утра из-за переполненного мочевого пузыря, сходил в туалет и не смог уснуть снова. Главный инженер бизнес-центра, попивая кофе в диспетчерской без кондиционера и окон, выслушал руководителя ООО «Образовательные технологии» и тут же отшил его с формулировкой «У меня много дел, приходите вечером».

Но Антон не собирался ждать до вечера.

— Доброе утро. Спишь? — спросил Антон у Стаса, когда тот взял трубку на восьмой гудок, — А где у нас договор аренды с бизнес-центром? А я смогу взять? Хорошо, тогда привози ключ.

Стас приехал помятый, со смесью недовольства и услужливости на лице. Он открыл ключом тумбочку у себя в кабинете и быстро отыскал бумаги. Каждый документ Стас упаковал в файл, подписал и отсортировал по алфавиту.

— Я к документам отношусь максимально серьёзно. — буркнул Стас в ответ на похвалу, но не смог сдержать улыбки.

В диспетчерской пахло дошираком. Антон сунул договор в нос инженеру и потребовал исправить проблему со светом не в ближайшее время, не сегодня в течение дня, а за час, максимум — два, иначе он, Антон (запомните!) Сергеевич, позвонит владельцам бизнес-центра (телефон уже у меня в контактах, проверять будем?) и объяснит им, чем грозит невыполнение обязательств по пункту договора три-точка-один.

Инженер тут же сменил тон на миролюбивый и отправился пинать электриков, попросив ожидать его в офисе. Глядя, как инженер удаляется по коридору, нервно дёргая плечами на ходу, Антон решил, что настал его черёд выпить чашечку кофе.

— Вообще, у нас две кофеварки, — щебетала Вика, подсвечивая путь фонариком, — Одна зерновая, другая с фильтром. Сейчас работает только зерновая, от аккумулятора. А фильтр-кофе мы пьём редко. Или вы фильтр любите?

— Давай лучше на ты. Неужели я такой старый? — отвечал Антон, про себя думая, что ему вообще насытить, какой кофе пить.

Он не любил ни зерновой, ни фильтрованный, вбухивал в кружку побольше молока и втайне мечтал всю жизнь разбавлять сгущёнкой «Nescafe 3-в-1». Это была ещё одна его маленькая тайна, дань провинциальному детству и уступка безвкусице. Дома на кухне стояла капсульная кофеварка, но пользовались ей только гости.

— Я люблю американо с овсяным молоком. Без сахара. — придумал он ответ.

— Ой, там нет американо. Там только чёрный.

— Пойдёт и чёрный. Хорошо, что она вообще работает.

— А что за овсяное молоко?

Они подошли к кофе-поинту, фонарик скользнул по кофеварке. Вика взяла две кружки и ткнула на кнопку включения — экран вспыхнул, замигала надпись «Нагревание».

— Овсяное молоко — внимание, шок! — делается из овса и воды. В итоге оно по вкусу как молочный коктейль с карамелью, но при этом не содержит лактозу и трансжиры.

— У тебя аллергия какая-то?

— Непереносимость лактозы. — ответил Антон, не желая вдаваться в подробности.

— А как же ты...

— Выпью фермент и буду в порядке.

В этот момент кто-то громко постучал во входную дверь. Вика отпрянула от стола и протиснулась мимо Антона, задев его бедро рукой. Антон уловил запах её слишком сладкого парфюма.

— Кто-то пришёл. Я скоро вернусь.

Антон кивнул. Машина нагрелась, фыркнула в кружку и пустила струйку кофе.

«Возвращайся-возвращайся. Уж я подожду...» — пробормотал Антон, поглядывая на мерцающий экранчик. Неподалёку кто-то прыснул от смеха, словно подражая кофеварке. Антон досталайфон, включил фонарик и провёл им по кругу. В икеевском кресле, забравшись в него с ногами, сидела копирайтерша Алиса. Она зажмурилась от резкого света.

— Напомни, как тебя зовут?

— Алиса.

— И чего это ты уши греешь, Алиса?

- Я первая сюда пришла. Никого не трогала.
- Не напрягайся, всё нормально. Могла бы и кашлянуть из вежливости.
- Я решила не мешать. — Алиса закопошилась в кресле и спустила ноги на пол, — Убери, пожалуйста, фонарик. Слепой я холдингу вряд ли пригоджусь.

Антон положил телефон на кофейный столик и накрыл вспышку двумя салфетками. По стене заплясали тени.

- Ты уже пила кофе? — спросил он Алису, которая сложила эйрподсы в кейс, демонстрируя то ли заинтересованность, то ли желание поскорее уйти, при этом не обидев руководителя.
- Я не пью кофе.
- А что пьёшь? Чай?
- Сидр.
- Верный путь к алкоголизму.
- Ну да, не овсяное молоко! — кольнула в ответ Алиса и поднялась с кресла, — Ладно, пойду поработаю, не буду мешать.
- Постой.

Антон поднял руку. В этот момент в офисе загорелся свет.

- Ты не святой случаем?

— Если бы. Скажи, — Антон обвёл рукой стены кофе-поинта, — Что бы ты сюда повесила?

Алиса с интересом оглядела стены.

— Бывал в баре Fiddler's Green на Рубинштейна?

— Один из моих любимых баров в прошлом.

— Там висят портреты моряков и голых женщин. Я бы повесила моряков. Подойдут под цвет стены.

Алиса направилась в кабинет напротив.

— А женщин? — спросил Антон ей в спину.

— А женщин нельзя. У нас же образовалка.

Всем бы так жить в образовалке. Впервые осматривая офис при свете, Антон отметил, что компания тратит слишком много средств на комфорт сотрудников. Educatee закупал регулируемые по высоте столы и ортопедические кресла, у некоторых разработ вместо мониторов среднего ценового сегмента стояли эппловские тандерболты. При этом половина из них предпочитала как можно чаще работать из дома.

— Надеюсь, завтра все будут на местах. — сказал Антон Стасу в кабинете.

Антон был убеждён, что комфортные условия должны быть следствием качественно сделанной работы, а не предоставляться сотрудникам по умолчанию — в противном случае высок риск, что сотрудники расслабятся раньше времени и потеряют мотивацию. Educatee служил тому наглядным примером: отчёты в личном кабинете загружались слишком долго, причём, в разных частях

экрана одновременно крутились по два-три прелоадера. Сколько времени осталось до конца загрузки и сколько данных уже загрузилось, система не сообщала. Редактирование профиля программисты реализовали во всплывающем окне, которое не влезало в экран на стандартных мониторах. Вишнёвой на торте стала форма добавления ученика. В случае, если учитель отправлял форму с неправильным номером свидетельства о рождении, данные уходили на сервер, сервер возвращал ошибку и... страница перезагружалась, все заполненные учителем данные пропадали. Из-за одной единственной ошибки.

Антона постоянно тянуло выпить ещё кофе и съесть что-нибудь сладкое, но у него кончились таблетки. А ещё с самого утра ему хотелось скинуть с себя офисную кожу, так что дома он с облечением отправил в стирку пропотевшую рубашку и убрал подальше в шкаф пиджак и брюки. Классическому стилю Антон предпочёл джинсы Levis и кроссовки New Balance, надел приталенную футболку и накинул поверх шерстяной свитер Barbour. Сменил ремешок у часов — вместо сине-белого вставил коричневый, в тон кроссовкам.

Свитер в итоге не пригодился, пришлось держать его в руках. На выставке Кабаковых в Главном штабе было душно — особенно в инсталляции-коридоре, где Антон потолкался с другими людьми и взглянул на письма Кабакова матери, но вчитываться не стал, так как уже понял основную идею выставки. Антон то и дело выслушивал Алису. Шансов встретиться было у них немного, но Антон надеялся на удачу.

После выставки он всё же не выдержал и выпил кофе на кокосовом молоке в фалафельной неподалёку. Нарушив табу, Антон впал в странное состояние потока — он лишился рефлексии, забыл про самоконтроль и очнулся только в «Хрониках» на Некрасова за круглым столиком напротив барной стойки, с прохладным стаканом овсяного стаута в ладони. Старт закончился слиш-

ком быстро; Антон попросил повторить. В желудке потяжелело, но Антон не пьянел, вокруг копошились люди. Наверное, их можно было бы назвать новой волной хипстеров, потому что выглядела они все примерно одинаково: носили оверсайз-одежду, светили татуировками и смотрели на мир сквозь очки в модернистских оправах из РYE. Парни не брили бороды, а девушки экспериментировали с пирсингом.

— Надо же, директор и не в ресторане!

Антон повернулся на возглас и наконец-то увидел Алису.

— Какой стартап, такой и директор. Что у тебя в бокале?

— Сидр.

— Присоединишься?

— Вообще, у меня встреча с подругой. Но она пока не пришла.

Алиса поставила бокал на стол. Антон принял равнодушный вид.

— Часто здесь бываешь? — спросил он Алису.

— Пару раз в месяц. А ты?

— Примерно так же.

Повисло неловкое молчание. Антон мучительно думал, как разговорить Алису и разговориться самому.

— Сегодня здесь много народа. — в итоге сказал он, не придумав ничего лучше.

— Да уж. Ты давно здесь?

— Да нет, только пришёл. Думал, выпью пару бокалов и поеду домой.

— Ты прямо из офиса сюда?

Наконец-то!

— Нет, — Антон отхлебнул пива, — Я из Эрмитажа. На выставку ходил.

— Ого. На какую?

— Есть такие современные художники, муж и жена... — начал объясняться Антон.

— Кабаковы?

— Да, они.

— А чего объясняешь тогда? Как будто я не знаю Кабаковых.

— Ну, большинство не знает. Привык всем объяснять.

— И как тебе?

— Я ещё не сформировал до конца своё мнение. Есть в этом что-то, но идёт слегка в разрез с моими попытками забыть ту среду, в которой я вырос. Ты-то ходила?

И разговор пошёл по накатанной. Алиса подробно рассказала Антону о том, почему Кабаков великий художник. Антон особо не прислушивался, но периодически задавал уточняющие вопросы.

— Ты сказал, что пытаешься забыть место, в котором вырос. Это где?

— Есть такой город в Поволжье...

Алиса округлила глаза, узнав, что они земляки. Естественно, разговорились о недостатках Коммунара-на-Волге, о людях, что там остались, о пропасти между двумя столицами и провинцией. Разговор прервался на середине; Алису тронула за плечо кудрявая девушка, параллельно осмотрев Антона с чёлки до ботинок.

— Подруга пришла. — будто бы извиняясь, сказала Алиса.

Антон приподнял почти пустой бокал с пивом.

— Рад был поболтать!

— Я тоже. До завтра, директор.

Подруга увела Алису во второй зал. Уйти сразу было бы глупо, поэтому Антон попросил у бармена «Атомную прачечную». Пока стоял в очереди, чувствовал, что на него посматривают, но обличаться не стал.

В бар набивался народ. Пока бармен доил пивной кран, столик Антона облепили со всех сторон. Посасывая ипу за стойкой, он размышлял, как бы ненавязчиво заобщаться с Алисой и её подругой, но так ничего и не придумал, в итоге себя пристыдив. В конце концов, он же директор, где его субординация?

Пиво вдарило по мозгам, мочевой пузырь распирало, но пройти в туалет мимо Алисы и не посмотреть на неё было невозможно, а пройти и посмотреть — глупо. Антон пересилил себя и выбрал уборную соседнего бара Redrum, до которой пришлось притискиваться сквозь толпу, словно в утреннем автобусе. Голова по-преж-

нему кружилась, но теперь Антон хотя бы мог прогуляться и прийти в себя. Он миновал магазин с красивой, сияющей горячичным светом вывеской «КНИГИ», и побрёл в сторону набережной вместе с парочками и студентами. Антон очень хотел остаться в одиночестве на какой-нибудь узкой улочке, но его желание так и не сбылось — люди заполонили центр города, наслаждаясь первыми тёплыми деньками. Антон не расстраивался, он уже привык. Несмотря на то, что он жил в Петербурге, а не в Москве, оставаться наедине с самим собой у него получалось редко. Даже дома, даже при закрытых дверях и окнах.

Что уж говорить про следующий день, когда в офис вернулись сотрудники и тут же наполнили его голосами, звуками, запахами еды, парфюма и пота. Мучаясь от похмелья, Антон сидел в переговорке и ждал начала митинга, наблюдая исподлобья, как разработчики шаркают сланцами, передвигаясь из кабинетов к непрерывно пыхтящей кофеварке.

Он так надрался вчера, что забыл исполнить традиционный посталкогольный ритуал: не проглотил таблетку «Нурофена», не спасся «Полисорбом», не разбавил алкоголь в желудке литром кипячёной воды. В результате утром раскалывалась голова, а футболька прилипла к коже, покрытой холодным потом. Антон наошупь отыскал лекарства в аптечке и запил их тёплой водой из чайника, кое-как привёл себя в порядок и даже успел выпить перед началом рабочего дня горячего бульона в столовой, но всё равно чувствовал себя неважно. То и дело поглядывая на часы, Антон мрачно размышлял, что возраст постепенно берёт своё, с каждым годом путь от веселья до похмелья сокращается — и вот уже два литра пива (пусть крепкого) да пару стаканов виски перед сном превращаются на утро в проблему.

А проблем у Антона хватало и без похмелья. Ему нужно было отчитаться перед холдингом о посредственном состоянии продукта, при этом не наводя на себя тень и не давая громких обещаний.

Антон пытался сформулировать ключевые фразы в голове, но не успел, на мониторе Smart TV появился продуктовый директор холдинга Кирилл Абрамов.

— Привет! — произнёс Антон басовитым с похмелья голосом.

— Привет, Антон! Что-то ты грустный какой-то.

— Не-не, всё нормально. Просто не выспался.

— У тебя же нет детей. В игрушки по ночам играешь?

Кирилл посмеялся над своей же шуткой.

— Ну что? Как первые два дня, рассказывай!

— Да бардак. Я когда приехал, у них тут света не было. Первую встречу проводили при свечах, представляешь?

— Неплохо! Ну ты починил?

— Да, всё сделали. Офис хороший, даже чересчур. Не по средствам живут. Продукт слабый, много чего придётся переделывать. Нам срочно нужен дизайнер, в интерфейсе чёрт ногу сломит.

— Слушай, всё там нормально, не нагнетай. Убедись просто, что основной функционал работает. Ты конкурентов не видел, у них совсем беда. Над процессами поколдуй, проследи, чтобы фичи новые выкатывали вовремя, научи их итеративности для начала...

— Короче, Кирилл, работы тут — жопой жуй.

— Ну так работай! Давай, осваивайся до конца недели, а в пятницу я создам встречу, обсудим уже конкретные шаги какие-то. И

найди административного директора, чтобы не отвлекаться на всякую ерунду вроде света. Или это... у тебя же там есть помощник?

— Да, Стас.

— Ну и как он?

— Да нормально. Не мешает — уже хорошо.

— Так свали на него всю административку, а сам продуктом занимайся. Хорошо?

— Ладно. Я тогда попробую сформировать общую картину какую-то. И по продукту, и по процессам.

— Договорились! Пиши, если что. И свяжись с эйчарами, если помощник твой не подойдёт для административки. Они вакансию откроют, я их предупрежу. У нас есть ещё что обсудить?

Антон помотал головой.

— У меня тоже ничего нет. Пойдём поработаем?

— Пойдём поработаем. — повторил Антон и сморщился от спазма желудка.

Пока Антон разговаривал с головным офисом, на работу пришел Стас, разложил намокшее под дождём пальто и сидел за столом в кабинете, пил чай. Увидев Антона, он символически привстал с кресла и протянул руку.

— Слушай, Стас, — спросил Антон, пожимая его ладонь, — А ты когда-нибудь увольнял людей?

Стас замялся.

— Пару раз всего. А что?

Антон подошёл к окну и почесал подбородок.

— Похоже, скоро у тебя появится отличная возможность прокачать данный скилл.

И работа закипела. Первым делом Антон разделил отдел на три команды полного цикла и передал каждой по куску продукта. Разработчики повозмущались, Антон поуспокаивал их для вида, но на деле махнул рукой. Сотрудники ещё не знали, какие перемены ждут их в будущем.

Антону повезло, Educatee уже установили в трёх учебных заведениях. Бывший владелец стартапа Елисеев дружил с создателем сети частных школ Orange Sun, ориентированных на финскую систему образования. Елисеев договорился с другом о тестовом внедрении сервиса... и через три месяца продал Educatee. Холдинг унаследовал старые договорённости.

По просьбе Антона фронтендер Женя прикрутил к продукту Full Story — систему аналитики, которая пошагово записывала пользовательские сессии. Учителя Orange Sun тупили, не понимали, как выгрузить отчет в формате .xls, пытались двигать колонки в списке и путали удаление с архивированием. Тогда Антон ещё раз попросил Кирилла Абрамова прислать ему двух продуктовых дизайнеров. Холдинг не поскупился и отправил трёх, во главе с дизайн-лидом. За два месяца они навели в командах шороха: прочесали всю систему, составили список доработок, к каждой задаче приложили записанные пользовательские сессии и аналити-

ческие показатели. Программисты по старой привычке презирали дизайнеров, считали их наркоманами (справедливости ради, один из трёх действительнонюхал меф), но Антон проявил максимальную настойчивость. Команды провели планирования, распределили задачи по неделям и начали делать их небольшими кусками, чтобы каждую неделю поставлять хоть и маленький, но результат.

Техническая поддержка продукта выдохнула: большинство типовых проблем решили, обращений стало в два раза меньше. Антон похвалил ребят, заказал пиццу с пивом и устроил «последнюю пятницу» — ежемесячный праздник, на котором стартап подводил итоги, делился новостями и отмечал успехи.

Параллельно с масштабным дизайн-ревью Антон нанял двух тестировщиков, сеньора и джуниора, которые начали покрывать продукт автотестами. Написанные за первый месяц работы тесты помогли избежать трёх падений. Презентация новой версии Educatee в Orange Sun прошла на ура.

Однако, без геморроя не обошлось. Бородатый девопс Семён принял нововведения в штыки: ему не хотелось заполнять описания задач по схеме «Who? What? Why?», он скучал на ретроспективах и ёрничал на планированиях. Семён критиковал решения, но ничего не предлагал взамен, постоянно закатывая глаза.

Раз в неделю Антон обедал с фронтедером Женей — обсуждал карьерные возможности, давал советы по организации командной работы. Женя признался, что Семён троллит Антона в чатах и даже сделал с ним стикерпак. Антон попросил прислать ему ссылку в Телеграм. Оказалось, Семён следил за сообщениями Антона в «Слаке» и выдёргивал цитаты из контекста. Больше всего Антона задел стикер «Проведем А/Б-тест?». Антон любил тестировать ги-

потезы на пользователях и действительно иногда перебарщивал. Семён же использовал стикер по любому поводу:

Jenya: За углом открылась новая бургерная. Сходим сегодня туда на обед?

*Semyon: *Проведём А/Б-тест*?*

Oleg: Оказывается, в общем холле толчок чище, чем у нас. Там каждый час убираются.

*Semyon: *Проведём А/Б-тест*?*

Антон тут же позвонил эйчар-директору Лене и попросил без лишнего шума открыть вакансию senior-девопса. Кандидата искали через агентство-партнёра и не упоминали конкретную компанию, только холдинг. Антон прождал две недели — и девочки Лены наконец прислали резюме парня из Самары, который прошёл два собеседования и предварительно принял оффер. Антон созвонился с ним в зуме, парень оказался на редкость адекватным и согласился переехать в Петербург на зарплату в полтора раза выше текущей.

Тогда Антон вызвал Семёна в переговорку. Девопс развалился на стуле и потряхивал бородой.

— Семён, — аккуратно начал Антон, — Вот я смотрю на ваш спринт и все задачи лежат в нём без описания.

— Ну да... — ответил Семен таким тоном, будто услышал бессвязную речь дебила.

— Почему?

— Потому что парни и так знают, что им делать. И я знаю, что им делать. Я даже знаю, что *мне* делать.

— Но я-то не знаю, что вам нужно сделать. Смотри, вот задача. О чём она?

— Антон, — Семен сел прямо и по-школьному сложил руки на столе, явно дразня его, — Ну вот напишу я: поделить YAML-конфигурации для Kubernetes. Ты же ничего не поймёшь!

— Я буду иметь общее представление.

— Не будешь. Это ж для тебя инопланетный язык.

— Но задачи пишутся не только для «твоих парней» или меня. Вот представь себе ситуацию: ты ушёл в отпуск или кто-то из твоих парней ушёл в отпуск...

— ... или на мое место пришёл новый девопс, да? — перебил Антона Семён, — Вы же открыли вакансию.

— Почему обязательно на твоё место? Текучку никто не отменял, в жизни случается всякое. Что мы дадим новому человеку? Твои пустые задачи?

— Если он нормальный девопс, он и так всё поймёт. А если вы наймёте идиота, то ему и описание не поможет.

Антон вздохнул.

— Но вы в любом случае наймёте идиота, потому что вместо реальной работы душите нас бюрократией.

Антон улыбнулся. Семен откинулся обратно на стул.

— Давай прямо — ну не найдёшь ты в Питере такого же девопса как я. Полгода искать будешь. Специалисты моего уровня давно уже сидят на удалёнке или уехали в Европу, а я так, из гуманистических соображений помогаю. Так что не дави и будем жить дружно. И эйчарам своим расскажи, что не стоит писать всем подряд. У меня на хедхантере два фейковых аккаунта как раз для таких случаев.

На этом моменте Антон не выдержал.

— А мне и не нужен такой же, Семён. Мы уже подобрали тебе замену. Нам не нужно никого искать, мы международный холдинг. Тебе. Просто. Пришлют. Замену. Так что катись отсюда, умник. Шлётай к Стасу и подписывай заявление по собственному.

Лицо Семёна побагровело.

— Я тихо не уйду!

— И ста рублей тебе не отдам. В качестве бонуса можешь не отрабатывать две недели. Просто исчезни.

— Я всех парней с собой заберу!

— Твои две сотки, на которые ты пьешь кофе литрами, ходишь дуть вейп ко входу и лупишься в пинг-понг, пойдут на повышение зарплаты моим парням. Моим, Семён. **Моим**.

Семён фыркнул.

— Давай без истерик. Я дал тебе шанс сохранить лицо.

— Я член профсоюза работников ИТ. Ничего подписывать не буду!

— Значит, будешь общаться с нашими юристами.

— Да без бэ!

Семён вскочил, оттолкнул от себя стул и что есть силы грохнул дверью переговорки. Антон тут же загуглил «Профсоюз работников ИТ». На сайте был указан мобильный телефон, последняя новость в ленте VK датировалась шестнадцатым годом. Для интереса Антон набрал номер профсоюза. Вне зоны доступа. Мёртвая низовая инициатива.

Стрелки часов Daniel Wellington описали неполный круг и на следующее утро Антон встретил Семёна у ресепшена.

— Ты опоздал на час.

— У нас гибкий график. — процедил Семён и пошёл к себе в спейс.

— По договору не такой уж и гибкий, идиот. — приговаривал Антон в кабинете, запрашивая у Семёна письменные объяснения по электронной почте, — По договору с одиннадцати ноль-ноль.

Уважительной причины для опоздания Семён не предоставил. Ровно через две недели после составления акта об опоздании на рабочее место, вечером, когда сотрудники разошлись по домам, Антон со Стасом нагрянули в кабинет системных администраторов. Стас открыл тумбочку Семёна запасными ключами. На полках стояли бутылки виски.

— Пункт один точка один, — зачитывал Антон вслух текст приказа — «Запретить работникам нахождение на рабочем месте, на территории объектов общества и/или на территории объектов третьих лиц, где по поручению Общества работник должен выполнять свою трудовую функцию, в состоянии алкогольного, нар-

котического или иного токсического опьянения, а также пронос на объекты Общества алкогольной продукции». Давай, Стас, оформляй акт и запрашивай у него объяснительную, а я пойду приказ об увольнении подготовлю сразу. Чего тянуть.

Во вторник Антон приземлился на гостевой стул в кабинете Алисы.

— Ты по работе? — не отрываясь от монитора, спросила Алиса, — По работе лучше позже. Я посты публикую.

— Посидим молча десять минут, хорошо?

Алиса пожала плечами — мне, мол, всё равно. Антон прислонился затылком к стене.

— Вот, (*неразборчиво*), ознакомься. — произнёс Стас в переговорке, — Два выговора, приказ об увольнении.

Молчали секунд тридцать. Наверное, шелест листов был слишком тихим.

— Я оспорю это в суде. — возразил Семён.

— Не оспоришь. Всё зафиксировано, проверено юристами. Нарушение приказа о запрете употребления алкоголя на рабочем месте, систематические опоздания с выгрузкой данных из СКУД. Письменных объяснений с доказательствами ты не предоставил.

Алиса обернулась и посмотрела на Антона. Он приложил к губам указательный палец.

— Семён, давай так. Ты подписываешь по соглашению сторон и мы, так уж и быть, даём тебе один оклад отступных. Я уговорил Антона Сергеевича поступить... Справедливо, что ли.

— В жопу пусть идёт твой Антон, блядь, Сергеевич!

Снова повисла тишина. Неужели пойдёт на принцип?

— Что подписывать, говори.

Стас тут же подсунул Семёну соглашение о расторжении трудового договора. Антон выдохнул и откатился от стенки.

— Звукоизоляция у нас в офисе, Антон, блядь, Сергеевич, просто отвратительная! — прошептала ему Алиса.

Антон улыбнулся.

— Никому не рассказывай.

— О чём именно?

— Обо всём вообще. С меня обед в качестве взятки. Через час освободишься?

Что ж, Стас справился. Незадолго до увольнения они повысили зарплаты подчинённым Семёна, сделали им вполне московские офферы, так что никуда они теперь не денутся. Остальным сотрудникам на Семёна плевать, он достал не только Антона — большинство вздохнёт спокойно. Надо было его, конечно, пнуть, но он же развоняется, растреплет потом, что пришёл большой холдинг и выставляет людей на мороз за копейки... А так коллектив не демотивирован (если что, даже полным мудакам дают

один оклад), но и не расслабится. С нелояльными людьми у холдинга разговор короткий.

Вечером Семён похвatal свои манатки и с красной мордой утопал из офиса. Антон собрал всех в толк-руме.

— С другими сотрудниками никто не расстаётся. Взгляды Семёна на построение процессов кардинально разошлись с нашими и он, к сожалению, не предложил ни одного решения, только критиковал. Нам нужны проактивные люди. Если специалист только критикует, мы расстанемся с ним несмотря на его высокую квалификацию.

— А как предлагать-то? — хором спросили с третьего ряда.

— Каждый из вас может написать мне в «Слаке» и обсудить *абсолютно* любой вопрос.

Никто не возмутился. И правильно — каждый видел результат, видел, как растёт продукт. После встречи Антон открыл Educatee, залогинился и сформировал три отчета: оценки класса за неделю по предметам, плотность учащихся по району, график роста количества учеников по годам. Все три выгрузил в CSV, после чего запросил смену пароля и сразу же отменил попытку по электронной почте. Функционал работал как по маслу.

Глава 3

Копирайтеры — писатели на службе капитала. Иллюстраторы — художники на службе капитала. Шантажисты прикidyваются менеджерами по продажам, пиарщики и маркетологи выдают обман за искусство. Какие плечи, госпожа Рэнд, о чём вы? Атлант продал нам вещи.

Алиса ткнула «Отправить» и взвизгнула, тут же полезла в меню удалять сообщение. Овца, опять перепутала окна браузера и запостила личный пост на стену рабочего профиля! Хорошо, что сейчас уже третий час ночи. Вряд ли кто-то из подписчиков или коллег увидит сообщение, провисевшее пару секунд.

Алиса призналась себе, что пора идти спать. Но ведь нельзя просто рухнуть на диван и уснуть — нужно смыть макияж, идти искупаться мицеллярку... И примерно то же самое пережить утром: со слившимися глазами брести в ванну, мыть голову, скрючившись буквой зю, затем сушить её феном, вычерчивать стрелки в углах глаз и выравнивать лицо тональником, подбирать одежду и зависнуть на пару минут у комода (придётся сегодня снимать обувь или можно надеть дырявые колготки)? Алиса никак не могла понять, за что мир диктовал девушкам столько непонятных никому правил, почему в одних местах они должны отращивать, а в других — сбривать волосы, почему именно в этих, а не наоборот? Но что бы там не писали бодипозитивщицы в твиттере, Алисе больше нравились бритые подмышки и не нравился жир на боках, она ничего не могла с собой поделать, лишь морщилась от подобных мыслей и сама себя одергивала. Какие к чёрту подмышки, посерёзнее проблем не хватает?

Самая острая проблема мучила Алису каждое утро, одновременно со сборами на работу. Год назад Алиса поняла, что занимается не своим делом и прожигает жизнь в угоду корпорациям. С пятнадцати лет она мечтала работать культурным обозревателем. Конечно, иные сказали бы, что ей повезло — она быстро попала в сферу EdTech, хотя могла бы, как бывшие однокурсницы с журфака, писать слоганы мясному комбинату или настраивать таргетинги для биржи бинарных опционов. Однако, Алиса всё равно не питала иллюзий касаемо Educatee. Какой бы благой миссией не прикрывалась компания, главной целью её существования оставалась максимизация прибыли. Особенно чётко это стало понятно после покупки стартапа холдингом Eternum. В офис приплыли акулы в костюмах, стали наводить свои порядки и по капле выжимать из людей эффективность. Алиса всё чаще подумывала превратиться в культурного отшельника, смириться с бедностью или даже с нищетой, но уходить с работы боялась. Чем тогда платить за съёмную комнату? На что есть, лечить зубы, покупать одежду, косметику?

Приходилось закусить губу и пыхтеть на два фронта. Алиса писала о кино, но справилась бы и с современным искусством, и с актуальной музыкой — принципы рецензирования ведь одни и те же, важны лишь насмотренность и ракурс, которые нарабатываются со временем. Алиса не взялась бы только за литературу, потому что на книги уходило слишком много времени. Иногда за выходные ей удавалось посмотреть пять-шесть фильмов, а шесть книг за два дня не прочтёт даже Галина Юзефович. Будь у Алисы побольше времени, она бы развивалась быстрее, но после работы у неё обычно не оставалось сил ни отсматривать картины, ни писать о них. К марта Алиса с ужасом обнаружила, что список заветившихся новинок не уменьшается. Денег за рецензии не платили и Алиса поняла, что эти два события — знак, кнопка паузы, на которую стоит нажать немедленно. Алиса перебрала в уме варианты и решила сосредоточиться на интервью и социально значимых расследованиях. Материалы Голунова и Вани Сурвилло, ка-

налы Шихман и Пивоварова вселяли в Алису надежду. Они могут позволить себе быть профессионалами и не писать гайды для мамаш «Как собрать второклашку в школу». Они могут, а у Алисы всё впереди.

Алиса бросила строчить рецензии на телефон в метро. Вместо этого она машинально оглядывала рекламу в вагонах и ломала голову над двумя вопросами: как найти героя для интервью? Где отыскать значимый и неизбитый сюжет?

В голову ничего не приходило. Зато, обдумывая перезапуск карьеры, Алиса переставала замечать на себе пристальные взгляды разномастных мудаков. В метро Алиса чувствовала себя товаром в окружении купцов, отвлекающихся разве что на смартфоны (для некоторых мужиков дисплеи оказались заманчивее одетого женского тела). Хотя, кто его знает? Может, они в это время капали слюной на девушек в инстаграме.

Липкие взгляды преследовали её повсюду. Вот и сейчас, встретившись в кафе с неизвестным, но подающим надежды художником, Алиса получила вместо откровенного интервью поток флирта и бахвальства. Она задавала открытые вопросы, откопала несколько неоднозначных фактов (для этого пришлось листать ленту его фейсбука аж до 2008-го года), но так и не вывела художника на содержательный разговор. Понимая, что задумка провалилась, Алиса расплатилась за свой чай и уехала на работу, переведя телефон в беззвучный режим. На её номер, неосмотрительно оставленный художнику для связи, уже сыпались сообщения с предложением встретиться ещё раз и дорассказать забытое. Алиса понимала, что скучное интервью никуда не возьмут. Его даже расшифровывать нет смысла, не то что предлагать в издания... И этот хвастун обидится, будет писать гадости или угрожать, обвинять в попусту потраченном времени, а о её трёх часах никто не

подумает — хотя именно из-за интервью ей придётся сидеть сегодня в офисе допоздна. «Посты сами себя не напишут».

На работе к ней тоже прилипали взгляды, хотя среди программистов чаще попадались те, кто боялся смотреть на девушек, опускал глаза и подглядывал исподтишка. Не скрываясь смотрел лишь продуктовый директор Антон.

Он вообще слишком много о себе мнил, этот Антон: заполнял окружающее пространство запахом парфюма, уверял коллег, что продукт развивается и нас ждёт безоблачное будущее, хотя сам пнул девопса Семёна на улицу, как только они не сошлись в какой-то мелочи. Люди в курилке тут же напряглись и с тех пор не доверяли ни единому слову директора, понимая — если холдинг захочет, то все отправятся на мороз, а оспорить увольнение в суде будет ой как непросто, учитывая серые зарплаты и наглость холдинговых юристов.

Но Алиса всё равно не испытывала к Антону отвращения. Семён бесил многих, а уж Алису в первую очередь. Не найдя никого слабее, Семён постоянно стебал её и подкалывал. Офис-менеджерка Вика успокаивала Алису, убеждала, что Семён мстит ей за молодость и красоту, которую ему, жирному хрычу, никогда не заполучить. Вика вообще умела обернуть подколки, липкие взгляды, сальные фразочки в свою пользу, вила из коллег верёвки и советовала Алисе последовать её примеру. Но Алисе хотелось свить разве что петлю для подобных персонажей и вздёрнуть их где-нибудь в туалете под трек Мерлина Мэнсона. В том, что она справится с завязыванием петли, Алиса не сомневалась — она с двенадцати лет завязывала галстуки по утрам.

Со временем Алиса догадалась, в чём причина её снисхождения к Антону. Он был единственным коллегой, с кем она пересеклась вне офиса, если быть точнее — в баре «Хроники», где топ-менеджеры появлялись нечасто. Пожалуй, именно там он и показал

своё истинное лицо, не испещрённое самоуверенностью и высокомерием. Алиса знала, что нравится Антону, она поняла это сразу же, как только ушла от него к подруге Дашке. Антон остался за столиком в одиночестве и не знал, чем заняться дальше, шатался у барной стойки. Весь его вид говорил о том, что он хочет вернуться к Алисе и продолжить разговор, казалось даже, что от напряжения у него шевелятся уши. С тех пор ни подлое изгнание Семёна, ни лёгкий флирт Алису не раздражали.

На рецепции офис-менеджерка Вика привычно дёргала за свитые верёвочки, хихикала и строила из себя дурочку. Алиса переступила через паутину флирта и отправилась в кабинет, где кроме неё сидела команда из пяти человек. Алиса не имела к ним никакого отношения. Просто в первый рабочий день исполнительный директор Стас не нашёл для неё подходящего места и посадил за пустующий стол в одном из кабинетов. С тех пор команды переезжали уже дважды, но Алиса неизменно оставалась за своим столом в уголке кабинета, где стенка из матового стекла отделяла её от переговорки. Офис плохо звукоизолировали и Алиса целыми днями слушала, что обсуждают коллеги. Интереснее всего проходили встречи менеджмента, квартальные ревью разработчиков с эйчарами и собеседования кандидатов. Технические встречи вели на инопланетном языке, который Алиса никогда раньше не слышала; впрочем, со временем она стала понимать, что означают все эти «рефакторинги» и «мёрж-реквесты», как разработчики собираются «зарезолвить конфликты» и почему они так раздражаются, если «консоль заливает красным». Алиса заливала красным только дорогую рубашку и уже поняла, что в любом контексте ничего хорошего от этой фразы ждать не стоит. Чаще всего, заслышиав очередную россыпь терминов, Алиса включала в наушниках музыку или подкасты.

Как только Алиса бросила на кресло сумку, в кабинет заглянул Антон и позвал её в переговорку, где за столом сидела незнако-

мая женщина в оверсайз-пиджаке с тай дай принтом, с карэ на ножке и полуматовой винной помадой.

— А вот, собственно, и она. Алис, знакомься, это маркетинговый тимлид холдинга Венера. Венера — это та самая Алиса, которую я тебе расхваливал.

Алиса засмукалась и мысленно поморщилась. В меценатство она не верила и в комплиментах чаще всего искала подвох или скрытый интерес.

— Алиса, привет! Присаживайся.

Алиса села на стул и вопросительно посмотрела на Венеру.

— Ну, я вас оставлю. Дела не ждут. Зайдёшь ко мне потом?

— Хорошо! — хором ответили Венера с Алисой.

Венера засмеялась.

— Ты кому из нас?

— Да я обеим, на самом деле. — как-бы разрядил ситуацию Антон.

Венера, избегая неловкой паузы, сразу же взяла слово:

— Извини, что мы так неожиданно встретились, без предварительной договорённости. Дело в том, что нам понравилась та работа, что ты делаешь для соц.сетей «Educatee» и я решила познакомиться с тобой лично, рассказать, чем в принципе занимается маркетинговый отдел холдинга, обсудить пару вопросов.

— Спасибо. Приятно, что оценили.

— Смотри, почему мы встретились именно сейчас: насколько я знаю, ведение соц.сетей и новостей на сайте не занимает у тебя всё время, помимо этого ты занимаешься чем-то ещё. Это действительно так?

Алиса пожала плечами.

— Пишу документацию для продукта. Ну и помогаю иногда тех.-поддержке формулировать шаблоны ответов.

— А что за шаблоны?

— Это база типовых ответов. Я помогаю сделать их... Ну, дружелюбнее, чтобы они соответствовали нашему tone of voice.

— А он где-то у вас описан, задокументирован?

— Нет, он исключительно у меня в голове.

— Вот, об этом и речь. Для тебя не станет сюрпризом, что Educatee быстро развивается, штат растёт. Для документации холдинг уже ищет техписа, а нам очень нужен человек, который помог бы формировать для продуктов холдинга brand personality. Поэтому я хотела бы предложить тебе стать частью нашей команды и сосредоточиться на тех вещах, которые получаются у тебя лучше всего. Как ты на это смотришь?

Венера откинулась на спинку стула и покрутила в руках фирменную ручку.

— То есть, вы предлагаете мне сменить работу?

— Не совсем. Я предлагаю тебе вырасти. Первое время ты так же будешь заниматься Educatee, но мы найдём тебе помощника. Пе-

редаешь ему рутину, а сама посвятишь освободившееся время делам нашего отдела.

Алиса заметила, что Венера параллельно делает заметки в блокноте. Прямо-таки Цезарь в юбке. Хоть и сидит в брюках.

— Давай я немного расскажу тебе о нашем отделе. У нас примерно двадцать человек: маркетологи, пиарщики, редактор, хотя мы не разделяем обязанности по ролям и сфокусированы на подготовке профессионалов с широким набором компетенций. Мы сидим в кипрском офисе, в Лимасоле. Мы ведём пять продуктов компании, у остальных есть выделенные команды маркетологов. Нашей целью ближайших двух-трёх кварталов станет, как я уже упомянула, формирование brand personality для трёх продуктов: автоматизированной рекламной сети и секьюрити-сервиса. Третьим станет Educatee.

— Я даже не знаю, что и сказать... — призналась Алиса.

— Я не тороплю, у тебя есть время подумать. Мы не обсуждаем сейчас финансовую сторону вопроса, об этом ты поговоришь отдельно с эйчарами. Я такой информацией не располагаю.

— А как называются продукты, которым нужно будет выработать коммуникацию?

— Рекламная сеть HipAds и сервис GuardVPN. Посмотри портфель на сайте холдинга, там есть ссылки.

— Хорошо, я посмотрю. Подумаю, чем смогу помочь.

Антон осторожность Алисы не оценил.

— Алис, о чём тут думать?! — удивлялся он, ставя два гречишных чая на столик в кафешке, — Соглашайся конечно! Это же карьер-

ный буст, опыт, перспективы. На обучение отправят, купят все необходимые курсы. Зарплату поднимут, опять же, помощника дадут. Я реально не понимаю, чего ты сомневаешься.

Ещё бы ему понимать! Каждый день Алиса страдала от того, что обменивает жизнь на деньги. Поэтому она и не пошла работать в два интернет-магазина, упорно искала вакансии социальной направленности — и дождалась-таки Educatee, хотя под конец ей казалось, что она свихнётся от стенаний мамы, которая обвиняла Алису в нахлебничестве и тунеядстве.

Венера умолчала об этом, но в её речи то и дело сквозила фраза «придётся работать больше», потому что три проекта, даже в команде — это всё равно три проекта вместо одного. Чем сложнее задачи, тем больше времени на них ты будешь тратить. Алиса же рассчитывала работать как можно меньше, всё больше и больше времени уделяя своему призванию — журналистике.

Антону Алиса ничего из этого не сказала, лишь покивала для приличия, да съязвила пару раз по привычке. Дома она первым делом полезла на сайт холдинга и нашла в списке HipAds с GuardVPN.

HipAds позиционировал себя как «автоматизированная рекламная сеть с большим объёмом показов и реальными конверсиями». Алиса мало что знала об Adtech-рынке, поэтому отправила ссылку подруге Дашке, которая занималась таргетированной рекламой в одном из агентств. Второй продукт оказался куда проще: «GuardVPN» предлагал VPN-серверы двадцати стран за помесячный или годовой тариф. Алиса пробежалась по сайту и соцсетям, посмотрела тексты. Слоган продукта гласил: «В одном клике от безопасности», но в постах никто не делал упор на безопасность. Алиса сразу начала перебирать в голове идеи. Подписки «GuardVPN» можно было превратить в так называемый «safety space» — место, где любой подписчик чувствовал бы себя безопас-

но несмотря на политические взгляды, пол или сексуальные предпочтения. Однако, Алиса себя одёрнула. Не стоит тратить силы на дело, под которое ты ещё не подписалась. Для начала нужно посмотреть и на другую сторону баррикад: а что о сервисе думают пользователи? Алиса открыла первый же сайт отзывов и начала читать:

«Всё больше людей начинают ценить анонимность в сети или сталкиваются с блокировкой на территории их страны каких-либо интересующих ресурсов. Чтобы оставаться анонимными и обойти блокировку многие из этих людей прибегают к услугам прокси-сервисов, одним из которых и является Guard-VPN...»

Так, ладно, это купленный отзыв. Вот:

«Прежде чем покупать эту шляпу, присмотритесь к соглашению, которое прокликаете при регистрации. Читаем прямым текстом: “Также мы можем предоставить информацию третьим лицам с целью проведения исследований, анализа и маркетинга”. Это всё, что надо знать о приватности этой шарашки».

Статья «Почему не стоит покупать дешёвый VPN» подтвердила отзыв. Пользователи доверяли «GuardVPN» собственную анонимность, а сервис при этом следил за активностью клиентов и сливал их данные рекламным сетям. Например, Алан часто заходит на сайты знакомств, ему тридцать четыре года, он белый и не женат, а его соседка Меган каждый день посещает обувные интернет-магазины. Рекламные сети анализировали полученную от «GuardVPN» информацию и показывали Алану вебкам с моделями-азиатками, а Мэган подкидывали баннер о бешеных скидках в новом интернет-магазине. Главным потребителем этих данных наверняка был родной для холдинга «HipAds».

Последней деталькой в мозаике стало сообщение от Дашки:

«Кис, HipAds это tier3-говносетка. Видела в инете баннеры про увеличение члена, айфон в подарок, зарабатываю \$3000 в неделю из дома и тп? Через такие сетки подобную рекламу в основном и гоняют».

«И площадки для рекламы у них соответствующие: пиратские сайты с фильмами, ломанный софт, вебкам, порнуха. Мы в таких сетях рекламу не крутим, конверсии нулевые. Конечно, если ты сам не разводила».

Горячие струи воды стекали с волос на плечи, зеркало запотело и дышалось в ванной с трудом. После подобных историй всегда хотелось помыться. Алиса тасовала в уме аргументы. «HipAds» с дружками засрали интернет — её интернет, наш интернет, интернет, давший целому поколению надежду на то, что хотя бы в Сети они построят справедливое общество без обмана и насилия. Но вслед за большой аудиторией всегда приползают товары и услуги, реклама и потребление. Бизнесмены превратили Сеть в симулятор реального мира. «HipAds» делает миллионы на лени и глупости масс, а массы ведутся на откровенный кликбейт и обещанную халяву.

«Россияне разинули рты, узнав, кого Путин выбрал преемником! Им станет...».

«Павел Дуров устал от коррупции властей и объявил беспредентную акцию...».

За каждый клик, за каждое пособничество мошенникам «HipAds» получит свои комиссионные.

— Слушай, ну их же никто не заставляет кликать. — возражал ей на следующий день фронтендер Женя, гоняя по тарелке недо-

еденный кусок картофеля айдахо, — Ты же вот не кликаешь. И я не кликну.

— Ты перекладываешь вину на пострадавших. Они воспитаны в такой среде. Обманывать слабых подло.

Женя морщился.

— Да брось! Я тоже из бедной семьи, но я не бухал в подъездах и не отжимал мобилы. Я программировал. Всегда можно вырваться, нужно только захотеть.

— А кто у тебя родители? — прищуривалась Алиса.

— Мама учительница, а у папы свой охотничий магаз.

— А у тех, кто кликает — рабочие с завода. Или алкоголики вообще. У вас разные стартовые позиции.

Алиса победно комкала салфетку и отправляла её в пустую салатницу.

— У меня у одноклассника пapa в мэрии работал. И чего? Одноклассник бухал с гопниками и держал весь класс в страхе. У тебя какой-то чёрно-белый мир.

— Ладаадно... — принимала вызов Алиса, — Ну а ты бы пошёл в «HipAds»?

— Ну, мне сейчас лучше компанию не менять, а года два-три стабильно поработать. Я же джун.

— Ну а гипотетически?

- Гипотетически пошёл бы, конечно.
- И тебя бы не смущило, что фичами, которые вы разрабатываете, пользуются люди с такими же ценностями, что и гопники в твоём подъезде?
- У них не одни и те же ценности.
- Ну, конечно! И у тех, и у других мечты «от велика до гелика». И модель из инсты на пассажирском.
- А платформа-то тут причём?

Алиса вопросительно взглянула на Женю.

- Ну, смотри. Фейсбук можно использовать для организации революции, а можно больным детям помогать. Платформа изначально нейтральна, плохой или хорошей её делают пользователи. Мы создаём платформы, а не людей.

«Боже, Женя, ну ты и душнила!» — хотела было крикнуть Алиса, но в очередной раз сдержалась. Сидит тут, умничает. Революция для него, видите ли, зло!

- А людей кто создаёт, по-твоему?
- Общество и государство. За них я отвечать не собираюсь.

Алиса рассмеялась. Женя покраснел.

- Как ты изменишь общество, если будешь плыть по течению?
- Я помогаю менять, вообще-то.

— Как? — показушно умилялась Алиса.

— Ну, допустим, я доначу.

— Кому?

Рядом с ними встал мужчина с подносом и вертел головой из стороны в сторону, ища подходящий столик. Женя привстал со стула:

— Пошли, мы уже доели. Людям места не хватает.

— Так кому ты донатишь? — прилепилась Алиса, идя к стойке с грязными подносами.

— Ну... Светову.

И Женя ловил взгляд Алисы, ища в нём хоть немного уважения или одобрения. Алиса отвернулась и сдерживала улыбку. Светову, кому же ещё? Пятьсот рублей в месяц autopлатежом скинул — и совесть чиста.

Аргументы Жени не переубедили Алису, хотя тезис про нейтральность платформы всё же засел в голове. Интернет стремился стать аполитичным, сгружал ответственность на чужие плечи. Просто инструмент! Как и телевидение. Как и молоток. Никто же не обвиняет молоток в том, что им пробивают затылки, ведь на самом деле он предназначен для забивания гвоздей. Никто не запрещает ножи и бейсбол. Через «HipAds» можно продавать не средство для увеличения члена или «русских красоток, готовых на всё», а кроссовки «FILA» или билеты в театр. Оставалось выяснить, почему продают первое, а не второе и влияют ли на это создатели.

Алиса будто закидывала удочки из лодки на середине озера. Сначала она написала Венере и спросила, на какую аудиторию они ориентируются, формируя стиль общения для «HipAds».

«В основном третий мир. Индонезия, Таиланд, Малайзия, паки, индусы. Есть немного клиентов из США и Европы, но там мизер».

Наверное, Венера думала, что большинство людей в индустрии столь же непробиваемо циничны, как и она сама.

— Они на третий мир смотрят, потому что там дофига говносайтов, — разжёывала Алисе Дашка вечером за бокалом вина в Tiger Lilly, — Футбольные стриминги в дни больших матчей собирают огромную аудиторию, казино всякие, лотереи, вебкамы для белых растут как грибы. Но интереснее всего с фильмами.

— А что с фильмами?

— Ну, пиратство. В третьем мире у многих нет денег на кинотеатры и они смотрят фильмы онлайн. Им перед просмотром показывают фейковое окно «Подтверди, что тебе уже есть восемнадцать». Они кликают «Подтвердить» — и «HipAds» подписывает их на рекламные пуш-сообщения! А отключить-то их как? Там в браузере чёрт ногу сломит, удаление запрятано глубоко в настройки. И азиаты месяцами получают на телефон мусорные уведомления.

Алиса непонимающе морщилась.

— А толку-то? Они же смахивают их просто.

— Да почему смахивают? Это ж бедные азиаты. «Зарабатывай на бирже», «Привет, красавчик, пообщаемся?», что там ещё? Кликают, ведутся. Не всегда даже понимают, что это реклама. А если

даже и не кликают — есть так называемая СРМ-модель, по которой заказчик платит не за клики, а за просмотры. Если тебе из каждого утюга показывают «Азино три топора» или «1X Bet», ты их запомнишь и при случае зakinешь деньги именно туда.

Дашка злорадно хохотала и отпивала рислинг из бокала.

— Ты ещё не знаешь, каково там менеджерам, которые уговаривают владельцев сайтов поставить их рекламу. Сидят парни и переписываются от лица девушек, на аватарках у них тёлочки с глубоким декольте. Азиаты или арабы, что держат пиратские сайты, больше ведутся на белых тёлочек.

— Ой, да ладно. Арабы прямо взяли и поверили?

— Ну, если текстом, то да, а если созвон, то пацаны просят девушку-коллегу за них поговорить.

Алиса ушла от Дашки с чувством омерзения, но к утру гнев постыл и по другое плечо возник Женя. Выслушав очередную порцию критики от Алисы, он пожал плечами:

— Ну и что. Зато азиаты смотрят фильмы или эмоционально разгружаются через игры. Всем от этого только лучше, а сервисы постепенно станут легальными. И почему ты думаешь только о тех азиатах, что потребляют услуги? Подумай о тех, кто эти сайты создаёт.

— С ними-то как раз всё понятно!

— Нет, не всё! HipAds даёт им возможность заработать. Они нанимают помощников, люди богатеют, третий мир богатеет. И умнеют в конце концов, потому что дети этих людей будут учиться в

нормальных местах и на разводки в интернете уже не поведутся. Мошенники отомрут.

Голова Алисы наливалась свинцом.

— Ты просто хочешь всего и сразу. И чего ты вообще взъелась на холдинг?

— Да они работать меня зовут, а я не могу, мне совесть не позволяет.

— Слушай, ну не знаю, причём тут совесть. Ты честно работаешь, развиваешься, проявляешь инициативу. Холдинг инвестирует в продукты, движет прогресс вперёд.

Алису зажимало в тиски. Не имея больше сил на размышления, она решила узнать мнение человека со стороны. Выбор пал на Вику, но офис-менеджерка была далека от айти и обращала внимание на совершенно другие вещи. Ловко развернув фантик, она закинула конфетку в рот:

— Да я вообще не понимаю, чего ты паришься. Забила себе голову ерундой какой-то. Кто там тебя переубеждает, Женя? Это мальчик такой скромный из твоего кабинета?

— Ну да. Он фронтендер у нас вообще-то, Вик!

— Ой, не надо мне голову терминами забивать. Программист и программист. Ты бы лучше с ним почаше обедала, чем с Дашкой этой своей. Он воспитанный, покладистый, получает, наверное, неплохо. Будь я твоего возраста, я бы сама присмотрелась.

Дальше Алиса не слушала. И вот на этих она хочет равняться? Хрен там. Своя голова на плечах.

Втаптывая в асфальт непросыхающие лужи, Алиса не знала, что жизнь раскачет качели ещё сильнее. На профильных форумах Алиса нашла отзывы о HipAds Anti-AdBlock — инструменте, который позволял показывать баннеры даже со включенным блокировщиком рекламы. В то же самое время эйчар холдинга назначила Алисе встречу на утро четверга. Алиса читала паблики юзеров HipAds и поражалась, какие же это гнилые люди. Глупость бедных они воспринимали исключительно как инструмент для обогащения, а особо успешные тут же запускали курсы или интенсивы, хвастались перед слушателями дорогими часами, гаджетами и мерседесами. Алиса с раздражением закрывала вкладки, а эйчарка вписывала в графу «заработка платы» сумму на двадцать тысяч больше. И когда эйчарка с улыбкой подвинула к ней распечатанный оффер, Алиса закрыла глаза, чтобы не расплакаться.

— У холдинга получше ДМС, он включает ежегодную диспансеризацию и стоматологию. И я не рассказала тебе про бонусную систему. У нас есть квартальные бонусы. Каждый бонус формируется из четырёх показателей: твой месячный оклад умножается на проектный коэффициент эффективности, плюс — на успех команды с точки зрения бизнеса и на твой личный успех, который оценивает тимлид. Формула сложная, но ты можешь прикинуть позже. Я написала её на обороте оффера.

Эйчарка испытывающе рассматривала Алису.

— Мы с Венерой договаривались, что я отвечу во вторник. У меня же остался ещё один день?

— Да, без проблем, если тебе нужно подумать... Может, я рассказала о чём-то недостаточно подробно, у тебя возникли какие-то сомнения? Говори, не стесняйся. Если перейдёшь в холдинг, я

стану твоим постоянным hr-бизнес-партнёром. Со мной можно как с врачом, только о карьере.

— Нет, в целом мне всё ясно... Просто я... В общем, мне надо посоветоваться. С парнем. С молодым человеком.

Враньё про парня вырвалось само собой. Алиса листала Телеграм в автобусе и сутулилась под тяжестью предстоящего выбора.

В это же самое время фронтендер Женя листал в инстаграме фотографии Алисы.

«Идиот» — думал он, приближая её фото в купальнике — «Начитался книжек и сразу выдаёшь все карты на стол. Если она послушается тебя, то улетит на Кипр и шансов больше не будет. Подумай о себе».

Женя давно уже мечтал обмениваться с Алисой ресурсами, но она не обращала на Женю внимания. А ещё она постоянно сочувствовала люмпенам и ленивым, что раздражало Женю, хотя долго злиться на Алису он не мог. Споря с Женей, Алиса прикусывала губу и чёлка смешно падала ей на глаза, прикрывая шрамик слева от верхнего века. Она отбрасывала чёлку назад и в груди у Жени теплело. Он терпеливо загонял это тепло поглубже. Любовь — выдумка романтиков, в отношениях мужчины и женщины важна чёткая регламентация и здравый эгоизм. Поэтому Женя и не спал, он думал, думал, думал, он очень хотел, чтобы Алиса осталась в Educatee, но не мог позволить себе решать за неё, это противоречило его принципам. Он являлся третьим лицом в этой ситуации, а третье лицо не имеет права вмешиваться в чужие контракты.

Что первично в справедливом мире без агрессии и насилия — собственное желание или желание другого человека?

Под утро Женя решил, что его желание важнее. Так честнее перед самим собой. «С её талантом она может уйти куда угодно. Я не делаю выбор за неё, я лишь немного её задержу» — повторял самому себе Женя, стоя на дейли-митинге. Скрам-мастер щёлкал мышкой и актуализировал статусы задач, но Женя не слушал скрам-мастера. После дейли он подошёл к Алисе и позвал её пить кофе. Алиса сидела за столом бледная, с мешками под изумрудными глазами, она пыталась отказаться, но Женя настоял. Порой ему казалось, что со стороны он похож на инопланетянина. Чт ж, первые проповедники идей всегда кажутся массам сумасшедшими.

Алиса налила себе чай и смотрела, как на поверхности кружится листочек мяты.

— Слушай, я тут вчера подумал... Не надо тебе переходить в холдинг.

Алиса не поднимала взгляд. Женя покраснел, но продолжил:

— Если тебя мучает совесть, то лучше не иди. Надо быть честным с собой до конца. Искать работу мечты, а не кидаться на первое же предложение.

Алиса метнула взгляд в сторону Жени. Его уставшие от долгого стояния на дейли колени подкосились.

— Ты думаешь, я не знаю об этом? Я же девочка, да, я же тупая? Я почти год ждала предложения от Educatee, отказывала сраным барыгам из онлайн-магазинов!

— Ну, подожди, чего ты сразу «барыгам». Они предприниматели, они...

— В жопу себе засунь своих предпринимателей!

Алиса отошла от барной стойки и выплеснула чай в раковину.

— «Нада бить сесьным до коныця!» — спародировала она Женю,
— Тоже мне, учитель нашёлся! Сам за сутки мнение поменял, а
меня учит быть честной до конца. Без тебя разберусь!

Раковина забилась и плохо спускала воду. Алиса шлёпнула кружку в лужу чая и потопала в сторону кабинета. Женя что-то промямлил в ответ, но Алиса даже не пыталась его услышать. Женя лебезил перед ней, а она втихую читала его телеграм-канал о либертарианстве. Двуличный придурок, ещё и недалёкий, в канале герой, а в жизни хер жуёт во рту, постоянно непонятно что он там бубнит себе под нос.

Алиса дошла до кабинета топ-менеджеров и толкнула дверь без стука. Стас спал, сидя на диване, и потихоньку сползнул вниз. Рубашка задиралась всё выше и выше, обнажая волосатое пузо.

— СТАС! — крикнула Алиса.

Стас подскочил и шмыгнул слюной.

— Ты чё орёшь? — спросил он, запихивая рубашку обратно в брюки.

— Извини, я не хотела. Где Антон?

— В командировке он.

Алиса удивилась.

— На Кипре?

- Нет, в Коммунаре.
- В Коммунаре?
- Нет, в Париже! — разозлился Стас, — Ты можешь сказать, чего тебе?
- Поговорить с ним надо было.
- Я за него, со мной поговори.
- Нет, мне именно с ним нужно поговорить. Когда он вернётся?
- Он надолго. На несколько недель.

Алиса разочарованно покивала.

- Понятно. Ладно, я пойду.
- Напиши ему в слак. Он не сразу, но отвечает.

Ждать, пока Антон освободится, Алиса не хотела. Отыскав в телеграмме чат с эйчаркой, Алиса набрала сообщение:

«Я согласна, если увеличите оффер ещё на 10к».

Офис-менеджерка Вика перебирала бумаги у стойки. Алиса махнула ей рукой, улыбнулась и толкнула стеклянную дверь.

К чёрту работу! Её ждёт белый портвейн в пустых будничных «Хрониках».

Глава 4

Таксист попросил Антона сесть вперёд, потому что на заднем сиденье валялись детское кресло и соковыжималка. Антон согласился при условии, что водитель выключит радио «Дача». Несколько минут таксист щёлкал поворотниками в тишине, но затем не выдержал, принялся жаловаться на ГИБДД.

— И вот я сижу у этого мента, представляешь. Он мне такой: ну, я не знаю, тут либо штрафом отделаешься, либо прав лишат. И вокруг полно народа. Я ж не могу ему так прямо на лапу дать!

Антон молчал.

— Я братишке звоню: так, мол, и так, надо решать вопрос, мне без машины вилы. У него на работе у пацана родственник — гаишник. Ну связались с этим гайцом, он говорит: позвони завтра, обрисую, чё и как.

Антон сидел и ругал себя за то, что удрюпался на переднее сиденье. Нужно было всё же заставить таксиста переложить соковыжималку в багажник.

— Ну я позвонил! И чё ты думаешь? Этот мусор-инспектор, что меня тормознул, в тот же день отправил дело в суд. Так-то можно было папочку отложить, договориться...

— Понятно.

— Я в суд не пошёл. Потом штраф получил три тысячи.

Машина поворачивала налево, Антон ругал себя за излишнюю воспитанность. Ну почему, почему он просто не может попросить таксиста заткнуться?

— Но могло ведь и не повезти, понимаешь?

Таксист не замолкал минут пятнадцать. Его прокуренный, казарменный голос ещё долго следовал за Антоном, вызывая тошноту. Встреча и так не из приятных, а тут ещё этот придурак прилип.

Антон приехал в Министерство Образования, что обосновалось в здании бывшей классической гимназии пятьдесят лет назад. Паркет с тех пор никто не чистил, на окна лепили объявления «ОСТОРОЖНО!!! ВОЗМОЖНО ПАДЕНИЕ ЛЬДА!» и «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ!!!», а в холл вкорячили два турникета, напоминавшие брутализмом противотанковые ежи.

В помещении слева от турникетов работал музей гимназии. До революции здесь училась голубая кровь губернии, в том числе дворянин, ставший позже одним из заметных участников февральской революции. Но как за революцией, по мнению Антона, не последовало обещанного величия, так и на втором этаже здания от имперского пафоса не осталось и следа. Длинный, похожий на пенал коридор упирался в дверь, на которой блестела именная табличка. Табличка гласила о том, что в кабинете принимает посетителей заведующая отделом обеспечения государственных услуг Управления лицензирования, государственной аккредитации, подтверждения документов Министерства образования города Коммунар-на-Волге Гафизова Р.И.

Антон достал из кармана спрей для полости рта, освежил дыхание и только после этого трижды постучал в дверь, выждал паузу, заглянул внутрь.

Гафизова сидела за столом с тёткой, размалёванной, словно клоун из фильма ужасов. Заведующая водила ручкой по листку и что-то вычитывала:

- Здесь указать количество учащихся.
- Ахга! — кивала тётка.
- Сюда статистику за пять лет.
- Ахга!

Гафизова почувствовала, что на неё смотрят и подняла взгляд:

- Что вам?
- Здравствуйте, Резида Ильгизовна. Приморский. По поводу Educatee.

Гафизова продолжила отчитывать документ. Антон не двигался.

- Подождите в коридоре.

Антон прикрыл дверь и одёрнул полы пиджака. Какого хрена!
Уже 14:35!

Пришлось сидеть на лавке тринадцать минут. Всё это время Антон заочно благодарил создателей интернета. Большую часть жизни он провёл в цифровом мире, но по-прежнему помнил времена, когда у него не было ни смартфона, ни даже плеера. В девяносто восьмом году за эти тринадцать минут Антон изучил бы каждую царапинку на паркете, сейчас же он не успел прочесть и половины новых постов в Телеграмме, как тётка-клоун вышла на

прямых ногах из кабинета и, не закрывая дверь до конца, бросила Антону «Заходите!».

Гафизова так и не поздоровалась, лишь кивнула на освободившееся место напротив:

— Садитесь.

— Резида Ильгизовна, вы посмотрели наше последнее обновление?

— Да я-то посмотрела...

Гафизова придвигнула с себе пухлый блокнот и открыла его на одной из закладок. Антон наблюдал, как она перелистывает страницу за страницей.

— Итак. ООО «Образовательные Технологии». Вот они.

— Профиль школы работает, мы на всякий случай проверили дважды. И ошибку в КТП поправили, разделы теперь создаются без проблем.

Гафизова вздохнула:

— Послушайте, молодой человек...

— Антон Сергеевич.

— Я помню, Антон Сергеевич. Ошибки вы поправили, но там же до сих пор нет вещей, которые нам *не-об-хо-ди-мы*, — Гафизова взглянула в тетрадь, — Интеграция с «Госуслугами»...

— Так вы же говорили, что никто про неё ничего...

— Не перебивайте. На прошлой неделе состоялось аппаратное совещание с Губернатором. На нём, в том числе, представили проект электронного сервиса записи в первый класс. И все эти данные из школ нужна отправлять в «Госуслуги».

Антон достал смартфон. Гафизова перелистнула страницу.

— У ФСУОСа такая интеграция уже есть. А у вас я не нашла! Опять же, у них полная документация, а у вас отписка какая-то на десять страниц. Про обезличивание персональных данных две строчки.

Антон записал.

— В таком виде система до внедрения не допустится.

— Но мы же можем тестово запустить наш продукт в школах, где электронной записи в первый класс не будет?

— А как вы себе это представляете? Два проекта не одобрят. Без записи никак, молодой человек. Запись в первый класс будет протестирована в семи муниципальных районах. Это почти шесть тысяч заявок.

Антон покусал губы.

— У ФСУОСа работающее решение. Вы уж если решили конкурировать, то хотя бы соответствуйте.

— Какого числа планируете запускать?

Гафизова повернулась и приподняла очки, прищурилась, отсчитывая дни в настенном календаре.

— В начале июня будут проводиться первые тесты.

- За три месяца до начала учебного года? Куда так спешить?
- Сроки устанавливаю не я. Распоряжение Губернатора.
- Если к майским праздникам мы сделаем зачисление в первый класс, заявку одобрят?
- Оформите всё как надо, присылайте. Будем смотреть.
- Понял, — Антон убрал блокнот во внутренний карман, — Будем работать.
- У вас остались вопросы?
- Нет, всё понятно.
- Требования должны прийти вам на почту.
- Хорошо, спасибо. До свидания.

Плетясь к лестнице, Антон безуспешно пытался застегнуть пиджак на непослушную пуговицу. Он чувствовал себя тёткой-клуном. Под приталенной рубашкой колотилось сердце, стук эхом отдавался в кадык и виски, перед глазами скакали кованые перила. Антон толкнул ладонью перекладину турникета, временный пропуск ширкнул по столешнице парты, за спиной грохнула дверь гимназии. Антон вдохнул и остановился на углу, задержал воздух в легких, уговаривая себя успокоиться.

Месяц назад, сразу же после увольнения Семёна и первых успехов, директор по продуктам Кирилл Абрамов вызвал Антона в головной офис и ошарашил. В Москве и Петербурге сферу цифрового образования крепко держит в руках государственная корпорация «Ростелеком» и её субподрядчики. Забрать себе долю нереально, частных школ в России мало, а на западном рынке полно

своих игроков. Конечно, стоит ориентироваться на западный рынок — это кратко увеличит капитализацию стартапа за счёт диверсификации каналов выручки, но пока «Educatee» к международному запуску не готов, его алгоритмы заточены исключительно под российскую систему образования. Спасая ситуацию, холдинг полез в регионы и нашёл несколько министерств, которых обязали исполнять майский Указ Президента РФ по снижению бумажного документооборота в образовательных учреждениях. Эти министерства готовы вступить с компанией в государственно-частное партнёрство и топ-менеджмент холдинга направил Антона собрать требования, распланировать работы по недостающему функционалу и транслировать ожидания от бизнеса команде.

Антон не обольщался, потому что знал — выбор пал на него по одной причине: он родился и вырос в Коммунаре-на-Волге, он знает местных, их ментальность и окружающую обстановку, даже несмотря на то, что уже десять лет живёт в Петербурге.

Впрочем, знание местных нравов Антону не помогло. Гафизова и компания вставляют ему палки в колёса, они явно собираются выбрать конкурента, монструозный и неповоротливый ФСУОС, которым владеет зять заместителя министра агропромышленного комплекса и развития сельских территорий города Коммунара-на-Волге. У ФСУОСа нет и половины тех возможностей, которые предоставляет Educatee — *реальных* возможностей, которые *реально* способны облегчить учительскую рутину и упростить процессы на местах. ФСУОС же — «Федеральная Система Учёта Образовательной Статистики» — служит обёрткой для бюрократии, непредсказуемым формирователем отчётов.

Ослеплённые распилочным барышом, чиновники не понимают: учителя плохо знакомы с цифровыми продуктами. Интерфейс ФСУОСа настолько непонятен, что они не справляются с его заполнением, из-за чего школы вынуждены вести и бумажные, и

электронные дневники одновременно. Educatee призван побороть этот мрак, но ему мешают.

В кармане задёргался, заплясал телефон, Антон выдохнул. Кирилл Абрамов звонил Антону в телеграм, напоминая о митинге. Антон сунул в уши эйрподсы и присоединился к конференции. Вместо видеотрансляции на экране крутился прелоадер.

— Привет... — произнёс Антон.

— Привет, Антон. Ты нас видишь? — ответил директор.

— Нет, пока не вижу.

— Мы тебя тоже что-то... Ну как, ...

Звук заквакал, зум выдал предупреждение о плохом качестве связи.

— Кирилл, ты меня слышишь?

— ... у нас просто немного...

Антон тапнул по экрану.

— Давай без видео, связь что-то не тянет.

— ... норм.

— Алло!

— Да. Отключили видео. Так норм?

— Норм.

- Ну, как прошло, рассказывай.
- Да очередной идиотизм. Опять выдала какие-то нереальные правки.
- А что там? Совсем дичь?
- Ну она говорит, что им необходима запись в первый класс, плюс интеграция этих данных с «Госуслугами».

Директор присвистнул.

- Это ещё полгода, Кирилл.
- Ну а если закостылить?
- Ну, тогда несколько месяцев. И это не всё, кстати.
- А ещё что?
- С документацией беда, по её мнению. Ей кирпич нужен, как у ФСУОСа, на двести страниц со скриншотами, чтобы по школам рассылать. Она на эту тему ещё в прошлый раз говнилась.
- А техписа-то нашли? — спросил второй собеседник. Антон узнал голос Валерия, VP of Engineering холдинга.
- Нет. Эйчары молчат.
- Надо сесть да написать, там дел-то... — пробормотал Валерий Кириллу.
- Ладно, Антон. — сказал Кирилл, — Сядь завтра утром с тимлидом вашим, попробуйте декомпозировать, обрезать,

приоритеты расставьте. Вдруг всё это влезет в пару-тройку спринтов? Сколько у нас времени ещё?

- До майских надо финализировать заявку.
- Ну вот как раз. Эйчаров я потороплю, подниму приоритет вакансии. Техписа мы тебе найдём.
- Там ещё это. Её очень беспокоит обезличивание данных.

Валерий хохотнул.

- Ну а вот это уже не проблема! Мы тебе парня в офис взяли — уташили из госухи, он как раз обезличиванием занимался. В понедельник выходит, за месяц точно даст результат.
- Ну хоть что-то хорошее.
- Не кисни! — подбодрил Кирилл, — Как разберётесь, присытай, что получилось. Ну и возвращайся тогда, чего тебе там торчать. В конце апреля полетишь уже с результатом.
- Рядом с командой ты нужнее. — добавил Валерий.
- Добро. На днях пришлю драфт эпика.
- Ждём! Пока.

После звонка Антон сразу же сложил эйрподсы в кейс. Удивительно, но в Коммунаре он перестал слушать музыку, хотя по Петербургу перемещался исключительно в наушниках. В провинции шум не давил ему на уши, Антон разглядывал голые ещё ветви, обходил лужи и думал, вспоминал, ностальгировал. Вот и сейчас, разрезав шагами сквер на половинки, он свернулся на улочку, по левую сторону которой стояли коттеджи, построенные бандитами

в девяностые, а по правую — купеческие дома, пережившие в итоге советскую власть. Почему бандиты застроили только левую сторону, Антон не знал. То ли всех бандитов стремительно перестреляли и они не успели снести дореволюционную рухлядь, то ли им не понравился примыкающий к купеческим домам котлован, который разрыли незадолго до распада Союза и тут же забросили.

Таких котлованов в девяностые было не счесть, но ближе к десятым на их месте стали вырастать удивляющие уродством торговые центры, «Провансы» и «Парадизы». Нормальным получился разве что респектабельный отель на главной улице города, но его и построили всего два года назад, в преддверии чемпионата мира по футболу. На первом этаже отеля открыли паб «Макгрегор». Владельцы рассчитывали заработать на предстоящем чемпионате, но федеральный центр не впечатлился проектом и не выбрал Коммунар-на-Волге даже тренировочной базой для какой-нибудь сборной. Теперь в паб чаще всего захаживали редкие гости отеля и рядовые работники мэрии, вечерами же здесь собиралась местная молодежь, лишённая претензий на оригинальность.

Оригинальности не хватало и барному интерьеру. Вдоль сапфировых стен стояли столы из тёмного дерева, барную стойку зачем-то покрыли фейковым сукном, по углам расставили кикер, бильярд и музыкальный автомат. Всюду висели старые плакаты, фотографии в рамках, футбольные шарфы и хоккейные майки — так, словно кто-то разгрёб шкаф подростка и прибил весь скопившийся за десятки лет хлам гвоздями к стенам. Зал ожидали пустовал, стулья лежали на столах ножками вверх и даже официант, не сразу вышедший к Антону навстречу, напоминал актёра, репетирующего роль кельнера в провинциальном спектакле.

— Мы закрыты. — предупредил официант вместо приветствия.

— Да, вижу. А вы со скольки?

— С шести.

Антон не знал, зачем спросил о графике работы. Ждать открытия почти три часа он не собирался. С ним частенько случалось что-то подобное — не зная, чем занять паузу или сгладить неловкость, Антон задавал людям вопросы, которые его не волновали.

Официант хотел было вернуться на кухню, но Антон его окликнул.

— Извини! Ты Андрей, верно? Ямщиковых.

Официант настороженно кивнул.

— Не узнал? Я Тоха. Приморский, ну?

Андрей прищурился и подошёл поближе.

— Охренеть!

Они пожали друг другу руки, обнялись. Антон и Андрюха девять лет отучились в одном классе, дружили, но в студенческие годы потерялись. Антон узнал его сразу, потому что Андрюха почти не изменился — так и остался долговязым, худым, разговаривал чуть в нос из-за искривлённой перегородки.

— Ты выпить хотел?

— Пообедать, на самом деле.

— Иди, садись у стойки! — Андрюха махнул рукой в тёмный угол,
— Я тебя покормлю.

- Да ладно, неудобно, ты чего! Я вон схожу в этот, как его...
- Садись-садись! Повар только сварил всё, я как раз обедать буду. Что мы, тарелку супа тебе не найдём?

Антон всё же согласился. Обычно он делал вид, что не узнаёт старых знакомых. Ему не хотелось отвечать на банальные вопросы о работе или семье, но с Андреем эта тактика не сработала. Последние несколько месяцев Антон чувствовал себя покорителем Марса, который оторвался от Земли и летит куда-то в абсолютном одиночестве. Где те, с кем он играл в футбол на школьном дворе? Резался в Сегу? Курил в подъезде первую сигарету?

Вон они, оказывается, где. Работают в пабах.

Андрюха принёс две порции солянки, бефстроганов и пинту пива.

— Ты пей, мне нельзя. — указал он на стакан, присаживаясь напротив, — Ну и колись давай — где, как? Сто лет не виделись, поседеть успел!

Антон коснулся волос. Действительно, виски уже полгода как серебрило. Прихлёбывая солянку, он рассказал Андрюхе о последних годах собственной жизни. В подробности вдаваться не стал, обошёлся минимумом: переехал, устроился на работу, обжился, влез в ипотечное рабство.

Андрюха шутку про рабство не понял.

— А мне повезло, обошлось без ипотеки. Ну, как «повезло» — бабушка у жены умерла и оставила ей квартиру. Короче, обменяли с доплатой на двушку в соседнем доме. В двадцать седьмом, помнишь? Вот там. Родители подкинули денег, конечно, помогли.

Андрюха рассказал про жену-однокурсницу и трёхлетнюю дочку. Он всё так же болел за Спартак, даже ездил на матчи в Казань, Уфу, Самару и прочие близлежащие города. В этом году планировал попасть в Нижний Новгород. Антон лет пять как предпочитал английский футбол русскому, поэтому вернулся к предыдущей теме и спросил про одноклассников. Он надеялся, что Андрюхе есть что рассказать, потому что бефстроганов остывал.

— Да разъехались все... но, знаешь, мистика! На этой неделе прямо день встреч. Угадай, кого вчера видел на школьном?

— Кого? — спросил Антон, даже не пытаясь отгадать.

— Даринку Сергееву. Помнишь её?

— Помню. И как она?

— Да норм. — Андрюха пожал плечами, — Гуляла с детьми. Одна девчонка на площадке бегает, вторая в коляске спит.

Антон вспоминал о Дарине до сих пор. После девятого класса всех, кто планировал доучиться в школе, перетасовали по профильным классам. В то время родители верили в светлое будущее экономистов и юристов, так что самые сильные ученики попали в экономический класс, а вот юридический не набрался, пришлось сформировать вместо него «гуманитарный» — плавильный котёл из тех, кто мечтал стать юристом и тех, кто просто не определился с будущим. Последние были в основном троичниками, чьи родители мечтали дать дитятке хоть какое-то высшее образование. Меньше всего они хотели лепить из своих отпрывков таких же рабочих, как они сами.

Дарина была из троичниц. Она не знала, кем хочет стать, поэтому отложила решение на два года, кое-как сдала переводные экзамены и осталась в школе. Дарину интересовали мальчики, интриги,

сплетни с подругами и телевизионные шоу, Антон же в тот момент мучился от полового созревания и миниатюрная Дарина порождала в нём море эмоций. Антон особо не интересовал Дарину, хотя она всё равно крутила перед ним хвостом, присаживалась рядом на подоконник перед уроками и писала неоднозначные смс-ки.

— Я как-то раз набрался смелости и пригласил её по телефону в кино. — Антон засмеялся, — Так стрёмно было, что меня аж колотило от страха. Даринка сообщила, что уезжает на выходные в деревню. Я сразу же в панике попрощался, а в субботу, возвращаясь от бабушки, увидел её во дворе с Саньком. Кикбоксёр который, учился на два года старше.

— ... и больше никуда её не звал. — закончил Андрюха за Антона,
— Ты мне с шестнадцати лет эту историю рассказываешь. Я её раз десять уже слышал.

— Ладно-ладно, не буду больше. А помнишь, после выпускного мы поехали на дачу водку пить?

— Даринки тогда вроде не было...

— Не было, да. Когда все уже напились, Саня отвёл меня покурить за гараж. Закурили, он сразу говорит «Ты это... Если с Даринкой чё-то хочешь, то давай, действуй. Я уже не при делах, она меня отшила».

— А ты чего?

— А я ему сказал «Да мне уже всё равно». Докурили и пошли дальше пить.

Это «всё равно» так и нависло над его отношениями с женщинами. Нередко Антону казалось, что он бракованный: социальный

статус и ухоженная внешность привлекали партнёрш, но влюбиться в девушку и завести семью у него почему-то не получалось.

— Долгие годы знаешь о чём мечтал? Думал, вернусь в Коммунар, встречу её где-нибудь на школьном дворе, уговорю выпить вина. Напою в дорогом ресторане, поеду с ней в отель...

— А вдруг она не поедет?

— Поедет! Я в такой ресторан её позову, что обязательно поедет. Так вот, напою в ресторане, потом повезу в отель — и не выбуду. Не выбуду! Ледяным тоном, глядя прямо в уставшие за годы материнства глаза, скажу ей «Извини, я забыл, мне пора в деревню» и закрою за собой дверь.

— Ну ты даёшь, конечно.

— Но сейчас расхотел. Жизнь и так обошлась с ней не очень.

— В смысле?

— Она пилит ноготочки в каком-то замызганном салоне, вечерами обслуживает мужа-гопника и двух крикливых дочек. На школьном дворе, вон, листву пинает, рассматривает трещины на асфальте. В соцсетях её нашёл год назад, она там ноет чуть ли не каждый день. — объяснил Антон.

Андрюха сложил тарелки в стопку. Антон допил пиво и поставил стакан на стол.

— Пойду посуду отнесу.

Когда Андрюха вернулся, Антон уже знал, о чём они поговорят дальше.

— Слушай, я всегда хотел у тебя спросить. А ты помнишь, как мы с тобой труп нашли в парке? Я вот до сих пор иногда вспоминаю.

— Труп? — Антон заметил, что Андрюха не присаживается обратно, — Нет, не помню. Слушай, там администратор пришёл. Палево, мне идти надо, да и тебя если заметит, начнётся...

— Понял. Скроюсь. Это, Андрюх, а сколько с меня?

— Нисколько, говорю же. Бывай.

Андрюха протянул ему руку, но обнимать не стал. Антон взял у него напоследок номер телефона, пообещал написать, как будет время. Дверь звякнула за спиной, и Антон потащился по улице Карла Маркса.

И чего это он не помнит про труп? Антон не просто помнил эту историю, он частенько рассказывал её на вечеринках. Люди даже просили повторить.

«Зря я ему про Даринку задвинул» — думал Антон, направляясь к набережной, — «Я такого даже питерским друзьям не рассказываю. Он, наверное, на “замызганный салон” обиделся. Он же сам официант, а я сижу тут, ферзь в костюме, часами трясусь».

На аллее Антон прислонился к чугунному ограждению и смотрел со склона вниз на зияющий чернотой, заброшенный парк столетия Интернационала. В голове вертелась мысль, что с Андрюхой они больше не пообщаются. Да и ничего страшного. Простоват он стал. Или, может, Андрюха всегда таким был? Просто Антон не замечал, потому что варился с ним в одном кotle.

Центральную набережную недавно привели в порядок: постригли кусты, насыпали дорожки из гравия, наставили каких-то патриотических памятников. Вдоль дорожек фланировали менты и делали вид, что следят за гражданами, из-за чего по набережной гуляли только семьи и влюбленные парочки.

А вот десять лет назад аллею называли «Блядской». На лавках постоянно кучковалась субкультурная молодёжь и гопники с подружками: бухали как не в себя, дрались, устраивали поножовщину. Менты появлялись редко, обычно приезжали только после скорой. Новый губернатор узнал об опасном месте и решил быстро заработать политические очки — заявил помощникам, что набережная должна стать самым безопасным местом в городе. Реновацию парка поручил своему зятю, владельцу крупной строительной компании и соучредителю завода по производству плитки. В итоге дорожки на аллее перестали каждую весну — естественно, за счёт областного бюджета.

Дорожки эти неизменно вели к Дворцу Культуры, который построили ещё в начале семидесятых. Местный архитектор вдохновлялся брежневским брутализмом, но не имел достаточного опыта. Может быть, на бумаге дворец и выглядел смело, но на деле он походил на бетонную коробку с грязными форточками и неестественно толстыми колоннами. После развала Союза его забросили и превратили в притон.

Антон подошёл ко входу. В конце нулевых добившийся успеха в Москве коммунарец выкупил у города здание за бесценок, разогнал бомжей и открыл здесь креативное пространство. В помещения заселились художественная школа, молодой стартап и две кафешки, подсмотревшие тренды у питерских заведений. Актовый зал отвели под экспозиции. Антон посмотрел на афишу у входа. Завтра в пространстве выставляли репродукции Бэнкси.

Антон посещал выставку Бэнкси пять лет назад в Амстердаме. Извлечённые из естественной среды обитания граффити и раскрашенный автобус с филигранно выставленным освещением разочаровали Антона. В молодости он мечтал увидеть работу Бэнкси вживую (желательно, какую-нибудь новую, ещё неизвестную в интернете), а теперь даже и не знал, нужны ли миру подобные правдорубы и есть ли до них какое-либо дело там, наверху, где кроме денег и жажды доминировать ничего не осталось. СМИ носятся с этим Бэнкси, а он тем временем давно уже делает бабки. Хотя, конечно, с выставки в Коммунаре ему вряд ли что-то перепадёт... Он и знать не знает ничего о подобных мероприятиях, их организуют ушлые пацаны из Самары или Нижнего, что катаются по Волге и радуют немногочисленных креаклов.

На остановке «Дворец Культуры» выставочная часть города за канчивалась. За проспектом растянулся реальный Коммунар-на-Волге: серый, озлобленный — нет, злой. От проезжей части остановку отделяло бетонное ограждение, выкрашенное зелёной краской. В салоне подошедшего к остановке трамвая ехало три человека, Антон спокойно мог сесть на одиночное кресло, но сидеть ему не хотелось. Чехословацкая развалюха переваливалась по рельсам с бока на бок, скрипела и бурчала на поворотах, но было в её ходе нечто винтажное. Антон смотрел на серость за окном, на загибающийся завод, железнодорожный мост с шашлычкой под ним, автозаправку недалеко от остановки, и, конечно же, ночной клуб «XXX» с гоночной машиной на логотипе и полами, выложенными плиткой. Уборщицы в таких заведениях обычно довольны — с плитки легче отмывать кровь.

На светофоре рядом с трамваем остановилась тонированная девятка. Стекло было опущено и Антон взглянул на водителя. За рулём сидел седеющий мужик в кожаной куртке. Почувствовав на себе взгляд Антона, он поднял стекло и рванул с места к следующему светофору.

Друзья детства: Юрец, Дрюня, Тончик. Москва и Петербург пирут, центр Коммунара превращается в нескончаемый парад подражания. Время унеслось вперёд быстрее тонированной девятки, подарило нам смартфоны, новостные фиды и пуш-уведомления. А кто-то так и тащится следом на загибающемся трамвае.

— Ничего страшного, — сказал сам себе Антон, — Иногда полезно побывать чуть позади. Главное, не засиживаться.

Тем более, до завтра Антон никуда не спешил.

— Антоооон?

Любовь Васильевна округлила глаза.

— Забыли меня уже, Любовь Васильна?

— Да причем тут забыла! Не узнала!

Антон протянул букет цветов.

— Держите. Это вам.

Вчера вечером, размышляя об отсталости масс и медлительности трамваев, Антону пришла в голову идея, способная перевернуть ситуацию. Рискнуть однозначно стоило — и вот, он стоит в родной школе посреди директорского кабинета. Его классная руководительница Любовь Васильевна теперь здесь главная. У неё кожаное кресло и набор письменных принадлежностей с фейковой позолотой, к ней заходят по стуку и выходят лишь когда она говорит

«до свидания», у неё двадцать грамот на стене и личный лазерный принтер.

Любовь Васильевна поставила букет в хрустальную вазу и включила спрятанный в шкафу чайник.

— Ну, рассказывай. Как дела, чем занимаешься?

— В целом всё отлично. Уехал в Петербург десять лет назад. Работаю в крупной компании.

— Кем работаешь?

— Менеджером в сфере ИТ. У нас офисы по всему миру. Инвестируем в перспективные стартапы, развиваем их.

Любовь Васильевна уважительно покачала головой, хотя явно не поняла, что такое стартапы.

— Женился? Дети?

— Не женат. И детей пока нет.

— А чего так?

— Да как-то... — сыграл Антон, — Не встретил пока.

Щёлкнула кнопка чайника.

— Вот, чайник вскипел. Тебе чёрный или зелёный?

— Давайте зелёный.

Любовь Васильевна разлила кипяток по двум сервизным чашкам.

— А я до сих пор ваш класс вспоминаю!

— Я после универа никого не видел.

— Неделю назад пятнадцать лет выпуска было. Никто не пришёл! Вроде и Одноклассники есть, и ВКонтакте, все на связи, а общаться не хотите.

Любовь Васильевна отпила чай и захватила двумя пальцами холмик «Волжских простор».

— Ешь конфеты, Антон, не стесняйся.

— Да-да. Спасибо. Любовь Васильна, — Антон помялся, — У вас-то как дела? Как вы вообще согласились на директора?

— Как-как. Некому больше. Половина учителей на пенсию ушла, половина в репетиторы. Постоянные проверки. Да чего там!

Любовь Васильевна махнула рукой.

— А журналы у вас бумажные до сих пор?

— Есть бумажные, есть электронный. Двойная работа...

— А чего от бумажного не откажетесь? В Московской области, например, только электронные оставили.

— Ну а как с ними работать, Антон? — Любовь Васильевна поморщилась, — У меня половине учителей под шестьдесят, мне самой сорок семь. Там чёрт ногу сломит, пока эти оценки выставишь! Легче в бумажный поставить, а потом уж вечером мучиться.

— Понятно. Я, просто, понимаете... Наша компания разрабатывает электронный дневник. У вас кто стоит, ФСУОС?

— Вроде он. Синий такой? Сейчас.

Любовь Васильевна придвинула к себе клавиатуру. Антон тряс ногой под столом.

Любовь Васильевна надула щёки и шумно выдохнула.

— Не входит что-то.

— Можно мне? — Антон привстал, — Сейчас скажу, что там.

Любовь Васильевна отодвинулась, Антон нагнулся к монитору. «Логин или пароль введены неверно».

«Идиоты» — подумал Антон, — «Кто так пишет ошибки? Так логин всё же или пароль?».

— У вас почта или пароль не подходят.

— Да как не подходят! Я всё правильно вводила.

— Ладно, не суть. Я уже вижу, что это ФСУОС. Наша система в разы лучше. Она создана специально для учителей, там всё просто и понятно.

— Жаль, Антон, что у нас тут не Петербург.

— Так давайте поставим нашу систему, чего мучиться-то?

— Ну ты даёшь! — Любовь Васильевна рассмеялась, — Как мы её поставим? Это же из министерства система.

— А мы тестово. Две недельки попробуете и скажете, как вам.

Любовь Васильевна отмахнулась.

— Да ну, глупости не говори! С нас РОО потом заполняемость спрашивает. Что нам, в три дневника всё это писать?

— А если мы автоматически будем переносить всё из одного дневника в другой?

— Антон! — Любовь Васильевна всплеснула руками, — Это же персональные данные! Ты знаешь, как нас всех с ними измучали?

— Зашифруем. — не сдавался Антон.

— Нет, это исключено. Меня Саваева из РОО убьёт, если узнает.

— Это же инициатива!

— Инициатива наказуема.

— Давайте я хотя бы покажу вам систему. У нас реально удобнее.

Любовь Васильевна помотала головой.

— Ладно, давайте так. Если эта ваша Санаева...

— Саваева.

— ... Саваева разрешит провести презентацию — проведём?

— Если Саваева разрешит, так хоть голым тут пляши.

— Номер дадите?

Из кабинета директрисы Антон вышел с номером телефона методиста РОО Саваевой. Говно с рынка нужно вытеснять. В конце концов, у ФСУОСа вечные проблемы с серверами, родители забрызгивают ядом рунет, а уж сколько денег уходит на внедрения! Антон же пойдёт аккуратно снизу вверх, доказывая преимущества новой системы. Подход можно найти к любому человеку, он уговорит эту Санаеву-Саваеву на экспериментальную группу, а там всё решат показатели. Её школы станут инновационными и прорывными.

Сейчас бы ещё Медведева в президенты с его нанотехнологиями.

В холле по-прежнему было пусто, лишь на лавке у окна сидел чей-то одинокий папаша. Антон попрощался с охранником. На крыльце Антон остановился — вспомнил, что хотел прогуляться по коридорам, повспоминать былые деньки, но махнул рукой. Он здесь явно не в последний раз.

Спускаясь с крыльца, Антон по щиколотки влетел ботинками в огромную лужу. Ямы разбитого за десятилетия асфальта захлебнулись водой и напоминали собой болото с редкими кочками. Скакать по ним домой не хотелось; Антон вызвал «Яндекс», но иконка автомобиля удалялась от него, двигаясь в противоположную сторону. Судя по всему, нанотехнологии, как и технологии вообще, обошли Коммунар-на-Волге стороной. Такси так и не приехало, в маршрутке не оказалось мест и Антон всю дорогу ехал стоя. В магазине «Красное-белое» сломался терминал, Антону пришлось платить наличными. Наконец, после всех скитаний он сунул бутылку рома за пазуху, как котёнка и попёрся домой, где смог насладиться нехитрой пищей: яичницей с помидорками-черри и лонгом из колы, рома и четырёх кубиков льда. В желудке тут же потеплело, Антон решил повторить коктейль, но кубики льда, намороженные неизвестно когда, закончились. Антон ждал, пока замёрзнет новая партия и рассматривал себя в зеркало огромного шкафа-купе. Соседка предусмотрительно вызвала кли-

нинг за день до его приезда. Линолеум поскрипывал под ногами и блестел в отражении зеркал.

Окончательно покинув город в 2009-м, Антон сдал квартиру молодой паре. Жильцы написывали ему смс-ки, забывали оплатить коммуналку, просили заменить упавшую гардину. Зарплата стремительно росла и уже через год восемь тысяч рублей не казалась Антону внушительной суммой. Тогда он наврал жильцам, что продаёт квартиру, раздал почти всю мебель и попросил соседку изредка заходить и проверять, всё ли в порядке. Квартира пустилась и покрывалась пылью, будто ожидая своего часа. И, — надо же, — дождалась.

Лёд никак не замерзал. Антон валялся на неразложенном диване и рассматривал коричневое, застарелое пятно крови на обоях. След родительской ссоры, да что там ссоры — драки, один из символов его не самого счастливого детства. Антон долго отгонял от себя мрачные мысли и наконец ему это удалось, он даже задремал. Ему снились одноклассники и молодая ещё Любовь Васильевна.

Он очнулся поздно вечером, если не сказать ночью. Антон почувствовал себя странно, будто примерял незнакомое ему тело. Он шатался по квартире и не находил себе места, включил с телефона группу Portishead, заслушанную до дыр в студенческие годы. Снаружи было так тихо, что грохот оконной рамы разбился о стоящие квадратом панельки; затягиваясь сигаретой, Антон слышал, как трещит папиросная бумага. Вокруг было темно, лишь изредка мерцали телевизоры в квартирах напротив, да жёлтым пятном разливался свет подъездных фонарей.

Холод пробрался под пальто и тыкал ему пальцами в рёбра. Антон напоследок осмотрел двор и окаменел.

У подъезда напротив стояли два человека и смотрели прямо на Антона. Первого, седеющего мужика в потёртой кожанке, Антон видел сегодня днём в школьном вестибюле. Старика в пальто он заметил на аллее недалеко от ирландского паба — старик делал вид, что читает на лавке газету. Антон запомнил его из-за слишком цивильного вида, потому как старики в Коммунаре больше похожи на нищих, нежели на аристократов.

Мужики стояли под лампой и не шевелились. Оба держали руки в карманах.

— Эй! — крикнул Антон.

Крик унесло куда-то в сторону. Мужчины не отреагировали. Они стояли, будто на картинах Хоппера, тени падали на их полустёрые лица. Антон прищурился. Ему захотелось разыскать бинокль и посмотреть, моргают ли они.

Вот только не было в этой квартире никакого бинокля.

Антон плотно закрыл за собой балконную дверь и включил чайник ради его монотонного шума.

Выхлебав две кружки кофе за пять минут, Антон ринулся в зал и отогнул краешек шторы. Мужики по-прежнему стояли и смотрели на его балкон.

Почему они следят за ним? Что им от него нужно?

Антон жил без долгов, даже наоборот — в банке лежало восемьсот тысяч на чёрный день, если не считать инвестиций. Он хорошо одевался, ходил с последним айфоном. Может, кто-то решил развести его на деньги? Но никто в этом городе не знал, сколько

Антон зарабатывает, его давно уже потеряли друзья и дальние родственники.

Ещё на балконе Антон догадался, что за ним следят из-за работы. Других причин он не видел. Больше он никому не интересен.

Антон достал из чемодана тетрадь и сел записывать подробности слежки.

2:40 Заметил двух мужчин. Старик, широкое серое пальто, на вид килограмм восемьдесят. Второй помоложе, коренастый, кожаная куртка, волосы ёршиком. Седеет.

3:12 Стоят. Не двигаются.

3:34 Без изменений.

4:02 Стоит только старик. Молодой ушёл.

4:26 Рассвело. Теперь уже никого.

Возможно, слежка уехала на машине — записывая, Антон слышал хлопки дверей и рёв двигателя. Завернувшись в плед, он вылавливал каждый звук, доносящийся с улицы. Дворник отпер мусорную камеру и со скрежетом потащил бак наружу. Дождь постучал по карнизам, но быстро иссяк. На столе стояла полупустая бутылка колы и липкий стакан, но Антон не обращал на них внимания. Пить ему больше не хотелось.

Когда улица ожила и жители потащились из квартир на работу, Антон немного успокоился. Первым делом он спрятал тетрадь в самом безопасном месте (у входа), ведь грабители или шпионы никогда не обыскивают тайники у порога, а сразу же двигаются вглубь квартиры — боятся, что соседи услышат возню.

Почему Антон записал подробности в тетрадь? Потому что не доверял телефонам. Хакеры взламывают облачные сервисы, «Facebook» слушает ваш микрофон и анализирует речь, различает часто употребляемые слова, подбирает потом по ним подходящую рекламу. Преследователи Антона легко могут получить доступ к вай-фай в квартире и перехватывать трафик, удалить заметку с серверов дропбокса или «Яндекс.Диска». Тетрадь надёжнее. Антон не сумасшедший, он просто знает, как обстоят дела, он десять лет работает в ИТ и не доверяет сервисам, особенно бесплатным, потому что если сервис не просит за услуги денег, значит, товар — это ты.

Вчера Антон обещал себе прибраться перед работой, но сил бегать по квартире после бессонной ночи у него не осталось. Антон лишь наспех обжарил в сковородке куриную грудку, болгарский перец и сыр, посыпал всё это дело розмарином, побрызгал оливковым маслом и сел пить несказе. Пытаясь отвлечься, Антон полез в почту и увидел, что не разгрёб двадцать писем. «Что ж, не квартиру, так хоть ящик» — решил Антон и хрустнул пальцами. Автоматические уведомления от Jira и еженедельная рассылка «Чем заняться в выходные в Петербурге» сразу же отправились в корзину, два саммари от фронтендера Жени на всякий случай в «Архив». «Time to watch» от Netflix Антон оставил на потом. Посмотрит, как вернётся в Петербург.

Последним письмом в «Inbox’е» оказался весьма любопытный спам.

*От: Неизвестно. Кому: Мне. «Антон, вы умерли» 04.04.2019
07:49 Ответить*

В другой день Антон поворчал бы на алгоритмы распознавания спама и не глядя отправил письмо в корзину, но теперь его одолело любопытство. Наверняка какой-нибудь John Whitley сообщает через Google-переводчик, что «у Антона в Ванкувере скончаться

дядя Mr. Primorsky». John приносит свои соболезнования и хочет знать, когда Антон сможет оформить завещание в размере двух миллионов долларов США.

Антон кликнул по уведомлению.

«Настоящим письмом уведомляем вас, что в ночь с третьего на четвёртое апреля 2019-го года вы скоропостижно умерли во сне.

Причиной смерти послужил разрыв аневризмы, вызванный рожевым стечением обстоятельств. Примите наши искренние соболезнования и добро пожаловать!

Да, форма послания и тон, в котором оно выдержано, могут вас смутить, однако, не спешите с выводами: смертные мало что понимают в самой смерти, несмотря на общие корни. Для обращения к вам мы выбрали наиболее эффективную форму связи, принятую в ваше время. Никакого света в конце тоннеля и прочей ерунды. Умерший получает письмо. Это письмо — ваше.

Вы мертвы, Антон, и это неоспоримо. Окружающая действительность после смерти мало отличается от привычной, за исключением пары мелочей (очень существенных мелочей, если честно, но об этом позже). Я, как личный оператор, хочу поскорее избавить вас от ложных иллюзий о загробном мире и сделать вашу смерть максимально комфортной. Прошу, забудьте обо всех теориях и доверьтесь практику. Отрицание смерти — первый шаг и вы имеете на него полное право, но, прежде чем упорствовать, спросите себя: как наверняка отличить жизнь от смерти?»

Антон по достоинству оценил талант спамеров и задумался о том, каким способом разводят людей, что отвечают на подобные сооб-

щения. Прочитай Антон письмо ночью, ему стало бы не по себе. «Как наверняка отличить жизнь от смерти» — затравка для фантастики с элементами нуара, не иначе. Антон представил курящего сигару героя. Он одет в костюм, сидит в глубоком кресле, в руках у него конверт. Герой разрывает его и достаёт письмо. Читает. Хмурится, попыхивая сигарой. Прочтя до конца, смотрит мимо камеры... И тут за спиной у него появляется автор письма — такой же джентльмен, только постарше. Мудрый, важный герой, ему нельзя сутулиться или дрожать, промокнув под дождём. Он стоит прямо и не шевелится.

Стоит прямо и не шевелится.

Антон вспомнил про слежку и выглянул на балкон. Двор пустовал, у подъезда напротив не было ни души, лишь на детской площадке маялись от безделья два пацана лет десяти.

Прозвенел будильник. Сегодня, с девяти до двенадцати, в здании РОО на соседней улице принимает посетителей Сенберского района города Коммунар-на-Волге методист Елена Васильевна Саваева. И у Антона будет примерно пятнадцать минут, чтобы продать ей тестовый запуск Educatee в родной школе.

Где именно располагается здание РОО, Антон не помнил, так что пошёл по навигатору, периодически оборачиваясь и присматриваясь к подозрительным личностям. Но люди прятались дома — дождь моросил второй день подряд, снег окончательно растаял и нужно было надевать резиновые сапоги. Антон чувствовал, как брюки от голенищ до икр покрываются капельками грязи и хмурился. В помещении пятна высохнут, посветлеют и Антон будет выглядеть как неряшливый идиот.

Между тем, телефон разорвался пятью уведомлениями.

Telegram: Настоящим письмом уведомляем вас, что в ночь с 3-го на 4-е апреля 2019-го года вы скоро...

Whatsapp: Настоящим письмом уведомляем вас, что в но...

SMS: Настоящим письмом уведомляем вас, что в ночь с 3-го на 4-е апреля 2019-го года...

Похоже, кто-то украл базу данных с его персональными данными, причём, у обкраденного сервиса была не только его электронная почта, но и актуальный номер телефона. Злая шутка или...? Да. Новый способ давления.

«Вы прибыли» — оповестило Антона приложение Google Maps. Антон посмотрел на унылое здание с прямоугольной верандой. Вот оно, оказывается, где, это Р-О-О.

Антон несколько раз подёргал ручку входной двери, постучал, поискав глазами звонок — бесполезно. Гугл-календарь подсказывал: «Сегодня пятница», у Саваевой должны были быть приёмные часы, да и что Саваева? Даже если она не работает, то в РОО полно других специалистов. Не могут же они разом взять отгулы?

— Антон! — окликнул его кто-то.

Антон обернулся. На крыльце поднимался тот самый старик в пальто, что следил за ним ночью.

— А, ну понятно!

— Я так не думаю. — покачал головой старик.

— Что вам нужно?

— Пройдём, пожалуйста, со мной.

Старик указал ладонью на микроавтобус, припаркованный вплотную к забору.

— Я никуда с вами не пойду. У меня дела.

Антон дёрнул дверь ещё раз, хотя знал, что это бесполезно.

— Они не работают. Твои дела отменяются.

— Это не вам решать, — огрызнулся Антон, не глядя на старика.

— Антон.

— Что?!

— Не заставляй нас тащить тебя силой.

За спиной старика вырос амбал с каменной мордой.

— Ладно. Хорошо.

Антон двинулся навстречу старику, тот удовлетворённо кивнул. Не пройдя и пяти шагов, Антон рванул к перилам веранды, перескочил через них и улетел в кусты. Похитители оказались умнее. Наперерез Антону тут же бросился ещё один мужик и сбил его с ног. Антон упал в грязь, проехался по жиже лицом и даже хлебнул из лужи, поперхнулся и закашлялся.

— Сука, заец! — выругался нападавший, выкручивая Антону руки.

— Дай я! — подбежавший амбал отстранил мужика и поднял Антона как пушинку. Заломав ему руку, амбал повёл Антона к микроавтобусу.

— Сказал же — не вынуждай! — прокомментировал старик за спиной, — Всё равно поймаем.

«Ладно. Попытаться стоило» — подумал Антон, наблюдая, как перед глазами мелькают трещины на асфальте.

Похитители пожалели кожаные сиденья и бросили Антона прямо на пол. Старик сел рядом. Антон поднял взгляд и увидел измазанного в грязи седеющего мужика, того самого, что дежурил со стариком у подъезда. Он тут же залепил рот Антона скотчем. Антон хотел было возмутиться, но вместо тирады выдал лишь невразумительное мычание.

— Это чтобы ты не перебивал, — объяснил ему старик, — Да — киваешь. Нет — трясёшь головой. Надеюсь, проблем с подобной коммуникацией у тебя не возникнет.

Антон не шевельнулся.

— Кивни, если понял.

Антон кивнул. Кажется, возмущаться было бесполезно.

— Хорошо. Ты письмо получил? Сообщения в мессенджеры?

Антон кивнул.

— Я и не рассчитывал, что ты поверишь с первого раза. Никто не верит.

Старик посмотрел в окно.

— Представлюсь: я твой оператор, меня зовут Евгений Валентинович. Как и написано в письме, Антон, ты мёртв, но пока этого не признаёшь.

Антон попытался промычать «Ну и чушь». Кажется, старик его понял.

— Зря не веришь. Поверил бы сразу, сэкономил бы нам время. Послушай меня. Готов слушать?

Антон не шевелился. Седеющий ткнул его кулаком в плечо. Антон кивнул.

— Так бывает. Смерть действительно мало отличима от жизни. С сегодняшнего дня ты начнёшь замечать, как мир вокруг тебя разваливается. И если ты вовремя не встретишься с оператором, в один момент исчезнет вообще всё.

Антон усмехнулся сквозь скотч.

— Ладно, — старик хлопнул себя по коленкам, — Вера — дело времени. Сейчас Сергей снимет скотч. Ты только не ори, прошу тебя, у нас тут всё равно звукоизоляция. Снаружи никто не услышит, а внутри у всех разболится голова, в том числе и у тебя. Сергей, только аккуратно.

Седеющий медленно отлепил скотч от губ, но в конце специально дёрнул его как можно резче. Антон вскрикнул от боли, седеющий скомкал скотч и сунул его в карман, после чего продолжил оттирать одежду от грязи влажными салфетками. Временами он зыркал на Антона.

— Ты уж извини, доедешь на полу, а то грязный весь. — сказал Антону старик.

— Дайте однокласснику написать. Мы договаривались встретиться.

— Ни с кем ты не договаривался, не держи нас за идиотов! — бросил ему седеющий мужик.

— Прослушивали, значит.

— Ты путаешь нас с другим ведомством. — возразил старик.

Он наклонился к Антону.

— Вот смотри. Когда ты собирался в Коммунар, ты хотел захватить с собой фотографии родителей. И забыл! А я до сих пор помню.

Антон вскинул голову. Фотоальбомы лежали на нижней полке шкафа в Петербурге, он никому их не показывал и сам не открывал лет, наверное, пять. Один раз даже чуть не выбросил коробку, перепутав её с соседней, в которой лежали изношенные ботинки.

— Вы и домой ко мне пробрались?

Старик закатил глаза.

— Куда, к кому? Даже если представить... Мы же местные, ну кто бы нам позволил?

— Питерских попросили. Вы ж одно ведомство.

— Да кому ты там нужен?

Старик откинулся обратно на спинку. Седеющий дочистил одежду, достал из кармана мешок и надел его Антону на голову.

— Посиди пока так.

Дальше ехали молча. Антон старался не шевелиться, он знал, что похитителей лишний раз лучше не провоцировать. Его задача — остаться целым и невредимым, дождаться возможности позвонить и не корчить из себя героя. Похитители наверняка везли с собой целый набор инструментов для чистосердечного признания.

И хранился этот набор явно не в машине, а в специальной пыточной, куда Антона привели по прибытию. Его усадили на кушетку посреди комнаты. Стены были выкрашены чёрной краской.

Обычно в подобных помещениях висела тусклая лампа, но здесь по периметру стен протянули неоновые трубы, отчего помещение напоминало техно-клуб.

— Посиди здесь с часок. Не дури, постарайся успокоиться.

За кушеткой теснилась тумбочка, над тумбочкой нависал умывальник. Предметную вертикаль венчал кондиционер, мигающий лампочкой и отдающий приятную прохладу. Из-за кондиционера выглядывала пузатая камера.

Антон лёг, отвернулся от камеры и потянул из брюк смартфон. Телефон-то забыли отобрать, профессионалы хреновы!

«Нет сети». Чёрт. Пришлось внаглу вставать на кушетку и подносить смартфон к потолку. Кажется, появилась одна палка связи... Нет. Показалось.

Антон не терял надежд и проверил доступные вай-фай сети, зная, что цифровой мир и технический прогресс чаще всего одержива-

ют верх над искусственными ограничениями. Внезапно в списке появилась открытая точка «bsrvr-5GHz». Смартфон подключился к интернету и даже не потребовал верификационный код по смс. Похитители всё же оказались идиотами.

В телефон моментально прилетел пуш с электронной почты, но Антон нетерпеливо смахнул его влево и открыл Телеграм. В шапке приложения крутился прелоадер «Ожидание сети».

Антон чертыхнулся. Подождав десять секунд, он всё же открыл свежее письмо.

*От: Неизвестно. Кому: мне. «Тело обнаружено» 04.04.2019
09:29 Ответить*

Здравствуйте, Антон.

Сегодня в 09:59 инженер Коммэнерго А.П.Ткаченко пришла проверить показания неучтённого потребления энергии. Не застав никого дома, она позвонила соседке, которая рассказала инженеру о вашей сильной занятости на работе и предложила открыть дверь запасными ключами. В коридоре женщины обнаружили ваше тело и сразу же вызвали полицию. Труп забрали в морг на вскрытие. По распоряжению вашего двоюродного брата, тело похоронят на кладбище в Павлеевке, в одну могилу с родителями.

— Вот суки, — процедил Антон, — Издеваются.

Он попытался зайти в социальные сети или позвонить продуктовому директору Кириллу, но все сервисы похитители отрезали брандмауэром, словно Антон оказался в миниатюрной версии Китая. Что ж, он явно недооценил врага. Антон сел на край кушетки, упёрся локтями в колени и ломал голову над тем, что же теперь с ним сделают. Наверное, вынудят отказаться от тендера

или уволиться. Убивать не станут. Всё-таки, на дворе двадцать первый век, «вегетарианские времена».

Ну или ещё проще. Подбрасывают Антону в квартиру наркотики и посадят в СИЗО. И следующего командировочного тоже, и третьего — до тех пор, пока холдинг не поймёт, что соваться в их регион не стоит.

Антон перебрал в уме десятки вариантов разной степени паршивости, полежал на матрасе, рассмотрел каждую трещину на полу, вспоминая между делом короткое ожидание у кабинета Гафизовой. Оказалось, что в детстве скука уступала любопытству куда охотнее, сейчас же без социальных сетей, мессенджеров и онлайн-кинотеатров последним развлечением в телефоне осталось разве что приложение с часами. Когда телефон показывал десять вечера, в двери повернулся ключ. Внутрь вошёл старик Валентинович и седеющий Сергей.

— Ты получил письмо, Антон? — с ходу спросил старик.

— Получил.

— Твой брат прилетит через несколько дней, как только морг выдаст тело.

— Слушайте, ну скажите уже прямо, без этих ваших сказок. Что нужно? Отказаться от тендера? Так мы и так не выиграем, Гафизова нас не пропустит. Зачем вы меня прессуете? Не понравилось, что я снизу зашёл? Так позвонили бы Саваевой, припугнули её. Меня смысл пугать? Я через два дня улечу в Петербург и никогда уже не вернусь.

Старик кивнул.

— Выговорился? Нам твои тендераы неинтересны. Мёртвым деньги не нужны, нам их тратить особо не на что. Тебе они тоже скоро станут безразличны.

Но Антон решил разобраться с проблемой немедленно.

— Окей, посадите меня на самолёт в Петербург, хоть до салона провожайте. Я улечу и передам холдингу вашу позицию по этому вопросу. Мы из разных миров. Мы живём в рыночных реалиях, холдинг не станет связываться с... неофициальными сделками.

Сергей хохотнул. Не глядя на Антона, он обратился к старику:

— Слушай, Валентинич. Я, может, в другом мире жил, хоть и помер относительно недавно, но я одного не пойму. Он где таких силовиков-затейников видел?

— Может, он нас за бандитов принимает, откуда ты знаешь.

Сергей повернулся к Антону.

— Кто мы, по-твоему, а? Бандиты или ФСБ-шники?

Антон не растерялся. Вопрос был явно с подвохом, думать тут нечего. Бандитам всегда нравится сравнение с силовиками, а вот силовикам с бандитами — вряд ли.

— Силовики.

— И бандиты, и силовики давно бы тебе паяльник в жопу засунули и всё. — подвёл итог Сергей.

Старик заложил руки за спину.

— Ну или как ты любезно описал ранее, задушили бы ваш холдинг сверху. Зачем в таком случае нам понадобился ты? Мы не за этим тебя тут держим.

— А за чем?

— За тем, что ты умер и тебе уготована интересная роль. Новая роль, которую тебе предстоит принять и освоить. Понимаешь?

— Да, понял.

— Что ты понял? — переспросил Сергей.

— Что я мёртв и принял оффер от новой компании.

— Не, ничего он не понял.

Валентыч разочарованно пожал губами.

— Вижу, что не понял. Точнее, не поверил.

— Ему надо как тому фотографу, на деле доказать.

— Давай не здесь.

Старик постучал в дверь.

— Эй! Вы хотя бы скажите, что нужно сделать, чтобы выйти отсюда. Позвонить кому? Я позовню. Бумажку написать? Ну?

— Завтра выйдешь, — пообещал ему Валентыч, — А пока посиди.

Антон остался один. Время застыло и Антон от скуки стал осматривать жилище. На тумбочке лежала книга, Антон взял её в руки

и прочёл вслух название. «Время и жизнь». Качество у книги было паршивым, её будто отпечатали на принтере и собрали самостоятельно. Антон открыл первую страницу и прочёл наугад:

«По одной простой причине: жизнь есть усилие во времени (и, кстати, Пруст так её и определял; прекрасное определение жизни — когда я столкнулся с ним, я даже воскликнул от восторга), то есть время — это такая вещь...».

Антон не помнил, кто такой Пруст, но сейчас это не имело никакого значения. Раз на столе лежит потрёпанная книга, значит, предыдущего пленника держали здесь долго, явно не один день. Антон кинул книгу на тумбочку обложкой вниз. Читать при таком свете сродни преступлению. Посадить глаза — раз плонуть.

Глава 5

Танк «T57 Heavy» Стас любил больше всего — по урону в минуту он значительно превосходил другие танки на десятом уровне. Стас хотел бы посмотреть на «T57 Heavy» вживую, но отыскать в России американский танк пятидесятых годов выпуска было не реально. К счастью, люди придумали виртуальный мир и Стас управлял им в игре «World of Tanks».

Товарищи по клану знали его как dlavr-41. Стас выбрал себе ник в честь Дмитрия Лавриненко, самого результативного танкового аса Второй Мировой. Лавриненко дослужился до Героя Советского Союза, а Стаса не взяли в военное училище из-за плоскости пия. Диагнозу обрадовалась только мама: недавно отполыхали девяностые и сын, по её мнению, бесплатно избежал дедовщины, издавательств пьяных офицеров и грядущую третью чеченскую войну. То, что Стас втайне мечтал дослужиться до полковника, никого не волновало.

Прошли годы — и вот, Стас сидел напротив полковника запаса Безносюка. В отличие от танковых асов Второй Мировой, этого офицера Стас презирал. В холдинге «Eternum» Безносюка знали все, в былые времена он устраивал новичкам стресс-интервью, на которых расспрашивал факты биографии, лез в личную жизнь и беззастенчиво провоцировал. Когда холдинг выкупил «Educatee», автоматизатор Виталик присвистнул в курилке:

— О, ну всё, готовьтесь. Скоро к нам придёт Безносюк.

Виталик рассказал, как Безносюк собеседовал его в одну из компаний «Eternum»'а.

— Какая у тебя модель телефона? — спрашивал он, сидя с распечатанным резюме.

— Есть андроид, есть айфон.

— А зачем тебе два телефона?

Виталик объяснял, что он разрабатывает приложения под обе платформы и презентует их на собеседованиях.

— Ты не вегетарианец случаем? — неожиданно спрашивал Безносюк.

— Нет. А что?

— Да у нас с вегетарианцами как-то не складывается.

Стас познакомился с Безносюком неделю назад. Ну, как познакомился. Стас с Антоном шли на обед и встретили Безносюка у турникетов. Стас поздоровался вторым, Безносюк сжал его ладонь и не отпускал больше двух минут, однако, всё это время он разговаривал только с Антоном. Договорив, поплыл к лифту, так и не удостоив Стаса взглядом.

— Понял, кто это? — спросил Антон.

— Нетрудно догадаться.

— Я его ни разу трезвым не видел. Говорят, он без фляжки на работу не выходит. Ездит по делам и посасывает коньячок. Умеет жить человек!

На этот раз Безносюк снова был подшофе. Он расстегнул две верхних пуговицы на рубашке и по-хозяйски кинул галстук на стол. Глаза его блестели.

— Итак, он уже трое суток не выходит на связь. Как пытались связаться?

— В мессенджеры писали. Звонили на телефон.

— Мессенджеры...

— Ну, знаете, Вайбер? У него, правда, телеграм стоит, но это как...

— Я в курсе, что такое мессенджеры. Он пьющий?

— Да я бы не сказал. Выпивал, наверное, по выходным.

— Понял тебя. Приходил к вам кто-нибудь странный, вынюхивал, угрожал? Может, что-то необычное заметил?

— Нет. Ну, в Коммунаре чиновница заявку на тендер не принимала, вставляла палки в колёса.

— Там в регионе конкуренты, правильно помню?

— Да. ФСУОС, чиновничья система.

Безносюк постучал ручкой по столу.

— Здесь он с кем хорошо общался?

— Да ни с кем особо. Соблюдал субординацию.

— А тебе рассказывал что-нибудь? Личное, семейное?

— Нет.

Безносюк посмотрел на Стаса. Смотрел долго, но сделать лицо суровым не смог из-за выпитого коньяка.

— Спрашивал его кто-нибудь, пока он в командировке?

— Да, вроде, нет. Хотя... Одна сотрудница приходила.

— Что хотела?

— Поговорить.

— С кем в итоге поговорила?

— Ни с кем. Сказала, что только с ним может обсудить вопрос.

Стас придвинул задницу поближе к спинке стула.

— Как зовут?

— Кого, сотрудницу?

— Да.

— Алиса Мельникова.

— Позови её вместо себя.

В коридоре Стас выдохнул. Интересно, кем раньше работал Безносюк? Наверное, ФСБ-шником. На должность безопасника просто так не возьмут, у кандидата должны быть связи в органах, чтобы пробивать новых сотрудников по базе или выполнять обязанности поважнее. После того как «Educatee» стал частью холдинга, серую часть зарплаты стал привозить именно Безносюк.

Он передавал её финансисткам в чемодане, ждал, пока конверты разнесут по кабинетам и забирал чемодан обратно.

Алиса сидела в своём излюбленном кресле неподалёку от кофемашины и что-то активно печатала.

— Алис, привет.

— Привет, Стас, пожалуйста немного позже я оoo-ч занята. — протараторила Алиса, — Я приду к тебе в кабинет минут через сорок.

— Не получится. Иди в переговорку, там с тобой хотят пообщаться.

Алиса подняла глаза, не переставая печатать вслепую. И всё же пальцы быстро сбились, мысль, перетекающая в заметки из головы, улетучилась.

— Что? Кто?

— Безопасник наш.

У Алисы дрогнуло сердце. Где бы спрятаться?

— Пойдём прямо сейчас.

Алиса плелась за Стасом и в её голове слэмились мысли. Где спрятаться?! Не в туалете же ей запираться. Офис расположен на четвёртом этаже, вниз не спрыгнешь. С балкона можно переползти на соседнюю веранду и выйти из офиса рекламного агентства, но там придётся перескочить через поручни. Соскользнёт нога — и на «Фонтанке» опубликуют новость о самоубийстве.

— А зачем я ему? — Алиса едва не схватила Стаса за руку.

— Не знаю. Вызвали и всё.

На прошлой неделе Алиса сгупила — отправила с зарплатной карточки деньги на помощь политзаключённым из «Народной самообороны». Значит, за картой получателя следят, эшники увидели адресанта и позвонили безопасникам холдинга, попросили провести беседу. Или нет... Как-то раз она запостила из офиса статью в свой паблик без VPN'а. Безопасник наверняка проверяет поток трафика. Сейчас её уволят. Не будет у неё ни новой позиции в холдинге, ни повышения зарплаты. Плакал хитрый план.

В переговорке сидел пожилой мужик и бряцал часами на запястье. Пострижен коротко, расчёсан аккуратно. Когда он заговорил, во рту мелькнули неестественно ровные вставные зубы.

— Здравствуй. Присаживайся. Насколько я знаю, ты очень тесно общаешься с Приморским.

— Это не так.

— Ты чего нервничаешь? — глядя на Алису сверху вниз, спросил мужик.

— Я не знаю, кто вы. И вы говорите неправду.

— Ты не знаешь, кто я? — удивился мужик.

— Нет.

— Ах, ну да! Я же с тобой не беседовал в первый рабочий день. Я Алексей Васильевич, директор по безопасности.

- Почему вы спрашиваете про Антона Сергеевича?
- Раньше ты называла его просто Антоном.
- Тут все его так называли.
- Когда ты с ним последний раз общалась?
- Это что, допрос?
- А тебя нужно допрашивать? Ответить не можешь?

Алиса подумала встать и уйти. Безопасник это почувствовал.

— Если не хочешь со мной общаться, тебе придётся искать новую работу. А найти хорошую, стабильную компанию сейчас тяжело. В твоём случае будет очень тяжело. Или вообще нереально. Тут уж как договоримся.

Алиса уткнулась взглядом в стол. Вот урод. Что ему надо?

- Повторю вопрос ещё раз. Когда ты последний раз разговаривала с Приморским?
- До командировки ещё. Недели две назад.
- Это лично. А переписки?
- Мы не переписывались.
- Поссорились чтоли?
- Слушайте, мы не встречались и ничего такого!

— Зачем тогда искала его пару дней назад?

Вот Стас, гад. Сдал её!

— Хотела по работе посоветоваться.

— Написала?

— Нет. Дело несрочное, решила дождаться из командировки.

— С кем он лучше всего общался, знаешь?

— Со Стасом. — не моргнув, ответила Алиса, — Постоянно обедали, болтали, кофе ходили пить.

Про фронтендера Женю Алиса решила не упоминать, а вот Стас пусть отхватит по заслугам.

Мужик почесал подбородок.

— Понял тебя. До встречи.

Алисе очень хотелось грохнуть дверью, но она сдержалась.

Урод!

Урод!

Урод!

Урод!

Вот из-за таких персонажей мы и сидим до сих пор в жопе! Однако, одновременно со злостью Алиса испытала облегчение. Непонятно, почему безопасник расспрашивал про Антона, о её промахах он, вроде как, не знает. Главное, больше не допускать детских ошибок и быть поосторожнее со Стасом.

Со Стасом, которому Безносюк вымотал за день все нервы: спрашивал о рабочих моментах, о конфликтах, о прошлом владельце. В конце разговора Безносюк вспомнил и про Алису:

— Она ценный сотрудник?

— Да. Холдинг ей заинтересовался, она очень талантливая. Они даже забирают её себе, мы сейчас ищем замену.

Безносюк черкнул что-то в блокноте, попросил кофе. Стас чуть не разорвался от возмущения, но дошёл до рецепции, передал Вике пожелания Безносюка. Пусть сама делает ему кофе! Вика нехотя ушла на кухню. Стас сидел на диване и слушал, как глухо стучат её каблуки о линолеум в коридоре. Вот она прошла в переговорку. Вот Безносюк что-то басит. Вот Вика деланно похихикала. И вот она возвращается к стойке.

— Просит тебя обратно. — сказала она Стасу.

Стас сжал зубы и поднялся.

— Держись. — шепнула Вика и показала сжатый кулак.

Да уж. С таким только держаться.

Когда Стас вернулся в переговорку, чашка кофе уже опустела. Полюбому налил туда коньяка, алкаш старый.

— Проводи меня в серверную. И пригласи туда человека.

Стас довёл Безносюка до каморки в дальнем углу офиса. Всё понятно, собирается отсматривать камеры. Ну, пусть смотрит. Не увидит там ничего нового.

Ухода Безносюка Стас не заметил, он предпочёл не шататься лишний раз по коридору. Вместо этого Стас смотрел на стену кабинета и закидывал в рот ириски, запивая их давным-давно остывшим чаем. Объявись сейчас Антон, все проблемы решились бы и «Educatee» продолжил своё развитие, но ни одна система не работает нормально. Если выражаться прямо, «вечнó всё через жопу». Даже в айти.

Антон был оффлайн весь понедельник, но никто не обратил на это внимания: мало ли, Антон всё же директор, занятой человек, застрял в министерстве или сосредоточился на делах холдинга. Во вторник Антон не подключился к еженедельному синку, Стас отправил ему сообщение в слак, но оно так и осталось непрочитанным. В среду Стасу позвонил директор по продуктам холдинга Кирилл и спросил, куда запропастился Антон. Они не могли дозвониться до него уже три дня. Телефон Антона действительно был выключен. Стас изложил ситуацию как есть и в офисе тут же появился Безносюк. Так, после сегодняшнего дня Стас убедился окончательно — если звонят из холдинга, добра не жди.

Перед уходом домой он решил расслабиться и скатать пару каток в «World of Tanks». Дома пристанет жена, прилипнет ребёнок — жди потом, пока они уснут, да играй молча, да не отодвигай со скрежетом стул... В офисе же к вечеру никого не осталось и Стас смог даже переговариваться с другими игроками. Однако, как только он выгнал из гаража любимый «T57 Heavy», в наушниках раздалась трель звонка. Стас ответил, не сворачивая игру.

— Да.

— Стас, привет.

По голосу он узнал маркетолога Венеру.

— Привет, Венер.

— Тут такое дело. К нам пришёл Безносюк и сказал Алису пока в холдинг не брать.

— Почему?

— Он перед фактом поставил, объяснять ему не по чину. Слушай, расстроится же девчонка...

— Ещё бы. — буркнул Стас, направляя танк на гору.

Вдалеке показался вражеский ИС-7.

— Давай скажем ей, что у вас финансовые проволочки и позицию помощника пока заморозили на месяц? А там, глядишь, поутихнет.

— Да бля!

Стас выстрелил несколько раз, но пробил броню лишь однажды, ему помешали экраны и наклонные борта ИС-7. Надо было целиться выше!

Венера восприняла реплику иначе:

— Да не расстраивайся ты так. У него приступ паранойи, он через пару недель забудет, как её зовут.

— Ладно, я поговорю с ней, Венер. Придумаю отмазку.

— Спасибо, Стас! Гора с плеч. А то я ей столько всего наобещала! Пока, увидимся.

— Ага, пока.

Стаса ранили в ответ. Он ожидал, что его добьют. Не добили. Стас не выдержал и зажал пальцами Cmd+Q. Игра закрылась.

Добили Стаса на следующий день — и киллером был, конечно, Безносюк. Он явился ровно в 11:00, когда Стас тёр красные глаза и глотал кофе за стойкой в надежде взбодриться. Он всё равно протанковал дома до трёх часов ночи, а потом никак не мог успокоить взбудораженную психику, анализировал ошибки и продумывал дальнейшую тактику. Стас с удовольствием подремал бы пару часиков в кабинете, но понимал, что ему не даст уснуть депульпированный утром зуб, пока ещё не отошедший от анестезии.

Стас всё же решился прилечь хотя бы на полчасика; в кабинете он обнаружил Безносюка, сидевшего в кресле Антона. Не здороваясь, безопасник указал на гостевой стул рядом с собой. Стас не стал протягивать ему руку — бесполезно.

— Загляни мне в смартфон.

Стас подкатился поближе, глянул на экран и понял, почему Безносюк не прислал ему материалы по почте. На экране играла видеозапись из соседнего кабинета. Ночная съёмка. Бледно-зелёная женщина, раздвинув ноги, сидела на столе. Парень со спущенными штанами двигал бёдрами и задирал голову вверх. Безносюк остановил видео и приблизил лица.

— Узнаёшь?

Стас кивнул. Девушка — офис-менеджер Вика. Фронтендера Женю Стас узнал с самого начала, по характерной рубашке в крупную клетку.

— Ищи замену и увольняй. Пусть ебутся в других местах. А мы обязательно вернёмся к этому эксцессу, как только найдём Антона.

Безносюк поднялся со стула.

— Недальновидный ты руководитель, Станислав. Не видишь, что происходит у тебя под носом.

— За всем не уследишь.

— А ты поменьше в войнушку играй и побольше работай. Тогда и упускать ничего не будешь.

Стас побелел. Они что, следят за активностью сотрудников?

Ему захотелось схватить ноут, догнать этого павлина и разбить ему голову. Блять, мы что, в тюрьме? В госухе какой-нибудь засраний? Что за бред?!

Стас злился недолго, привычное уныние вытеснило гнев. Его отец был штурманом и кавалером ордена Красной звезды за операцию в Афганистане, его старший брат выучился на военного хирурга, а он, Стас, служит ИТ-секретаршей и все его подвиги умешаются в один ничем не примечательный аккаунт «World of Tanks».

Стас пересилил себя и ухватил ускользающий гнев за хвост. Отставить! Вечером поноет, в ванной или в туалете, а сейчас нужно

конвертировать гнев в решительность и поговорить с Алисой. Иначе он снова струсит и будет тянуть с разговором до понедельника.

Стас надеялся, что Алиса уже пришла — и не прогадал. В кабинете кроме неё никого ещё не было. Он покрутил пальцами у мочек, прося снять наушники. Алиса вытащила эйрподсы и вздёрнула носик в немом вопросе.

— Алис, скажу прямо. Мы что-то никак не можем найти нормального кандидата тебе на замену, приходят одни идиоты. Надо подождать три недельки. Толковый эйчар вернётся из отпуска и холдинг передаст ей вакансию.

Взгляд Алисы потух.

— Понимаю, вы там договорились о новых финансовых условиях. Мы тебе в конце квартала компенсируем разницу премией. Извини. Рабочие моменты.

— Ладно, что уж... — примирительно ответила Алиса.

Стас шмыгнул носом и вернулся в коридор. Мимо пролетел девопс Макс, пару месяцев назад релоцированный из Самары на позицию уволенного мудака Семёна. Стас схватил Макса за рукав, словно бегущего школьника в коридоре. Макс дёрнулся и недоумённо оглянулся. Стас тут же убрал руку.

— Извини, я случайно зацепил. Можно тебя на пару минут? Надо кое-что обсудить у меня в кабинете.

— Десять минут, ок? Графики упали, надо проверить, что случилось.

— Да, это важнее. Приходи, как освободишься.

Макс пришёл через сорок минут, встал рядом со столом. Стас почувствовал себя учителем.

— Слушай, между нами: у нас на ноутах стоят какие-нибудь отслеживающие активность программы? Скриншотилки там? Логгеры?

— Не, — без запинки ответил Макс, — У нас ни разграничения прав, ни «Sophos»'а. Мы ни в один ноут залезть не можем. Я об этом говорил техдиру, а он...

— Ладно-ладно, это мы обсудим, — перебил Стас, — Давай напрямую. Ко мне приходили тут из холдинга и подкололи, что я рублюсь в танки с рабочей машины. Я так, играю иногда после работы. Как они узнали?

Макс улыбнулся и деланно почесал бородку.

— Тут хакером быть не надо. Смотри.

Макс ткнул пальцем в лампу на столе Стаса. Стас повернул голову и выматерился.

Рядом с лампой стоял перекидной календарик «World of Tanks».

Глава 6

На следующий день Антона перевезли из бункера в кардинально иное место. Если в бункере кондиционер всю ночь обдавал Антона холодом бескрайней равнины, то в новой комнате ещё не отключили отопление и духота давным-давно вытеснила из помещения свежий воздух. В бункере Антон старался не смотреть на неоновые огни и уткнулся взглядом в пол, из-за чего у комнаты пропали углы и пространство с каждой минутой сжималось всё сильнее, темнота обволакивала Антона и подбиралась к ногам. В новой же комнате ярко горела лампочка и освещала завешанное фотографиями трюмо, усыпанную косметикой полку, засаленный пуфик. Напротив трюмо, под окном, втиснулся раскладной диван. На краешке дивана лежала заготовленная заранее стопка одежды, полотенце и записка: «Переоденься, нужно выглядеть прилично».

Куда его везли, Антон не видел, похитители снова накинули ему на голову мешок из супермаркета. Мешок шуршал и не пропускал свет, лишил Антона сразу двух органов чувств, которые он боялся потерять больше всего. Не раз он представлял, как ослепнет или оглохнет, а в некоторых, особо страшных фантазиях, ослепнет и оглохнет одновременно. Вся деятельность Антона сводилась к анализу информации в интернете, а ещё он жить не мог без музыки — потеря зрения или слуха были для него равнозначны небытию.

«Да, Антон, после смерти чувства притупляются» — приговаривал у него над головой Валентиныч. Антон ничего ему не отвечал, вместо этого он с удивлением следил за тем, как в новых условиях обострялись иные органы чувств. В салоне автомобиля пахло старой кожей и табачным дымом, несколько раз между сидений

юркнули струйки холодного воздуха (вероятно, водитель приоткрыл окно, чтобы выбросить хабарик). До Антона доносились гудки автомобилей и лай собаки, истерившей неподалёку.

Зачем похитители скрывали от него дорогу, Антон так и не понял. Оказавшись в комнате, он первым делом отдёрнул занавеску на окне и увидел перед собой Театральную площадь — бандиты привезли его в Драматический театр. Это решение тоже не поддавалось логике. Зачем перевозить пленника из глухого бункера, где никто и никогда его не отыщет, в публичное место, да ещё и в центре города?

Переодеваться по приказу не хотелось, но от старой футболки разило потом. Грязь на брюках высохла и отваливалась кусочками, на лету превращаясь в пыль. Антон влез в принесённые похитителями вещи — и джинсы, и свитер неожиданно пришли к нему впору, но выглядел Антон всё равно неважно: лицо побледнело, под глазами набухли мешки, немытые два дня волосы напоминали собой гудрон.

Антон нагнулся к раковине, отчистил лицо, шею и запястья. Обычным жидким мылом вымыл, как мог, голову, затем протёр ботинки влажными салфетками, поставил их рядом со входом и подёргал ручку двери, покрутил её вправо-влево. Бесполезно.

Последней деталью обновлённого гардероба стала театральная маска, которую Сергей всучил ему по приходу:

— Надень и шагай за мной.

Свет в коридоре не горел, маска скрывала от Антона окружающую обстановку, поэтому он просто следил за лучом фонарика, которым Сергей подсвечивал сначала ковролин, а затем ступеньки кованой лестницы. Лестница привела их в камерный зал чело-

век на двадцать, с невысокой сценой и антикварным, тяжёлым занавесом.

— Садись на второй ряд к Валентинуичу. Он в маске ворона.

Страаясь не наступить на ноги зрителям, Антон протиснулся в серединку ряда.

— Извините, Как-вас-там-Валентинович, я сегодня без костюма.

Дед в маске повернулся к нему, но ничего не ответил. Зал был полон. Антон полез было за айфоном, но в этот момент на сцену направили свет и заиграли фанфары.

— Господа! — произнёс бархатный голос, — Отключите ваши телефоны. Мы начинаем!

В центре сцены стоял диван, на нём калачиком свернулся мужчина в костюме. Голос за сценой произнёс:

Комната. Люстра. Окно. Ковролин. Гул холодильника, пение тока. Вот наш герой — Иванов Валентин, гордость агентства рекламного толка.

Актёр повернулся к сцене, и Антон увидел на его лице клоунский грим.

Валя не знает, куда себя деть. Каждое утро, закинувшись кофе, Валя берёт с подоконника плеть — бить практикантов в БЦ на Голгофе.

Позади главного героя засеменила цепочка сгорбленных парней, замыкающий ударил пару раз хлыстом по сцене. Парни вздрогнули и ускорили бег.

Валя устал от жены и детей. Скучно до одури! Скучно и глупо: свитер на вешалке, борщ на плитте, по алфавиту расставлены крупы.

На сцену вышла женщина лет тридцати пяти, она держала за руку девочку. Выцветший халат, бигуди и отсутствие косметики делали женщину некрасивой.

Как-то в четверг, уходя на обед, Валя увидел в соседнем отделе девушку Лену, предвестницу бед. Валины глазки тотчас заблестели...

Жена с дочкой ушли в тень, их место заняла выточенная блондинка. Она цокнула туфельками и призывно изогнулась. Валя подскочил с дивана и стал наматывать вокруг девушки круги, показывая публике большие пальцы. Люди в зале засмеялись.

Вдруг на сцену высыпала толпа полураздетых снежинок. Они танцевали на каблучицах и несли подносы с фужерами шампанского. Из-за активных движений напитки проливались на пол, несколько фужеров упали и хрустнули под ногами. Кто-то взорвал хлопушку. Рассказчик продолжал:

Год завершался. Настал корпорат. Валя сидит рядом с Леной. Он рад, он подливает ей полусухого — и представляет её полу-gолой!

Клоун закружил Лену в танце посреди сцены и поцеловал взасос. Снегурки скинули шубки и остались голыми, дамы в зале ахнули. Обнажённые женские тела не вызвали у Антона никаких эмоций, но чисто эстетически он оценил девичьи фигурки. Интересно, где их набрали? Хотя, в провинции это не проблема. Скорее всего, снежинок играли девушки из модельного агентства или тренерши местного фитнес-клуба.

Свет приглушили, клоун и Лена медленно двинулись к дивану, стягивая друг с друга одежду.

Вмиг закрутился служебный роман. Врёт Валя дома: «Аврал на работе!». Сам арендует отель, ресторан — праздник для сердца и праздник для плоти.

Валю хвалили, зарплата росла: руководитель, директор отеля. А в декабре, шестого числа, Лена от Вали того... Залетела.

Клоун, переодетый в синий приталенный костюм, присел на офисный стул и заплакал. Рассказчик повысил тон:

Валя уходит от старой жены! Жена и соседи — по-ра-же-ны!

На сцену выбежали несколько тёток в выцветших фартуках и пропели:

Что же теперь с ними бу-У-удет?! Только ведь выбились в лю-Ю-юди!

Вале насрать, у него новый брак, сто человек в подчинении, фрак, бонусы, business trips в Вену. Летом у Вали родился сынок, весом упитан и ростом высок, лицом ангельским — в Лену.

На сцену выбросили мешки, в колонках зазвенели монеты. Судя по всему, к спине главного героя приделали насос. С каждой строчкой стихотворения его костюм раздувался.

Валя становится смел и пузат! Валя теперь — кандидат, депутат!

На заднем фоне промаршировала молодёжь с плакатами «За Валю!»

Но в декларации только нули — все единицы куда-то ушли. «В браке успешней супруга!». Все сбережения, слитки, кули, бизнесы, евро, полотна Даши — ленина чисто заслуга.

На сцену снова выбежала блондинка, увешанная с ног до головы украшениями. Она что-то раздражённо закричала мужу. К надутому Вале тут же подбежали голые снежинки, их стали хлопать по задницам такие же, как Валя, мужики, одетые в пиджаки и обмотанные вокруг талии банными полотенцами. Снежинки визжали и кружились вокруг мужиков, похихикивая.

Лена наглеет, хуеет (пардон!), хочет свой джет, хочет виллу в Бордо и чтобы Валя был верен, как пожилой сивый мерин.

Из колонок раздался крик осла.

*Лена чиновника достаёт — валин юрист подаёт на развод.
Лена кричит в телефоны: «Мразь, не отдам миллионы!»*

Молодёжь промаршировала в обратном направлении, теперь уже с плакатами «От Вали!»

На Лене три фирмы, акции, дом! И это добро не отсудишь судом!

Валя хватается за голову. Снежинки убегают за сцену, мужики, махнув на Валю вениками, уходят вразвалочку следом. Они что-то активно обсуждают. Вместо них к Вале подходит хряк в платиновом костюме. Он пихает Валю в затылок. Валя поднимает голову, подскакивает и услужливо предлагает ему сесть, непрестанно кланяясь. Хряк падает на кресло и произносит зычным голосом:

Валюша, ну что ты как в детстве! Два выстрела — яма — наследство.

Хряк щёлкает пальцами. Из темноты на сцену выходит человек в балахоне. В руках у него пистолет с глушителем.

Валя мнётся. Хряк в платиновом костюме цокает и недовольно качает головой. Валя вздыхает и подтаскивает к человеку в балахоне один из валяющихся на сцене мешков с золотом. Человек передёргивает затвор пистолета. Свет на минуту гаснет.

«А мои похитители оригиналы!» — подумал Антон в полной темноте.

Загорелись софиты. В полумраке стояла жена в ночной рубашке с бокалом вина. Она приблизилась к бутафорской кровати и поставила бокал на тумбочку. В этот момент сзади неё возник человек в чёрном. Человек кашлянул, после чего Лена испуганно обернулась и застыла.

Попутала берег родная жена и, вроде, судьба её решена, но жизнь — режиссёр, мы — массовка. Иная у пьесы концовка.

Человек в балахоне развернулся, направил пистолет в сторону первого ряда и нажал на курок. Раздался шлепок, голова сидевшего перед Антоном мужчины дёрнулась. В лицо Антону прилетела какая-то жижа.

Женщины рядом завизжали. Валентиныч схватил Антона за руку. В этот момент по пищеводу Антона рванула ядовитая волна, он наклонился и сблевал на пол. В ушах запищало.

Люди вокруг вскочили и побежали. Софиты погасли.

— Идём отсюда.

Из головы мужчины что-то с хлюпаньем шлёпнулось вниз. Антона тут же вырвало ещё раз. Его подхватили под руки и потащили в сторону. Антон невпопад перебирал ступнями. Раскроенная голова мужчины застыла у него перед глазами, она пульсировала и заливалась окружающее пространство кровью. Кровь эта топила и ковровые дорожки, и туфли с красными подошвами, и лакированные ботинки пришедших на спектакль господ. Мир вокруг свистел и темнел, зал сменился коридором, но красный цвет тянулся за Антоном, становился темнее, насыщеннее, настойчивее — пока, наконец, не заполнил собой всё окружающее пространство.

В детстве Антон часто смотрел по телевизору американские боевики. Фильмы научили его простому правилу: если открываешь глаза и видишь перед собой незнакомую обстановку, то либо ты очнулся в больнице, либо тебя похитили злодеи. В любом случае в кадре должны появиться люди, нагнуться, посмотреть тебе в лицо и объяснить происходящее. Прямо сейчас.

Или немного позже, через минуту.

По внешнему виду злодея Антон надеялся определить, в какую ситуацию он угодил. Если над ним нависнет человек в белом халате, то Антон явно в больнице. Возможно, в подпольной — тогда ему вырежут органы или пустят на опыты. Если же Антон увидит перед собой расстёгнутый ворот кожанки и увесистую цепку, то его ждёт развязка прозаичнее: утюг, паяльник, перепись квартиры на подставных лиц. Потом в Антона вольют бутылку водки и

бросят в ледяную воду. Палец с перстнем укажет на другой берег: «Плыви». И он не доплынет.

Оба сценария не сулили ничего хорошего, но жизнь в очередной раз распорядилась по-своему. Антон очнулся на диване в гrimёрке, где его заперли днём ранее. Никаких злодеев не было и в помине. Судя по отражению в зеркале, его вчера отмыли — на лице и груди не осталось следов крови. На спинке стула аккуратно висела отчищенная от грязи одежда.

Увы, смартфона в кармане джинс не оказалось. Не было его ни на трюмо, ни на подоконнике. В ящиках валялись старые газеты, какие-то чеки, абсолютно незначительная мелочь. Наконец, среди этого хлама нашёлся швейцарский нож (судя по истёртой и погнутой открывашке, им частенько откупоривали алкоголь). Антон пораскладывал из ножа другие приспособления и обнаружил плоскую отвёртку, после чего сжал нож в кулаке и сквозь зубы выдавил «Yes!». Шансы выбраться из плена стремительно росли.

Отвёртка немного болталась в пазу оконной ручки, так что пришлось поставить её по диагонали, от угла к углу. С пятого раза замок подчинился, створка окна с грохотом и кусками краски оторвалась от проёма. Антон выглянул наружу.

Первые этажи в Коммунаре-на-Волге обычно закрывали решётками — и театр не стал здесь исключением. Антон побаивался высоты и не смог бы выпрыгнуть со второго этажа, но жажда свободы пересилила страх, он перемахнул через подоконник и повис, держась за раму руками. Ноги дотянулись до верхнего ряда решётки, Антон смог просунуть ступни в отверстия. Его качнуло, сердце метнулось к горлу, но Антон всё же поймал равновесие.

В идеале ему хотелось бы нагнуться, схватиться за решётку руками и сползти по ней, как по лестнице, но Антон боялся не удержаться и упасть спиной вперёд. Под окнами таял почерневший

сугроб. Что он в себе таил — слежавшийся ли снег, комья земли или свалку арматуры, проверять позвоночником не хотелось, поэтому при первой же возможности Антон оттолкнулся от решётки как можно сильнее. Он упал далеко от сугроба, тут же перекатился по асфальту и по инерции пробежал пару метров на четвереньках. Обошлось, Антон лишь слегка испачкался. Собрав с сугроба немного грязного, словно шерсть барана, снега, Антон очистил куртку. Сугроб на самом деле оказался промёрзшей землёй впремешку с камнями.

Город встретил Антона грохотом первых трамваев. Дул холодный ветер, на куртку бросилась изморось, но Антон лишь обрадовался непогоде — снаружи дышалось гораздо легче. Антон заметил вдалеке работающий ещё с советских времён газетный киоск и решил, что первым делом нужно прояснить ситуацию. Он периодически озирался, проверяя, не гонится ли за ним кто-нибудь и старался держаться поближе к голым ещё деревьям. Подойдя к витрине, он окинул взглядом обложки газет. Издания кричали о разном: у Галкина что-то не ладилось с Пугачевой, новый кумир молодёжи Gone.Fludd оказался внуком американского парламентария, альбом наклеек «Мстители» обещал пять новых стикеров в каждом номере и розыгрыш путёвки в Голливуд с одним из родителей.

— Что вам, молодой человек?! — крикнула ему из киоска бабка-продавщица.

— Мне бы главную местную газету.

Бабка нагнулась под прилавок и вытащила оттуда сложенную пополам газетёнку.

— Тридцать-сем рублей.

К счастью, во внутреннем кармане куртки нашёлся мятый полтинник. Бабка забрала купюру и только после этого протянула газету в форточку. Антон сразу же выхватил её из пигментных рук, развернул и обшарил взглядом первую полосу.

— А это свежий номер? — спросил он у потерявшей к нему интерес продавщицы.

— Утренний. Сдачу забирайте, а то потом скажете, что не отдавала! — бабка кивнула на лежавшие в монетнице тринадцать рублей.

— Не-не, мне бы получше какую газету. Где новости посвежее.

— А там что, несвежие? Свежие и есть!

— Да тут ни о слова про убийство!

— Про какое ещё убийство?

— В театре. Вчера человека застрелили вот здесь, в театре.

Бабка подозрительно посмотрела на Антона.

— Дайте другую газету, где новости свежие.

— Нету у нас других газет. Эта самая свежая.

— Проверьте тогда повнимательнее. Должен быть посвежее номер.

— Молодой человек! Это *самые* свежие новости. Никого тут не убивали, а то б написали точно. Они всегда пишут.

— Да как блять не убивали, если я сам его видел!!! — заорал в окошко Антон и сразу понял, что пора валить, потому что бабка вжалась в стул и потянулась рукой под прилавок. Брызнет сейчас в лицо несмываемой краской или нажмёт на кнопку, вызовет вневедомственную охрану.

«Ладно» — размышлял Антон, перебегая светофор на красный — «Может, газеты отдали в печать поздно вечером. Или репортёры не успели ничего разузнать до дедлайна». Газеты теперь — черепашье СМИ, королём оперативности стало даже не телевидение, а интернет.

На автобусной остановке Антон махнул рукой парню в толстовке Cannibal Corpse, привлекая внимание. Парень вытащил наушник:

— Не курю.

— Да я не за сигаретой. Слушай, у меня телефон укради...

— Денег на счету нет, позвонить не дам. — перебил его парень.

— Да не, ты дослушай. Можешь посмотреть в инете, человека в театре убили вчера или нет?

Металлист, не мигая, буровил Антона взглядом.

— Да, убили.

Антон облегчённо выдохнул.

— Это я его убил. И съел.

Металлист заржал и запрыгнул в подъехавшую маршрутку.

Шутник, блядь.

Впервые за долгие годы Антон не почистил утром зубы, не побрился, не уложил волосы. Шансы произвести впечатление на девушку, что стояла неподалёку от металлиста, таяли на глазах. На глазах, которые девушка закатила после первой же фразы:

— Извините, моя просьба может показаться вам странной, но вы не могли бы посмотреть в интернете...

— Молодой человек, у меня уже есть молодой человек. — девушка на секунду зависла, — Эм... В общем, номерок я не дам.

— Да я не под катываю! — огрызнулся Антон, — Извините, я не хотел, чтобы прозвучало грубо. Можете посмотреть в Твиттере или в Гугле, пишут ли там о вчерашнем убийстве? Говорят, в театре застрелили кого-то важного.

Девушка пожала плечами, полистала ленту, но Антону экран не показала.

— В «Подслушано» ничего нет. Там обычно все самые свежие новости постят. Авария на шоссе, ремонт в торговом центре. Скукота, короче.

Антон кивнул, поблагодарил её за отзывчивость и пожелал хорошего дня. Девушка в ответ процедила «пжалста». Антону показалось, что он её обидел. Видимо, она всё же ждала уговоров «дать номерок».

Убийство нигде не обсуждали. Антон вспомнил крики зрителей, выпавшие мозги... Нет, мужика точно убили, сыграть так невозможно, Антон физически ощущал в зале присутствие смерти.

Убийство было, мужик был. А ещё за Антоном следят какие-то люди.

— У меня, наверное, чайник свистнул на фоне стресса. — произнёс Антон вслух, — Я слегка того, поехал. Мне надо к психотерапевту, пусть таблетки пропишет.

Происходящее действительно походило на бред сумасшедшего, ну или как минимум на бред человека, испытавшего сильный стресс. Организм — не робот, Антон никогда не работал на столь ответственной должности. Не выдержал, бывает. Всё поправимо.

Стараясь не смотреть на окружающих и отойдя в сторонку, Антон дождался трамвая, сел подальше от окон и поехал в частную клинику неподалёку от дома. Психологи и психотерапевты в Коммунаре-на-Волге не востребованы, обычно к ним не бывает очередей, потому что местные с подозрением относятся к психотерапии и никогда по своей воле не отведут «туда» ребёнка или родственника. Они ж не психи!

Крыльцо частной клиники Academica выложили керамогранитом, на входе поставили пластиковую дверь, а в холл купили синюю мебель в цвет логотипа. За синей стойкой сидела девушка в синем халате, на груди у неё висел синий бейджик. От обилия синего Антона замутило — и тошнота стала первым физиологическим ощущением за день.

— Здравствуйте! — девушка натянуто улыбнулась, — Вы на приём?

— Здравствуйте. Да, к психотерапевту.

— Вы записывались? — девушка пошевелила мышкой и подготовилась вбивать данные пациента, — Как ваша фамилия?

— Моя фамилия Приморский. — на автомате ответил Антон, но тут же спохватился, — Только я не записывался.

Девушка растерянно посмотрела на Антона.

— У нас только по записи.

— Девушка, — Антон облокотился на стойку, — А у него есть сейчас кто-нибудь? Давайте оформим срочный приём, а? Я готов доплатить.

Девушка даже не стала сомневаться.

— Присаживайтесь на кресло. Я сейчас узнаю, сможет ли врач вас принять.

Антон отлип от стойки. Ничё-ничё, скоро его отпустит. Доктор пропишет таблетки, таблетки разгонят пелену и окажется, что Валентиныч на самом деле — безобидный пьяница из соседнего подъезда, а седеющий мужик Сергей — его сын. Ночью, у подъезда, Сергей уговаривал Валентиныча пойти домой и не ждать из магазина собутыльников. И не было никакого спектакля, Антон просто сидел на мокрой траве волжского склона, а сумасбродные образы застилали собой статичный вид на реку, мост и крутой, чуть ли не вертикальный обрыв.

Частная клиника пустовала, за десять минут в холле промелькнула лишь бледная женщина в свитере с высоким горлом и юбкой в пол. Неудивительно, откуда у людей деньги на частных врачей? Люди сейчас ются в коридоре муниципальной поликлиники, потом сидят на стульчике напротив терапевта, а терапевт смотрит на них безразличным взглядом и выдаёт направления.

Запишитесь к неврологу.

Он, правда, в отпуске.

Можно через интернет.

К нему запись за два месяца, женщина.

Ну а я что поделаю?!

В такие моменты, утопая в мягком сиденье неподалёку от кондиционера, Антон чувствовал себя виноватым, хотя в чём он мог быть виноват? В том, что его месячная зарплата в двадцать пять раз больше зарплаты молодого учителя? В том, что он может позволить себе не торчать в очередях, не унижаться в регистратуре, не ждать годами квоту? Он и умел в двадцать пять раз больше учителей, в двадцать пять раз больше рабочих. Иногда ему сложно объяснить даже ровесникам, чем он занимается, а как объяснить это бабушке или дворнику? Новый мир, рынок труда ценили его умения и платили соответствующую сумму. Больше ответственности — больше возможностей.

— Давайте ваш паспорт! — девушка позвала его за стойку.

Антон смутился. Он не заметил её возвращения, хотя любил всё подмечать.

Антон всегда носил паспорт во внутреннем кармане, поэтому привычно потянулся за отворот куртки. Паспорта на месте не оказалось — обложка не прощупывалась через ткань. Выронил? Забрали похитители? Оставил в квартире?

— Девушка, знаете, тут такое недоразумение... Кажется, я забыл паспорт дома.

Девушка поджала губы.

- К сожалению, мы не сможем вас принять без паспорта. Вы у нас впервые, нам нужно завести карточку.
- Девушка, может быть, мы поступим так: я назову вам данные, а завтра принесу оригинал?

Антон улыбнулся и поймал её взгляд — знал, что природа наградила его выразительными глазами. Но девушка не растаяла, не улыбнулась, она лишь пожала плечами и согласилась. Согласилась потому, что даже без паспорта Антон заплатит пустующей клинике деньги. Пойди она на принцип, Антон свалит за паспортом и не вернётся, а её отчитают. Какого хрена она разбрасывается клиентами?

Антон быстро заполнил анкету, расписался в согласии на оказание медицинских услуг и согласии на обработку персональных данных.

- Проходите на второй этаж, тринадцатый кабинет. Лестница справа, доктор вас ожидает.

Доктор Антону сразу же не понравился. Он сидел у подоконника и перебирал бумаги, спинка кресла скрывала его от пациента. Доктор не поздоровался и не обернулся, да и в целом вёл себя как в государственной поликлинике.

- Здравствуйте!
- Добрый день. Проходите, садитесь на стул.

Антон уселся, шурша баxилами.

- Рассказывайте, что вас беспокоит?

— Да у меня тут... — Антон замялся, — В общем, переклинило меня на фоне стресса. Галлюцинации начались, бред, сон с явью смешался. Мания преследования, кошмары. Мне бы таблетку какую-нибудь или укол.

Антон сцепил руки в замок и уставился на спинку кресла. Врач замер. Антон не выдержал:

— Может, вы повернётесь к пациенту? Я всё-таки в частную клинику пришёл, деньги заплатил.

Доктор развернулся, и Антон заорал. Перед ним сидел Валентинич. Антон ломанулся в дверной проём и тут же уткнулся в раскаченную грудь уже знакомого ему амбала. Антон попытался пнуть голема по яйцам, но амбал отбил ногу на лету, навалился на него всем своим весом, заткнул Антону рот мясистой ладонью, да так крепко, что Антон даже не смог её укусить. В кабинет залетел ещё кто-то, вытащил кисти Антона за спину и затянул крепёжную стяжку ему на запястьях, пришёптывая матерные выражения.

Старик поднялся из кресла:

— Ну не идиот ли ты, а? Тебе же русским языком сказали — не чуди!

Старик сердито, со сцепленными за спиной руками, навернулся круг по кабинету.

— Посадите его обратно!

Антона уронили на стул и засунули в рот кляп, наспех смотанный из бинтов. Антон бросил взгляд на мужика, что связывал ему руки. Ну да, седеющий Сергей, кто же ещё? Он запыхался от возни с Антоном и намывал руки в раковине.

— Вот скажи мне, ты зачем из гримёрки сбежал? Бабушку напугал в киоске, с прохожими про убийство трепался?

— По-вы-вал! — промычал Антон.

— Что ты там проверял? Фома неверующий! Нет, Сергей, ты посмотри, — стариk показал на Антона пальцем, — Он собственными глазами видел спектакль и подумал, что у него крыша поехала.

— Ну я же тоже не сразу поверил. — возразил Сергей, вытирая руки бумажным полотенцем.

— Ну да... — Стариk кивнул на амбала, — Этот, вон, вообще своему оператору позвоночник сломал.

Амбал заулыбался.

— Ладно, хватит зубы сушить. Придётся ехать, доказывать Фоме правдоподобность происходящего. Ташите его в машину!

Если бы Антону вместо поездки с тремя бандитами неизвестно куда предложили сейчас прокатиться стоя в переполненной маршрутке, он бы долго не раздумывал. Плечи ломило от скованых за спиной рук, лоб упирался в сидушку, а в спину будто бы воткнули нож, который медленно, но верно пробирался вдоль позвонков к шее. Амбал давил на газ, микроавтобус скакал по раздолбаным дорогам Коммунара-на-Волге. После каждой выбоины нож вгрызался в позвонки всё глубже. Антон влип. Шевеля кистями за спиной, он понимал, что крепёжную стяжку разорвать не получится, слишком сильно она впивается в кожу. Похоже, его везут в лес, за город, где заставят копать могилу и отказываться от экспансии «Educatee» в Коммунар-на-Волге. Это ж Среднее Поволжье! Девяностые здесь не заканчивались — так, притаились, город до сих пор поделён на районы, молодёжь «работает» с

группировками, а эти трое по-любому старшаки: ловят неугодных, сажают в свою премиальную маршрутку и везут на берег реки Сенберки, на ту самую поляну, где в антоновской юности дрались стенка на стенку и ширялись героином. Вытащат сейчас из тачки и будут возить лицом по коре деревьев до тех пор, пока рожа не превратится в месиво. Вот тебе рынок, сука, вот тебе конкуренция! Антона убьют, а в Петербурге просто пожмут плечами и выплатят кому-нибудь страховку. Хотя кому её платить, двоюродному брату? Отправили, блять, в родной регион. Развития ему захотелось, новых карьерных вызовов!

— Вот тут осторожнее! — Антон услышал голос Валентиныча, — Поворот за водой сразу, не пропусти.

Ещё лучше. Что за вода? Наверное, речка или озеро. Значит, утопят. Вот прямо так и бросят, со связанными руками, только примотают ещё что-нибудь тяжёлое к ногам, чтобы труп не всплывал пару дней, не пугал рыбаков.

Микроавтобус остановился.

— Вытаскивай, Сергей.

— Давай ты сам, а? Всё равно вытащу, даже если упишься начнёшь.

Антон не сопротивлялся, привстал и на полусогнутых ногах посеменил вперёд. Сергей надавил ему на голову (ниже!), схватил за плечо и дёрнул на себя. Антон выпрыгнул из салона и не удержался, упал коленями в лужу.

— Сергей! — прикрикнул старик, — Что ты как в детективных фильмах!

— Ты ж сам говорил, что действовать нужно эффективно! — огрызнулся в ответ Сергей.

— Да он сейчас и так охренеет. — вставил свои пять копеек амбал.

— Объяснил бы тогда получше. — проворчал Сергей.

Антон поднял глаза на здание и увидел стену, выкрашенную бледно-салатовой краской. Входная дверь напоминала собой плитку тёмного шоколада. За дверью тянулся безликий коридор с люминесцентным светом, моргавшим, будто в дешёвых фильмах ужасов. Один из кабинетов был полностью выложен плиткой. В углу ютились никелированные раковины — не раковины даже, а пологие ванны, стоящие на проржавевших ножках. От слива червями тянулись гофрированные трубы. Антон похолодел.

— Мы что, в морге?

Похоже, сейчас ему просто перережут горло и расчленят. А кровь с плитки отмыть — раз плонуть.

— Да, в морге. Иди ко второму столу.

На втором столе лежало тело, накрытое клеёнкой. Сергей убедился, что пленник смотрит и дёрнул клеёнку на себя.

На столе лежал двойник Антона, его точная копия. У двойника был тот же шрам на ключице от падения на велосипеде, та же форма трицепса, те же волоски вокруг сосков, которые Антон периодически выщипывал. Восковая кукла. VR-модель.

— Завтра тебя здесь омоют, причешут, припудрят, — донёсся издалека голос Валентиныча, — Положат в гроб. Крест привезут сразу на кладбище.

Антон и сам онемел, отзеркалил двойника, не решаясь сглотнуть слону, моргнуть или хотя бы пошевелить пальцами. И Сергей с Володей не увили — нет, скорее, вытащили Антона из комнаты, словно манекен из разорённого магазина. Антон не отводил от стола взгляда. Даже когда вместо комнаты перед глазами выросла стена коридора, он пытался просверлить в ней тоннель и убедиться, что на столе лежит похожее, но всё же чужое тело.

Болотная краска коридора сменилась изумрудом раскинувшейся у выхода ели. Старик помахал руками перед глазами Антона, выводя его из ступора.

— Ну, Фома, расскажи мне — давно у тебя аппетит пропал?

— Где-то сутки.

— А сейчас есть хочешь?

— Не хочу.

— Ну, хорошо. Допустим, мы всё это подстроили. — старик обвёл рукой дворик, — Допустим, изготовили восковую фигуру, похороним её завтра на кладбище и прикроем сверху венками, а тебя мы сейчас увезём на берег Сенберки, сотрём тебе лицо и кинем в озеро с камнем на шее. Или с камнем на ногах? Забыл, какой именно образ ты выбрал.

Антон вздрогнул.

— Так все думают сначала. — снова влез Сергей.

— Можно я объясню ему всё?! — прикрикнул старик.

— Да ты до утра ему будешь всё объяснять!

— Нервный какой стал, ты посмотри... — больше самому себе сказал старик, — Антон, люди умирают и ты об этом прекрасно знаешь. Просто ты у нас не обычный покойник. Ты при жизни не лез на рожон, ты не идиот, родственников у тебя мало. Живые закопают твоё тело и разъедутся по домам, брат, скорее всего, даже не переночует, побоится спать один в твоей квартире и сразу же махнёт на Урал. Причём поедет на сидячем аж до Екатеринбурга. Железный человек!

Старик беззлобно улыбнулся и продолжил.

— Мы предлагаем тебе стать наблюдателем. Точнее, мы не предлагаем, у тебя выхода нет.

В этот момент Антон понял, что сумасшествие необратимо, его перекрыло окончательно. В Петербург он завтра не улетит, это точно, но и спорить со стариком сейчас не станет, лучше уж согласиться на все его предложения. Глядишь, увезут обратно в театр, а утром Антон попытается сбежать в другую клинику, в городскую психушку или куда-нибудь ещё. Его положат в стационар и превратят лекарствами в амёбу.

Ну а что поделаешь? Судьба такая.

— Он тоже мёртв? — спросил Антон, кивая в сторону Сергея.

— Да, полгода как. За спиной у тебя Володя. У него скоро годины, юбилей.

Сергей услужливо отодвинул дверь микроавтобуса в сторону:

— На этот раз поедешь как человек, у окошка. Запрыгивай.

Всю дорогу Антон размышлял, за что судьба обошлась с ним так несправедливо, за что наказала его сумасшествием. Пока боль-

шинство коммунарцев сидели дома и смотрели телевизор, питались скандалами Андрея Малахова или ненавистью Дмитрия Киселёва, Антон саморазвивался, прогрессировал, не терял времени впустую. И вот результат. Держи, обтекай.

К середине пути Антон успокоился. Ещё с университета он знал, что справедливости в мире не существует. Справедливость не более, чем сказка, существующая где-то за горизонтом утопия, призванная утешать обречённых и сбивать пену бунта с закипающих. На первый взгляд, сумасшествие — несправедливость, но на всём можно посмотреть с иного ракурса и трансформировать беду в вызов. Сумасшествие — не горе, но испытание; а жизнь, как известно, испытывает сильнейших. Антон не знал, кто и когда придумал этот афоризм, но он часто служил ему спасением в тяжёлые периоды жизни.

Антона привезли в бывший санаторий. При Союзе здесь отдыхали герои труда и местные партийные элиты, а в начале девяностых старое здание снесли, построили несколько кирпичных коттеджей и огородили их забором. На воротах появилась табличка «Частная территория». Первое время у санатория тёрлись бомжи, но их быстро разогнали быки в кожаных куртках. Санаторий превратился в элитный посёлок. Антон никогда здесь не был и видел домики лишь мельком, когда маршрутка проезжала по длинному мосту через Волгу, названному недавно в честь одного из русских императоров.

Антон гулял по территории посёлка до поздней ночи и надеялся, что его отпустит. Не отпустило. Тогда он пошёл в отведённую ему комнату, где внимательно рассмотрел интерьер. Стены были обклеены чёрными обоями. На помосте лежал ортопедический матрац, в углу покачивалась лампадка, отдающая тусклый свет. На столе гордо возвышался маковский моноблок с беспроводной мышью и клавиатурой. Зеркало на стене задрапировали тканью.

Антон прилёг на матрац и заложил руки за голову. От света лампадки на потолке плясали разномастные тени и Антон попытался подобрать к их танцу мелодию, что-нибудь из tribal techno.

Тени плясали, бит стучал в голове. Есть и пить по-прежнему не хотелось.

Глава 7

Придирчивый человек мог бы сказать, что Алиса поступила по-свински: предала собственные идеалы и согласилась на работу в холдинге, но саму Алису совесть не грызла. Изначально она действительно планировала отказать и Венере, и холдингу, но перед решающим звонком у неё в голове созрел хитрый план.

Оставшись после работы в кабинете, Алиса составила список расходов, куда включила аренду комнаты, еду, косметику, проезд, досуг и прочие бытовые вещи. Если холдинг действительно предложит ей озвученную на собеседовании сумму, то в конце каждого месяца у Алисы будет оставаться тридцать тысяч рублей. Пять тысяч Алиса собиралась бессовестно тратить, чтобы почше жить и пореже выживать, ещё пятёрку она будет отправлять матери в Коммунар, а вот оставшиеся двадцать Алиса переводила бы в валюту. Такими темпами через год она накопит 240 000 рублей, уволится и займётся журналистикой. Четверти миллиона хватит ей на шесть месяцев без офисного рабства, а затем можно будет найти удалёнку или стабильный фриланс — да и то на случай, если с журналистикой Алиса ошиблась и у неё не получится зарабатывать на жизнь любимым делом.

Первую зарплату захотелось потратить на какой-нибудь красивый поступок, поэтому Алиса оплатила кредиткой билеты в Коммунар. Она собиралась вручить маме первые пять тысяч прямо в руки. Так как отпуск на новом месте ей пока не светил, Алиса решила лететь самолётом в пятницу, а вернуться в понедельник рано утром. Самый дешёвый рейс стоил девять тысяч рублей в одну сторону, что в три раза превышало стоимость железнодо-

рожного билета, но на поезде добраться не было никаких шансов. Путь занимал двадцать два часа в одну сторону.

Новость о том, что вакансию заморозили, застала Алису врасплох. Конечно, директор Стас пообещал ей премию в конце квартала, но беспроцентный период по кредитке истекал раньше и обещанная компенсация её бы не спасла. Билеты на самолёт, естественно, были невозвратными. По собственной глупости Алиса потеряла восемнадцать тысяч и теперь её ждёт восхитительный месяц на рисе и огурцах. Спортом в таком случае можно не заниматься, толстеть всё равно не с чего.

Но Алиса не сдалась, она не спала всю ночь и продумывала варианты, а утром не стала краситься, напустила на себя хмурый вид и пошла к Стасу выпрашивать пару недель удалёнки. Алиса всё же полетит в Коммунар, но с подарком придётся повременить. Вместо этого она переживёт две недели нищеты, питаясь продуктами с маминого огорода.

Стас повёл себя максимально странно. Он выгнал Алису из кабинета, рыкнув «Позже!». Алиса опешила, но не обиделась. Кажется, у Стаса возникли серьёзные проблемы.

Между тем, Стас сверлил взглядом глубокую царапину в столешнице. У него возникли не просто серьёзные проблемы — это был полный пиздец!

Проанализировав загруженность команды, Стас пришёл к выводу, что офис-менеджера Вику и фронтендера Женю можно уволить, не дожидаясь замены. Команда фронтов справится и без джуниора, а от Вики всё равно толку мало: гости к ним особо не ходят, кандидатов они сейчас не собеседуют, а если и придётся, то человека встретят у порога эйчары, не переломятся. Стас решил не тянуть и уволить обоих сегодня же, затем позвонить Безносюку

и отчитаться, сменив тем самым гнев безопасника на равнодушие (о милости Стас и не мечтал).

Однако, Безносюк в очередной раз опередил его и позвонил первым.

— Я у бизнес-центра, спустись.

Стас не понял, почему Безносюк не может подняться, но спорить не стал — пожалел лишь, что не успел уволить любовников до приезда безопасника. На перехватывающей парковке напротив входа стояло несколько автомобилей. Бибикнул чёрный «Аутлендер» и Стас подошёл, всматриваясь в окна, но никого не увидел и встал в паре шагов от внедорожника. Тогда у машины опустилось заднее стекло:

— Тебе сигналили, тебе. Садись давай.

Стас слишком сильно хлопнул дверью и покосился в зеркало заднего вида — не рассердился ли водитель? За рулём сидел долговязый напарник Безносюка по фамилии Иваненко, он кивнул Стасу, но возмущаться не стал. Наверное, машина принадлежала холдингу и ему было её не жалко.

— Чего в офис не поднялись? Некогда?

— У вас в офисе стены картонные. А новость, которую я тебе расскажу, не должен слышать никто, кроме тебя. Запомни это.

— Понял.

— Мы нашли Антона. Он умер три дня назад.

— Чего?

— Умер три дня назад. — как идиоту, повторил Безносюк, — Пришёл домой, выпил виски, лёг спать и не проснулся. Разрыв ане-вризмы.

— Как?

— Грустно, но такое случается.

— И... И что теперь делать?

— Будем искать нового директора. И нам нужно как-то подать это коллективу. Я ещё не придумал, кто выступит.

Стас рассеянно посмотрел в окно.

— Пока сделай вид, что ничего не происходит, избегай разгово-ров. Ну уж если кто спросит, то скажи, что Антон улетел по делам холдинга и неделю будет недоступен.

— Оффлайн. — произнёс Стас.

— Чего? — не понял Безносюк.

— Это называется оффлайн.

— Ты меня не учи! — огрызнулся Безносюк, — Держи себя в руках. Что, никто не умирал до этого из близких?

— Извините, — сбавил обороты Стас, — Уже продумываю отмазки.

— Не отмазки, а версию. Жди звонка. Постараюсь побыстрее. А теперь нам пора.

Безносюк чуть ли не вытолкал Стаса из салона. Стас пошлёпал прямо по лужам обратно в офис. Первые полчаса произошедшее просто не укладывалось у него в голове. Он сидел на диване и смотрел, как мигает разделитель времени у настенных часов над столом Антона. Он ни разу не хоронил никого из коллег. Ещё бы, средний возраст в том же «Educatee» — двадцать восемь лет. Внезапно Стас спохватился и набрал Безносюка, но ещё до первого гудка вспомнил реплику о картонных стенах и сбросил, написал ему смс-ку:

А что с похоронами?

Безносюк тут же перезвонил.

— Тело пока в морге, на вскрытии. Хоронить будут в Коммунаре. Про поминки я узнаю.

Поминки. Каждый год Стас организовывал корпоративы и праздники: восьмое марта, двадцать третье февраля, день всех влюблённых, а вот поминки не устраивал ни разу. Что делают в таких случаях? Привозят еду в офис? Но это же не пиццу заказать в последнюю пятницу месяца. Надо горячее раздать, кашу, лапшу, алкоголь... Видимо, придётся выезжать в какое-то специальное кафе. В такси всех не втиснешь, придётся арендовать развозку. Или, может, найдём место поблизости, а сотрудники дойдут пешком? На улице уже весна, не замёрзнут.

Стас тряхнул головой. Нашёл о чём думать! А о чём вообще думают после смерти? Стас не знал. В конце концов, это уже забота тех, кто остался. Антону всё равно, он лежит в ледяном ящике, а Стасу придётся в третий раз за год находить общий язык с новым директором. Кого пришлют? Надеюсь, Безносюк не хочет стать директором, а то весь штат разбежится как тараканы. Стасу уже насплетничали в курилке, что в одной из компаний он запретил сотрудникам пить чай на рабочих местах — аргументировал тем,

что для еды существует столовая и грозился ввести в компании штрафы. Разрабы усмехнулись и массово обновили профили на LinkedIn. За месяц из компании ушло пять человек и Безносюка от греха подальше вернули в холдинг.

«А вдруг на место Антона поставят меня?» — мелькнула в голове Стаса мысль и тут же утонула в потоке стыда. «Боже, какой я ублюдок и мудак!». Стас с ужасом перебирал ощущения. Неужели он действительно способен порадоваться смерти человека?! Пусть даже на долю секунды! Что за дьявол сидит внутри него?

В этот момент в комнату и зашла сmm-щица Алиса. Стас хотел вежливо выпроводить её, но вместо этого раздразнённый демон рявкнул на девчонку и её сдуло из кабинета. Стас вскочил, решил воспользоваться собственной злостью.

— Вика, пройди в переговорку. — казённо произнёс он на ресепшне и отправился за фронтендером Женей.

В переговорке он посадил парочку рядом, придинул к горе-любовникам заявления на увольнение по собственному желанию и достал из стакана две брендированные ручки.

— На случай, если вы не знали, в кабинетах тоже стоят камеры.

Повисло молчание. Вика потянула заявление на себя и начала читать текст.

— Вы говорили, что камеры только в коридоре. — ляпнул фронтендер Женя, заливаясь краской.

— Кабинетные работают только ночью, на случай взлома или воровства. Подписывайте. Завтра можете уже не приходить.

В глазах Вики дрожали слёзы, готовые в любой момент перелиться, потечь по щекам. Женя смотрел на лист и не шевелился.

— Стас, не увольняй. У меня дочка, куда я? — прошептала Вика, прекрасно понимая, что их могут услышать в соседних кабинетах.

— Всё нормально, я... — начал было Женя и коснулся её плеча, но Вика дёрнулась, словно Женя ударил её током.

— Решение не моё, Вик. — сказал Стас — Запись нашли люди из холдинга. Ты помнишь, кто приходил.

Только сейчас Стас пожалел, что собрал их вместе. Вдруг они начнут выяснять отношения?

— Стас, я больше ни-ни! — пролепетала Вика, уже не сдерживая слёз, — Бес попутал, наваждение, не знаю, что...

Из Стаса снова полез демон.

— Слушай, давай без этого! Подписывай и иди отсюда.

— Пусть лучше он уходит! — Вика бросилась к Стасу чуть ли не на коленях.

— С чего бы?! — возмутился Женя, меняя цвет с пунцового на белый.

— Ты через день новую работу найдёшь! — крикнула в ответ Вика, роняя слёзы на линолеум, — Стас...

— Блять, подписывай и уёбывай! — прошипел ей Стас, схватив Вику за локоть, — Иначе я сейчас это видео в общий чат отправлю!

Вика поникла.

— К тебе это тоже относится, пубертендер! Занесёшь заявления мне на стол. И тихо тут! Устроите скандал — видео в чат.

Пока Вика читала заявление и пыталась не разреветься, Стас на всякий случай проверил окно — закрыто наглухо, ручка отвинчена. Паранойя, конечно, но смертей на сегодня было достаточно. Идя по коридору, Стас загонял совесть куда подальше. Пора учиться принимать жёсткие решения, иначе он никогда не станет кем-то действительно значимым. Никаких сомнений. Как в танках — зарядил, навёл, выстрелил. И пусть поле боя затягивает дыром. Его это волновать не должно.

А дыма на поле боя обычно не меньше, чем в курилке на лестнице чёрного хода. Как арендаторам разрешили курить в помещении бизнес-центра, никто из сотрудников не понимал — то ли закон регламентировал внутренние места для курения, то ли арендодатели вовремя заносили конверты в пожарную инспекцию. Лестница вилась змейкой от этажа к этажу, а посреди неё спускался решётчатый столб вентиляции. Увы, до первого этажа тяга не доставала и Алиса сидела в тумане рядом с молодым автоматизатором Виталиком, который тянул вейп и тихонько приговаривал:

— Приколи, Женёк пришёл весь красный, с расцарапанной щекой, схватил джинсовку и вышел. А в ведро кинул бумажку какую-то. Ну мы дёрнули её для интереса, а там обходной лист.

— Ну вы и падальщики! — морщилась Алиса.

— Да там ведро для бумаг. Пустое, к тому же. Ну, он не попрощался даже, пиццу не купил, анонс не сделал. Не по-человечески как-то.

Алиса написала Жене два сообщения, но он ей не ответил. На следующее утро Алиса хотела позвать Вику на обед, но обнаружила, что рядом с её именем в слаке светится треугольник («Аккаунт деактивирован»). Чуть позже в общий канал #educatee-general пришло два сообщения:

«Ребята, офис-менеджер Вика покинула компанию по собственному желанию. Она просила не раскрывать причин. Ей было очень приятно работать с вами, мы же со своей стороны пожелали ей успехов на новом месте и дальнейшего развития».

«@channel Attention! Сегодня в 15:00 директор холдинга Кирилл Абрамов собираёт всех в толк-руме для важного объявления. Явка обязательна! Серьёзно, ребята, должны быть все без исключений».

Пропажа Жени с Викой выглядела подозрительно. Алиса собиралась дозвониться до офис-менеджерки и встретиться где-нибудь вне работы, но «важное объявление» разрушило все планы. В 15:02 в дверях набитого людьми толк-рума появился Кирилл Абрамов.

— Вот бы в 2020-м подражать Стиву Джобсу. — шепнул Алисе тестировщик Виталик, комментируя внешний вид Абрамова.

Алиса улыбнулась из вежливости и постаралась пару секунд не дышать. О чистке зубов после еды Виталик, видимо, не слышал.

Абрамов встал на излюбленном месте Антона, чуть сбоку от стола. Интересно, в холдинге их специально учат занимать нужную позицию? Или они просто друг другу подражают?

В отличие от Антона, Абрамов не жестикулировал. Он опёрся задницеей о стол и сунул руки в карманы. Сотрудники притихли. Абрамов слегка сутулился.

— Здравствуйте. Я Кирилл Абрамов, директор по продуктам «Eternum»'а. Мы с вами незнакомы — и, наверное, познакомились бы ещё нескоро, но сегодня мне пришлось приехать к вам с грустной новостью.

Сотрудники напряжённо смотрели на Абрамова.

— Похоже, сократят нас. — шепнул Виталик Алисе.

Пока Абрамов тянул паузу, Алиса успела подумать, что сокращение её не затронет. Переведут в холдинг — и всё. Пусть даже без повышения зп.

Но речь шла не о сокращении. Стас сидел в первом ряду и внимательно следил за тем, как опытный руководитель ведёт себя в сложных ситуациях. Абрамов его впечатлил. Он не напустил на себя траурный вид, хоть и пришёл в чёрной водолазке, он не пытался расположить к себе людей деланным состраданием. Он вёл себя естественно — и эта искренность подкупала.

Абрамов вздохнул и произнёс, не меняя тембра:

— Четыре дня назад в Коммунаре-на-Волге скончался ваш директор Антон Приморский.

Абрамов замолчал. Каждая секунда множила вес произнесённой фразы. Сотрудники не шевелились. Абрамов мастерски почувствовал момент, когда новость начала давить на аудиторию слишком сильно, и продолжил:

— Антон умер от разрыва аневризмы головного мозга. Прозвучит избито, но его смерть стала для нас невосполнимой потерей. Признаюсь честно, мы до сих пор не решили, как организуем прощание. Ситуация просто не укладывается в голове.

«Не решили они, конечно» — думал Стас, рассматривая туфли «Fred Perry» на ногах у Абрамова, — «Безносюк давно уже всё продумал на три шага вперёд. У него и на сороковины план готов».

— Похороны состоятся на следующей неделе. Антона похоронят на родине, в Коммунаре-на-Волге. О поминках, мероприятиях, о том, как «Educatee» будет жить дальше — давайте потом. Сейчас не до этого. Для вопросов тоже неподходящее время. До свидания.

Абрамов вышел, не оборачиваясь. Люди продолжали сидеть. Стас поднялся со стула первым, окинув взглядом сотрудников.

— Ребят, идите по домам. Сегодня уже не до работы.

Алиса дёрнулась с места, не зная, куда деть ставшее непослушным тело. На миг в голове даже промелькнуло: боже, как странно, смерть посетила толк-рум, а всё, что она чувствует — растерянность? Неловкость? Люди толпились у выхода и не могли выдавить слов, виновато смотрели друг на друга. Виталик пропустил Алису вперёд.

— Да уж, пиздец, — говорил один фронтендер другому в коридоре, — Даже...

Алиса не рассыпалась фразу до конца, убежала в кабинет. Она села и попыталась спрятаться за монитор, но он был слишком маленьким. Алиса передвинула блокнот с одного края на другой, бесцельно порылась в сумке. В кабинет зашли ребята, бэкендер

Глеб шумно выдохнул. Алиса замерла, ожидая, что же случится дальше.

- Блин. Вот бывает же.
- Да уж.
- Жизнь непредсказуема.
- Неплохой директор был...

Алиса схватила сумку и, не прощаясь, выскочила из офиса.

Казалось, даже дом не принял её так рано. Алиса редко возвращалась в комнату раньше девяти вечера и не знала, чем занять себя в непривычно светлом помещении. Впервые столкнувшись со смертью руководителя, её мозг одновременно отторгал мысли об Антоне и не желал думать ни о чём другом. Алиса включила второй сезон «Конца ***ного мира», но не смогла сосредоточиться на сюжете. Дочитывать «Рассказы» Мещаниновой в таком состоянии не хотелось. В конце концов, Алиса села за ноут и отыскала фейсбук Антона. Он почти не вёл свой профиль, лишь обновил аватарку два года назад. На фотографии Антон улыбался, скрестив руки на груди.

В описании профиля Алиса отыскала ссылку на инстаграм, который Антон вёл не в пример активнее фейсбука. Он выкладывал селфи из путешествий и ресторанов. Везде — прилично одетый, чинный, в окружении красивых интерьеров. В описании профиля Антон отмечал посещённые страны флагами-эмодзи. Алиса терпеливо пересчитала. Двадцать три страны. Неплохо.

Она промотала туда-сюда ленту и не заметила ни одной фотографии из «Хроник». В барах Антон не фотографировался. Навер-

ное, потому что некому было его фотографировать. Наверное, потому что он ходил в «Хроники» абсолютно один.

Алиса не могла уснуть до поздней ночи, всё думала: неужели это улыбающееся лицо, волнистые волосы, тщательно выбритые щёки уже не существуют? Человек, который ходил по коридорам, разговаривал с командой, жал другим мужчинам руки, больше не живёт и буквально через несколько месяцев его тело истлеет, а через год «Educatee» привыкнет к новому директору и забудет про Антона, через два с половиной команда сменится, а через пять в офисе не останется ни одного человека, кто работал бы под его началом — и Антона забудут окончательно. Наверняка, большинство её коллег уже спят крепким сном, их волнует не смерть Антона, а треснувший подшипник в автомобиле или нерадивая управляющая компания в жилищном комплексе. Им плевать, им уже плевать. Они спят. Они его не знали.

Алиса была права. Большинство сотрудников «Educatee» либо заснули, либо пялились в мониторы, доделывали ночью собственные проекты или подрабатывали на фрилансе. Об Антоне думал только Стас. Он сидел в гостиной с бутылкой Red Label, с облегчением выпятив живот, который весь день втягивал перед молодыми подчинёнными. Он отхлёбывал виски прямо из горла и морщился, потому что в фильмах подобный способ питья выглядел брутально, а в жизни ему вообще не нравился виски — горькое говно, ничуть не лучше нашей водки. Но другого алкоголя в доме не осталось и Стас довольствовался тем, что есть. Жена и дети спали, Стасу было приказано не шуметь, поэтому он не шевелился. Стас рос неуклюжим ребёнком, постоянно задевал окружающие его предметы,ронял их, крушил, разбивал посуду, за что неоднократно стоял в углу или получал подзатыльники. Он вырос, ничего не изменилось — более того, он с ужасом замечал в старшем сыне собственную неуклюжесть. Однако, вместе с ужасом Стас чувствовал и какую-то изощрённую гордость за потомка, ду-

шевную теплоту. Значит, Ваня растёт в него. Хорошо, что не в деда.

Гордость и теплота быстро сменялись страхом. Ваня растёт, но когда он закончит свой путь? Антон не собирался умирать в тридцать два года. Что Стас, как отец, мог поделать в такой ситуации? Хорошо, сейчас Ваня маленький, его можно направлять в правильное русло, но как Стас будет влиять на него в семнадцать, двадцать, двадцать пять лет? Сможет ли он вовремя дать ему мудрый совет, уберечь от опасности?

Стас думал не о разрыве аневризмы. Разрыв аневризмы — неизбежная судьба, уготованная человеку богом. Но не в тридцать два года! Стас не был уверен, что Антон действительно «скоропостижно скончался». Холдинг вполне мог выдумать эту версию и озвучить её сотрудникам через Кирилла Абрамова.

Антон периодически звонил Стасу по зуму. Они обсуждали продуктовые планы и Антон, как показалось Стасу, понемногу учил его управлять коллективом. Стас вежливо интересовался, как продвигаются дела с тендером и Антон отчего-то откровенничал. Он рассказывал Стасу, что «Educatee» вряд ли победит ФСУОС даже при содействии холдинга, потому что ФСУОС — чиновничья система, за которой стоят серьёзные дяди. Антон сетовал Стасу, что в министерстве на него смотрят как на столичного дурачка. «Петербург, вообще-то, провинция» — комментировал Стас и Антон усмехался. «Тут это никого не волнует».

Стас поднялся с дивана и стукнул донышком бутылки о журнальный столик (чёрт!), прислушался. Жена и дети не проснулись. Шатаясь, он отодвинул штору и посмотрел на город. Стас жил на двадцатом этаже, в двухкомнатной квартире на Ленинском проспекте, из его окна виднелась площадь Конституции и башня Ленэнерго. Огромный экран на фасаде башни переливался синими всполохами ночной заставки. Периодически её сменяла реклама.

Из-за прогоревших пикселей Стас не мог разобрать некоторых слов.

«Интересно» — подумал он, — «Душа Антона видит наш мир с такого же ракурса?»

В этот момент Алиса тоже видела башню — правда, самый её кончик, издалека, с девятого этажа панельки на улице Типанова. В жизнь после смерти Алиса не верила и сходилась со Стасом лишь в том, что смерть Антона крайне подозрительна. В искренность руководства она не верила ещё больше, потому что холдинг «Eternum» с его директорами, собраниями, метриками и саморазвитием ничем не отличался от большинства корпораций, которые давно уже слились для Алисы в огромного паука. Одна лапка извlekала прибыль из цифровых данных, вторая проросла в благотворительные фонды и культурные проекты, третья полоскала ворсинками кровавую лужу в арабском регионе, а четвёртая, пятая... Глаза паука высматривали уголки планеты, ещё не покрытые рынком, интернетом, прибылью, а хвостик (пусть у обычных пауков и не бывает хвоста) торчал к небу мерцающей башней Лэнэнерго с остатками крупных, небитых ещё природой и ветром пикселей.

Глава 8

Прозвучит странно, но Антона давно уже восхищал кирпич. Рядовой и лицевой, фасонный и лекальный, голландский, огнеупорный, клинкерный — каждый из них отличался друг от друга, каждый формировал неповторимый облик здания, района или целого города. Можно было усреднить оттенок фасада, используя экземпляры из разных партий, можно было нанести поверх керамическое покрытие или глазурь, а затем наблюдать, как на стенах проступает вечность. Кирпич темнел или выгорал, трескался или царапался, а построенный из него дом принимал естественный облик, как и всякая вещь, на которой остаются пометки эпохи, следы человеческих жизней.

Антон с детства запомнил коммунарский керамический кирпич. Подогнанный под стандарты, скучно-оранжевый после обжигания, его выпускали на местном заводе миллионами экземпляров. Но коттедж, построенный в самой сердцевине посёлка похитителей, проектировали то ли иногородние архитекторы, то ли скептики меркантилизма. Фасад выложили польскими клинкерами бургундского оттенка, узкими и блестящими, будто выкрашенными поверх краской. На фоне густого ельника и тёмно-синей кровли здание выглядело инородным, инопланетным Коммунару, но лес прикрывал его от проезжающих по мосту автомобилей и коммунарцы даже при всём желании не могли позавидовать прогрессивной архитектуре, недоступной простому смертному.

Внутренний интерьер держал марку — на входе стоял минималистичный ресепшен из баварского букса, а вход преграждал тонкий (пожалуй, даже слишком тонкий)турникет. Правда, за стойкой

сидел обычного вида дед, в жилетке и очках с толстыми стёклами. Сергей окликнул деда:

— Андрей Васильич, пусти! Свеженького на занятия привёл.

Дед нажал на кнопку. Антон хотел было толкнуть перекладину турникета, но дед его предостерёг:

— Не торопитесь!

— Стою.

— Он не сразу срабатывает. — пояснил дед.

— Нам торопиться некуда. — ухмыльнулся Сергей.

Дизайнеры зарифмовали фасад с интерьером — выложили стены плиткой под кирпич и сбалансирували тон белой затиркой. В коридоре вереницей тянулись овальные портреты незнакомых Антону людей, чаще всего пожилых, но не откровенно старых, сохранивших в выражениях лиц бодрость духа и цепкость взгляда.

— Это кто? — спросил Антон.

— Что-то вроде предыдущих руководителей.

— Руководителей чего?

Сергей махнул рукой. Потом, мол, узнаешь.

В комнате, куда его привёл Сергей, на тщательно отциклёванном паркете были разбросаны кресла-груши. На стене висела плазма. Валентиныч, какой-то мужик и женщина в чёрном платье переговаривались у кафедры, кроме них, на пуфиках сидели два парня и одна девушка, все трое — с мешками под глазами, слегка отёкши-

ми лицами и в измятой одежде. Казалось, будто они работали весь месяц и хронически недосыпали, ну или только-только приехали с музыкального фестиваля, где пили без остановки и танцевали ночи напролёт. Заслышав шаги по паркету, Валентинич обернулся:

— О, а вот и они! Здравствуй, Антон. Проходи, занимай свободное место.

Антон неохотно кивнул старику и плохнулся на пухик.

— Ладно, потом... — шепнул Валентинич мужику, после чего окончательно повернулся к сидящим.

— Приветствую всех на нашем онбординге! Каждый из вас уже немного в курсе, но давайте я проговорю: вы мертвые, это не хорошо и не плохо, так случается, все там будем, двум смертям не бывать и так далее. В отличие от большинства смертных вас не отправили дальше, вы задержались на земле в... Я бы так сказал, полуживом состоянии. Оратор из меня не очень искусный, поэтому я не буду долго вас мучить. Подробнее о нюансах и дальнейших планах расскажет ваша основная преподавательница. Для этого я, собственно, и взял слово. Прошу — Юлия Владимировна.

Валентинич уступил место женщине. Юлия Владимировна схватила с кафедры пульт от Apple TV и приблизилась к новичкам. Антон тут же оценил смоки-айс макияж и пухлые губы — скорее всего, накаченные, но накаченные весьма натурально.

Юлия не стала приветствовать аудиторию, она молча щёлкнула пультом от Apple TV. На экране появилась презентация с уклоном в брутализм: крупный брусковый шрифт соседствовал на ней с контурными геометрическими фигурами.

— Вряд ли вы знаете, но каждый день в Коммунаре-на-Волге умирает в среднем 78 человек. Что происходит дальше, не секрет: похоронные агентства колотят капиталы, а безутешные родственники носятся по инстанциям, отпевают покойника, закапывают, затем глотают слёзы, глотают водку, ждут полгода, оформляют свидетельства о праве на наследство по завещанию... Скукота. Однако, небольшой процент умерших получают уведомление. Таких людей мы называем *наблюдателями* — и с сегодняшнего дня вы становитесь частью нашего коммунарского департамента.

Юлия Владимировна переключила слайд.

— Чаще всего новички задают нам два вопроса. Первый: «Кто такие наблюдатели, для чего они нужны?». В сухом остатке, вы такие же мёртвые, как и те, кого закапывают на кладбищах. Исключение одно — вы всё ещё присутствуете в мире живых, правда, весьма опосредованно. Наблюдатели следят за тем, чтобы живые не вмешивались в запланированный ход событий. Легче всего объяснить вашу задачу на примерах. Допустим, один коммерсант решает убить конкурента, но конкуренту умирать пока рановато, он ещё должен пожить, сделать что-нибудь полезное. Наша задача — не дать коммерсанту воплотить свой план в жизнь. Для таких случаев нам нужны помощники в мире живых. Эти помощники — вы, наблюдатели.

Юлия Владимировна пересекла комнату и встала за кафедру.

— Как мы отбираем новичков? По нескольким критериям. Во-первых, все вы относительно молодые. Стариков мы обычно не берём. Они и при жизни-то не очень эффективны, а уж после смерти совсем начинают разваливаться. В основном мы отбираем одиноких молодых, тех, у кого нет родственников или отношения с ними оставляют желать лучшего. Одинокая жизнь вам всё равно бы не понравилась, чем дальше, тем хуже. Многие из вас уже выпивали, употребляли наркотики, впадали в депрессию и нажи-

вали неврозы, вас грызли сомнения и чувство собственной ущербности.

Антон посмотрел на спины сидящих перед ним наблюдателей. Некоторые напряглись. Парень с первого ряда вытянул руку.

— Да, слушаю.

— Но мы же могли ещё принести пользу, чего-то добиться! Почекумы вы забрали меня, а не какого-нибудь забулдыгу?

— Вас же Александр зовут, верно?

Парень кивнул.

— Свадебных фотографов много, Александр. Клиенты уже нашли вам замену. Пострадала только одна пара, потому что вы умерли за два часа до их регистрации. Вы преувеличиваете собственную значимость.

Валентинич кашлянул.

— Впрочем, не будем переходить на личности. Раз вы здесь, значит, вы подходите по всем критериям. Отмечу лишь, что вы, в отличие от упомянутых выше забулдыг, люди неглупые, способные анализировать ситуацию и принимать решения. Спасибо, Александр, что задали второй вопрос раньше, чем я озвучила его самостоятельно. Перейдём к правовой части.

Юлия Владимировна отпила водичку из стакана и со стуком поставила его обратно.

— У наблюдателей, как у и живых, существуют обязанности. У вас их всего две. Первая — беспрекословно выполнять задания. Ни в коем случае не отступайте от заявленного плана! Если вам сказа-

ли «найти и доставить», находите и доставляете. Надо ударить по голове и бросить под мост — бьёте и бросаете. Первое время вам будет трудно, некоторые ситуации покажутся вам несправедливыми, диковатыми, откровенно жуткими. Не переживайте, мы не зря называемся наблюдателями. Пока что вами управляют страсти, но со временем вы научитесь относиться ко всему с позиции отстранённой от жизни личности, не судить и не оценивать, одним словом — наблюдать. Впрочем, произойдёт это не сразу.

Девушка-новичок таращила на Юлию Владимировну глаза и не моргала.

— Вторая обязанность вытекает из первой. Ни в коем случае не взаимодействуйте с миром живых! Не пугайте их, не тешьте уга-сающую в себе эмпатию, она лишь замедлит вашу трансформа-цию и вы натворите глупостей. Помните — мы дали вам шанс остаться на земле подольше, понаблюдать за жизнью, побывать хоть и отдалённой, но всё же её частью. Можете отслеживать новости, ползать по интернету, читать новые книги, смотреть сериа-лы — пожалуйста, в комнатах стоят компьютеры. Правда, вы не можете ничего публиковать в Сети. Так же вы не можете общать-ся между собой. Раньше мы разрешали новичкам собираться, де-литься новостями, гулять, но некоторые отступники подговарива-ли коллег к побегу, один раз даже пытались устроить забастовку. В общем, знайте: если вы нарушите правила, мы вас *растворим*.

Юлия выключила приставку.

— Если переводить на язык живых, мы лишим вас статуса наблю-дателя и переведём из полумёртвого состояния в полностью мёртвое. Ваше тело отправится в могилу, а сознание... Что будет с вами дальше, я сказать не могу. Могу лишь гарантировать, что ничего мирского на следующем этапе вы не встретите.

В комнате повисло молчание. Юлия отошла от кафедры к стене.

— Справедливости ради, стоит отметить, что так жёстко мы поступаем только с нарушителями. — успокоил новичков Валентыч,

— В случае чёткого выполнения заданий вы обретаете множество преимуществ. Например, вам теперь не нужно есть и постоянно ходить в туалет, ваш разум очищен от животных инстинктов, которые вами манипулировали, соответственно, вы можете адекватнее оценивать происходящее. Пользуйтесь этим! Пересмотрите любимые фильмы, разочаруйтесь в тех, что вызывали у вас только эмоции. Перечитайте классику. Уверен, многих деталей вы не замечали. Можете даже сами что-то создать! Правда, помните, что результаты мы подарим живым. Скоро внутри вас не останется честолюбия, так что обидно не будет.

Валентыч подошёл к окну и задёрнул штору.

— Извините, что-то многовато света, глаза режет. Кстати, стоит поговорить и о трудностях вашего полумёртвого состояния. Вас часто будет клонить в сон, иногда вы будете теряться в безвременье. Жизнь потихоньку уходит, её сменяют фантазии и грёзы. В такие дни мы оставляем вас в комнате, наслаждайтесь, это приятное чувство. Но иногда по старой памяти жизнь может проступать. Например, захочется поесть или возникнет сексуальное желание. Давить такие позывы не обязательно, можно их удовлетворять. С едой, думаю, разберётесь сами, с сексуальными желаниями можем помочь, свозить куда надо. Друг с другом вы вряд ли сможете... Я ещё не встречал случая, когда двум наблюдателям захотелось бы секса одновременно.

Валентыч поморщился.

— В общем, если возникнут вопросы, то обращайтесь ко мне напрямую или спрашивайте кураторов. В ближайшие пару недель вы проведёте с ними очень много времени.

Валентинич хлопнул себя по карманам. Парень-фотограф дёрнулся и подскочил, Валентинич засмеялся.

— Вздоритесь. Сейчас за вами зайдут кураторы и вы отправитесь на первое задание. Кураторы расскажут подробности, ну и заодно напоят вас кофе. Не забывайте ни на минуту, что вы теперь наблю-да-те-ли. Учитесь жить отстранённо.

Новички поднялись с пуфиков. Проходя мимо, Валентинич бросил Антону:

— Твой куратор Сергей, но он немного опаздывает, будет где-то через пару часов. Отдыхай пока.

Антон снова кивнул, не в силах разлепить рта.

Антон бережно хранил в себе немногословность, боясь услышать собственный голос и различить в нём неизбежные нотки сумасшествия. Вместо этого он вслушивался в стук каблуков по паркету, в едва различимый скрип дверей, в шорох дорожного гравия. Антон не захотел лезть в интернет, помня о вездесущем здесь файерволе, вместо этого он включил TV-приставку и бездумно переключал каналы, представляя себя толстым мужиком на засаленном диване. Но, в отличие от всезнающего пузатого критика, Антон не мог вызвать в себе сильных эмоций, так как ничего действительно интересного в мире не происходило. Жители Латинской Америки выходили на площади, в Гонконге не утихала вторая волна протестов, русским в очередной раз внушали, что они ставят галочку за действующую власть осознанно и добровольно.

Наблюдатели с кураторами уехали на задания. Глубоко вдыхая смоляной воздух, Антон пробрался на лавку в углу территории и сидел, не шевелясь, разглядывал участки забора. Антон понимал, что перевалиться на ту сторону возможно только после двух-трёх попыток и сделать это удастся разве что ночью. Интуиция подсказывала Антону, что с забором не всё так просто, наверняка к нему подключили электричество или же по углам висят камеры наблюдения. Легко убежать не получится, иначе сбегал бы каждый второй. Нужно быть либо супер-быстрым, либо хитрым, но схитрить Антон не мог, он плохо знал территорию и схему охраны. В очередной раз Антон пожалел, что не учил в рабочее время языки программирования. Сейчас бы сел за комп, ломанул вай-фай, получил доступ к камерам и отключил бы их. Или отвернул объективы в другую сторону.

Под ногами у кого-то затрещали острые камушки. Антон обернулся. Женская фигура. Юлия Владимировна.

Антон сделал вид, что наслаждается погодой. Юлия Владимировна присела рядом.

— Добрый вечер. — поздоровался Антон.

— Добрый.

Юлия Владимировна достала из кармана портсигар и закурила сигариллу. Антон испытал за неё стыд — боже, сигарилла, как пошло! Кураторша походила на героиню каких-нибудь «Сумерек», не хватало, разве что, накладных клыков.

— Сбежать хочешь.

Юлия Владимировна не спрашивала. Она утверждала.

— За деревом камера. Сидишь тут, головой крутишь.

Антон смотрел прямо перед собой.

— Два месяца назад ты ехал из Автово на Техноложку, копался в смартфоне и периодически оценивающее на меня поглядывал.

— Все так делают.

— Да, бесспорно. А потом ты подрошил в ванной, вспоминая мои ноги.

Антону сглотнул ком в горле. Он прекрасно помнил, как ехал из Автово на Техноложку. И как поглядывал на обтянутые чулками ноги сидящей напротив женщины, тоже помнил. И про ванную она знает...

— Прав Валентинич, ты действительно Фома неверующий. Иди лучше в комнату. Тебя Сергей ждёт.

Антон не нашёлся что ответить. Он поплёлся в домик, ругая себя за наивность и рухнувшее на него сумасшествие, за реалистичность галлюцинаций и невозможность их преодолеть. Очередной мираж по имени Сергей сидел в келье на смятой постели и рассматривал деревянные доски на полу.

— Дверь прикрой! — бросил он Антону, как только тот зашёл в комнату.

Антон закрыл за собой дверь.

— Я так понимаю, проблем с тобой будет дохера?

— Ты всё равно не существуешь. — поморщившись, ответил Антон.

— Ты явно бракованный. Я бы тебя растворил, но Валентиныч верит в твой потенциал. Поэтому для профилактики ты лишаешься свободного времени на три дня.

Антон ухмыльнулся. Интересно, откуда вылезла эта фраза? Воспоминания из детского лагеря, что ли?

Сергей схватил с постели перчатки.

— Пошли.

Антон застыл на месте, ожидая, что тотальный игнор миража вернёт ему контроль над ситуацией.

— Ну?

Антон смотрел в стену.

— Идиот упрётый.

...

— Мне Володю позвать?

Надо же, угрожает.

— Ладно.

Сергей скрылся в коридоре. Улыбаясь, Антон потянулся к дверной ручке и стал прикрывать дверь. Когда язычок замка коснулся запорной планки, дверь резко отлетела обратно и ударила Антона по надбровной дуге. Антон отпрянул. В комнату ввалился Володя

и тут же пробил Антону в челюсть. Антон упал на стол и опрокинул тандерболт себе на лицо.

— Эй-эй, боксёр херов, потише! — крикнул Сергей Володе.

— Щас он у меня во всё поверит!

Челюсть онемела, во рту появился металлический привкус крови. Из носа потекло.

— Отрубить его? — спросил Володя у Сергея.

— Валентиныч сказал, на задание взять.

Володя кивнул и схватил Антона за волосы.

— Ладно-ладно, я сам. — прогундосил Антон.

Не отпуская волос, Володя обернулся на Сергея.

— Оставь...

Всю дорогу до машины Антон смотрел вверх — сначала на потолок, затем на усеянное звёздочками небо, пытаясь остановить кровь. В девятке Сергей достал из бардачка аптечку и протянул Антону скрученную в трубочку ватку. Антон разделил её на две части и сунул в ноздри. Дышать пришлось ртом.

Антон глубоко вдыхал, но лёгкие тут же отторгали воздух. Чёрная девятка жужжала к окраине, Сергей бил по тормозам на красном и рвал вперёд на зелёном. Вскоре город закончился, девятка выехала на разбитую трассу и поскакала вперёд. Равнина то и дело сменялась холмами, на спуске с которых у Антона прихватывало дух. Минут через десять после того, как они миновали пост ДПС,

девятка несколько раз чихнула и дёрнулась. Сергей тут же припарковался у обочины и заглушил мотор.

— Почему мы остановились?

— А у неё вот спроси, почему! — раздражённо бросил Сергей, — Рухлядь потому что, вот почему.

Антон отстегнул ремень безопасности. Сергей повернулся к нему с перекошенным от раздражения лицом.

— Слушай, а у тебя реально вчерашнее вопросов не вызывает? Ты настолько на себе зациклен?

Антон растерялся.

— Вызывает. Но тут как-то закрутилось...

— «Закрутилось!» — передразнил его Сергей, — Вот если б перед заданием не нужна была вводная, хер бы я тебе чё рассказал.

Сергей уставился на трассу и продолжил.

— Вчера мы сидели на закрытом контен... контем... На закрытом спектакле для местной элиты, короче. Они собираются раз в месяц в секретном зале. Так как встречи анонимные, все ходят в масках. На спектакле присутствовал заместитель мэра Дикмаров, он сидел ровно перед тобой. Спектакль — пародия на его биографию. Недавно жена Дикмарова потребовала развод и собиралась забрать себе большую часть записанных на неё активов. Прошло пару месяцев, жену застрелили и увезли в лес, официально так и не нашли. Дикмаров ещё в середине спектакля догадался, кого пародирует главный герой, но уходить не стал, побоялся, что уход посчитают за слабость. Один из актёров — киллер, он хлопнул чинушу, но СМИ до сих пор молчат. Дикмаров персона непублич-

ная, да и другие посетители трепаться не станут. Хотя элиты два дня уже в шоке, не знают, что сказать журналистам и как объясняться с центром, если разгорится скандал. 2019-й год, правую руку мэра у всех на глазах убивает актёр! Конец всему, достанется и начальству, и силовикам.

— Жесть какая-то.

— Ну, это не наш головняк.

Сергей прокашлялся.

— Наша проблема в том, что жену до сих пор не нашли. Мы-то оформили её как наблюдательницу! Такую, недолговечную... Нас просили доставить её к спектаклю, по сценарию она должна была выйти вместе с киллером на сцену. Может, и стрелять бы не пришлось, Дикмаров всё же не титановый, один инфаркт у него уже был. Но жёнушку в этих лесах хрен отыщешь. Рыскали-рыскали... Обычно жертвы лежат там, где их прикопали, а эта какая-то дёрнутая. Её с трудом нашли два молодых наблюдателя, но в смерти не убедили, она от них слиняла в чашу.

— Нам тоже всю ночь по лесу таскаться?

— Пришлось бы, но вчера в одной из деревень заметили женщину в разодранном халате. Нам днём позвонили, доложили, так что сейчас мы едем к стукачихе. Или не едем, хрен его знает...

Наблюдатели выбрались наружу. По правую сторону от автомобиля тянулся лес, туман припушил кроны деревьев, отчего казалось, что перед ними и не лесополоса вовсе, а средневековая стена, собранная из брёвен, веток, комьев земли и прочего подручного хлама. Откуда-то из глубины внутри Антона поднялось древнее чувство мандражка, возникающее незадолго до атаки; будто через считанные секунды ему придётся штурмовать эту крепость

в одиночку, а штурмовать её совершенно не хотелось. Это нежелание рикошетом ухнуло внутрь, Антон сморщился, потёр горло и Сергей тут же заметил перемены:

- Чё такое?
- Тошнит что-то.
- Ну проблюйся.
- Не могу при тебе.
- Надо же, стеснительный какой. Отойди в лесок тогда. Только чтобы я тебя видел.

Антон потопал по слежавшимся ошмёткам снега в сторону чащи. С каждым шагом крепостная стена нависала над ним гигантом-надзирателем, но за несколько шагов до первого дерева распалась на детали, обнажив несметное количество ям, дыр и весенних проплешиń. Антон обнял ближайший ствол и подался вперёд, хотя на самом деле его не тошило, он наврал. Наврал, чтобы уйти.

Итак, где они? Примерно на полпути из Коммунара-на-Волге в Самару. До города часа четыре пешком, в таком состоянии Антон попросту не дойдёт. Может, вырубить Сергея и уехать на машине? Домчаться до города, сдаться ментам, а ещё лучше — сразу рануть в аэропорт, взять билет до Петербурга и вызвать из Пулково такси в офис, пусть положат его по ДМС-у в стационар, прокапают и пролечат. Холдингу же нужны хорошие менеджеры! Ну, всякое бывает, слегка сошёл с ума на малой родине, переработал. Всё-таки, он пахал на общее дело пять лет, что они, уволят его, что ли? Такими специалистами не разбрасываются.

Антон сплюнул в снег, изобразил рвотные позывы. За всё время по трассе не проехало ни одной машины. Даже не поймаешь никого по пути, чтобы докинули до вокзала или аэропорта. Телефона до сих пор не было. Хорошо, допустим, Антон сейчас найдёт какое-нибудь полено, ударит Сергея по голове. Так, и что? Машина вроде бы сломалась. Даже если это капризы «девятки», коробка у неё ручная, а водить Антон не умеет. С автоматом, быть может, Антон бы и справился — друзья говорили, что вождение на автомате похоже на игру в «Need for Speed»: садишься за руль, крутишь его в разные стороны и жмёшь на педали. А вот ручная коробка требует навыка.

Не разгибаясь, Антон обернулся. Сергей разглядывал внутренности «девятки» под капотом. Антон зашёл на пару шагов в чащу и пошарил руками в остатках снега. Буквально через минуту он наткнулся на сырое поленце, поднял его и рассмотрел вблизи.

Нормальное полено. Раз уж он сумасшедший, то срок могут и скости. Сейчас Антон ударит Сергея этим поленом по виску. Скорее всего, Сергей не умрёт с первого удара, но Антон отдубасит его поленом так, что мать родная не узнает, после чего утащит тело в канаву, запихнёт его в тающий снег, но прежде достанет из кожанки Сергея мобильник. В инете по-любому есть гайды, как переключать ручную коробку, даже если не получится, у него часов пять до рассвета, поедет на какой там... На первой, допустим, передаче, поэкспериментирует, а остановят гайцы — тем же лучше, сдастся им и попросит отвезти его в психушку. В крайнем случае, пойдёт пешком. До поста ДПС за полтора-два часа он точно доберётся.

Антон очистил конец полена от размякшей коры и тщательно отёр его рукавом, чтобы оно не выскользнуло после первого удара. Останавливаться нельзя ни в коем случае, нужно включить режим берсерка. Пусть визжит, пусть орёт — Антон будет как Винсент из «Криминального чтива», что выстрелил в голову парниш-

ке на заднем сиденье тачки. Только Винсент случайно, а Антон специально. По-коммунарски так, в стиле девяностых.

«На трассе Самара—Казань сошедший с ума ИТ-менеджер убил попутчика бревном». Заголовок что надо.

Антон сунул полено за пазуху и побрёл к автомобилю в обход — так, чтобы Сергей не слышал чавканье грязи. Куратор подкручивал что-то под капотом, перегнувшись через бампер, Антон подкрался к нему со спины и понял, что ударить по виску не получится. Разве что, по затылку.

Антон перехватил полено поудобнее и прицелился. Ударить нужно было резко и сильно, поэтому Антон отклонился всем телом и что есть мочи направил полено в голову Сергею, но в этот момент куратор услышал шорох за спиной и повернул голову. Полено царапнуло ему висок и бухнулось о внутренности капота, Сергей молниеносно развернулся, Антон, боясь, что теперь ему точно конец, начал молотить Сергея поленом по лицу, но Сергей без особых проблем выбил орудие из рук Антона.

— Не дури! — заорал Сергей, вытащил нож и воткнул его Антону в ногу по самую рукоять.

Антон заорал от страха. Сергей ударил его по лбу раскрытой ладонью.

— Чё, понравилось, баран?! А так не хочешь?

Он выдернул нож из ноги и пырнул Антона под рёбра. Антон заизжал и посеменил в сторону леса, но Сергей схватил его за шкирку и ткнул ногой в коленный сгиб. Антон рухнул на асфальт.

— Сейчас глаз тебе выколю, падла программистская!

— Я менеджер! — орал Антон.

— Хуенеджер! Заткнись и успокойся!

Спустя двадцать минут девятка как ни в чём не бывало колесила по трассе, лишь изредка почихивая на подъёмах.

— Идиот, как ты мёртвого убьёшь! — раздражался Сергей, впившись в руль обеими руками.

После драки он отволок раненого Антона в машину и пристегнул ему руку фиксатором к потолочной ручке. Антон чуть не упал в обморок от вида ножа, вонзённого ему под рёбра. Сергей без особых сантиментов выдернул нож, достал аптечку, обработал края ран перекисью и вскоре заштопал их медицинской нитью. Ни обильного кровотечения, ни болевого шока Антон не испытал, Сергею при этом досталось не меньше — поленом Антон содрал ему с виска шмат кожи. Сергей попытался прилепить кожу обратно, но в итоге заклеил рану большим пластырем телесного цвета.

— Ты знаешь, свежачок, что со временем у наблюдателей кожа становится тонкой, высыхает, ткани отмирают? Ты вот сделал меня поленом, а Валентиныч теперь отправит меня к бальзаматору. Перед каждым выездом придётся накладывать грим, чтобы я на живого был похож.

Антон стыдливо молчал.

— Ты же не умеешь водить! Как ты вообще собирался до города ехать?!

— На первой передаче, как... — хмуро отвечал Антон.

— Блять, даже после смерти не отдохнёшь. Умер — так нет, сразу дали какого-то маньяка в помощники. Ещё и тупой. Тачка барах-

лит! У меня водительский стаж двадцать пять лет, так я с ней чуть ли не ежедневно мучаюсь, а он за рулём ни разу не сидел и собрался по трассе ехать!

— Ты точно хорошо зашил раны?

— Идиот ты, Антоша. Шью я хреново, мёртвую ткань от живой не отличаю. Да и риск тяжёлого сепсиса, опять же... Но у тебя все ткани мёртвые, тебе уже похрен, до завтра потерпишь. Валентиныч тебе ещё и добавит.

Совсем скоро трасса сменилась просёлочной дорогой, петлявшей промеж пустующих полей. Деревню накрыло мраком, ровным рядом вдоль улицы стояли пятнадцать-двадцать домиков, добрая половина — с высаженными окнами. Крыши обвалились, местный клуб разобрали до фундамента (то ли растащили по участкам, то ли очистили кирпичи от засохшего цемента и продали кому-нибудь по дешёвке). Сергей доехал до конца линии, припарковал машину и разрезал фиксатор, державший кисть Антона у потолочной ручки.

— Пошли. Последний шанс тебе даю на исправление. Иначе вырублю, будешь лежать связанный в багажнике.

Сергей подтянулся на заборе почерневшего домика, схватил по ту сторону какую-то палку и отворил ей засов калитки. В центре двора стояла старая колода, вокруг неё, словно бездомные у кущего очага, прижимались друг к другу стенками три горбатых избушки. Сергей постучался в среднюю, в сенях зажглась лампочка и через дверь, как сквозь вату, донеслось «Кто?!».

— Открывай, Людмила! От Валентиныча.

Людмила что-то буркнула и приоткрыла дверь, не снимая цепочки.

— Открывай давай! У нас удостоверений нет, я тебе документ никакой не покажу.

— За дедом пришли? — спросила бабка сквозь дверную щель.

— Не за дедом. Рассказывай, где клиентка наша?

— Ну ладноть... — буркнула бабка, грохнула цепью и появилась в проёме.

«Мерзкая рожа» — подумал Антон и тут же пристыдился, хотя мысль прилетела ему в голову сама собой. Рожа действительно была мерзкой: двойной подбородок бабки украшала бородавка, над губой теснились тёмные усыки, а седые волосы свалялись и оголили старческие проплешины.

— Повтори ещё разок. — потребовал Сергей.

— Бродила тут утром вдоль домов. Грязнющая вся! Зойка с третьего дома ей дала какое-то платьишко, покалякали они с ней немного, Зойка-то и разболтала, что нам Женяка с посёлка продукты возит и берёт, кого надо, в город. Она сразу к клубу и пошла. Зойка обиделась. Ни спасибо, ни до свиданья ей не сказала.

— А чего конкретно спрашивала?

— В город ей надо было. Говорит, срочно. А уж что случилось, знать не знаю.

— Ладно. Понял тебя. Зойка эта спит уже?

— Нет, какое! — бабка махнула рукой, — Она всеми ночами не спит, в телевизор таращится.

— Как у неё отчество?

— Петровна.

— Хорошо. Бывай, Людмила.

Бабка исподлобья посмотрела сначала на Сергея, затем на Антона.

— Деда не заберёте?

— Нет, оставим. Запри калитку.

Бабка, держась трясущейся рукой за угол дома, боком стала спускаться с крыльца.

— Пристёгивать будешь? — язвительно спросил Антон в машине, прижав руку к потолку.

Сергей на провокацию не повёлся. Наблюдатели тронулись в сторону клуба. Антон обернулся. Бабка смотрела им вслед. Заметив Антона, она тут же хлопнула калиткой.

Дом Зои Петровны чем-то напоминал рамку улья, по чёрным брёвнам из окон сочился жёлтый свет. На этот раз Сергей оставил Антона в салоне, мотивировав решение тем, что старуха может испугаться двух незнакомцев. И (надёжности ради) снова достал фиксатор.

— Давай хотя бы не так туго, как в прошлый раз. — попросил Антон.

— Хватит уже! Наигрались в демократию. Тебя слабо пристегнёшь, так ты меня опять поленом приласкаешь. Потерпишь пять минут, не маленький.

К счастью, ждать пришлось и того меньше. Из-за накрывшей деревню темноты рассматривать за окном было абсолютно нечего, а смартфон Антону так и не вернули. Он следил за отблесками оконного света на приборной панели и отсчитывал секунды. На двести третьей Сергей вернулся и довольно хлопнул руками по рулю.

— Короче, она уехала в город вместе с барыгой. Зелёный УАЗик, буханка.

— И чего ты радуешься?

— В городе её пасут на всех точках, где она может появиться. И вообще, город — не лес, там найти человека проще простого. Поехали обратно, будем думать, куда она могла податься.

Лес нависал по обе стороны от лобового стекла и Антон стал клевать носом. Он пытался было сосредоточиться на дороге, следил за мелькающими перед капотом выбоинами или крутил головой по сторонам, различал похожие, но всё же разные носочки, которые мама натянула ему на ноги в спешке утром, опаздывая на работу. В этих носочках он напоминал себе белого кролика из мультфильма и поэтому весело скакал по комнате, а отец ругался, указывая ему толстым, огрубевшим от разводных ключей и напильников пальцем на разбросанные по ковру фигурки солдатиков. Антон не слушался и тогда отец вскочил с дивана — толкнул! — и Антон дёрнулся, открыл глаза. «Блин, какого ещё кролика?» — подумал он, понимая, что провалился в сон, но вынырнул, не дал себе заснуть окончательно.

Сосны покачивались на ветру. Сергей ехал в полной тишине, не включал радио и не разговаривал. Антон отвернулся и стал изучать пятнышко на боковом стекле. Интересно, что это, раздавленная мошка или капля грязи? Почему такая плотная и чёрная? Чем дольше Антон глядел на неё, тем больше она росла и вдруг резко скакнула, закрыла собой весь обзор. Отец схватил его под мышки и бросил на диван с криком «Сейчас ты у меня получишь!». Антон засмеялся, предвкушая возню, но тут же захлебнулся собственным смехом, потому что отец придавил его лицо подушкой к дивану. «Сейчас я... тебя...» — донёсся глухой отцовский голос и Антон не смог вздохнуть, затрепыхался, страх метнулся от пяток прямо в сердечко. Отец давил на подушку всем своим весом, Антон не мог даже дёрнуть головой, просунуть нос в какую-нибудь щёлочку и задышать. Ему очень хотелось кричать и плакать, но он не мог открыть рта, подушка залепила и глаза, и нос. Тогда он дёрнул ногами, что есть мочи дёрнул ими, пытаясь оттолкнуться от несуществующей земли и взлететь, взлететь над отцом, над подушкой, вдохнуть и крикнуть ему «Папа! Папа, ты чего!!!».

И тут давление ослабло, подушка поднялась. Антон жадно вздохнул и хотел разрыдаться, заорать, но воздух обжёг ему лёгкие. Он повернул голову и увидел, что отец сидит в кресле у дивана, смотрит на своё отражение в стенке и тоже дышит — глубоко, медленно, будто выпуская из лёгких пар. Антон свесил ноги с дивана, но не убежал, не стал звать на помощь деда, дремавшего в соседней комнате — хоть и понял сразу же, что они не игрались, что сила, с которой отец вдавливал подушку в диван, была настоящей, взрослой. Антон притих и делал вид, что ничего не произошло, но прыгать и скакать ему больше не хотелось. Он не смотрел на отца, он смотрел в отмытое на выходных окно, за которым виднелся незастеклённый балкон и облупленная панелька напротив. В этот момент воздух разрезал женский визг. Он вихрем ворвался в комнату, подхватил лёгкое тельце Антона с дивана и швырнул в отмытое стекло. Антон без страха пролетел мимо отца, мимо рассы-

панных по ковру пластмассовых рядовых, индейцев и советских партизан. Вихрь шмякнул Антона о стекло и оно хрустнуло. Антон на лету прикрыл голову руками, понимая, что сейчас стекло разлетится на осколки и разрежет ему голову, но окно спружинило и отбросило его обратно на сиденье. Антон открыл глаза. Девятка стояла на обочине. Судя по всему, визжали шины.

— Опять сломались?

Сергей кивнул в сторону обочины. Фары девятки освещали зелёный УАЗик в кювете. Сергей достал телефон и набрал кому-то сообщение.

— Пошли проверим.

«Буханка» смотрела на них окосевшей фарой, правая часть кабину вмялась в толстый дуб. Сергей посветил внутрь. Кабина была забрызгана кровью. В этот момент ему позвонили.

— Слушаю. Ага. Один? А девка? Понял. Наглоухо? Ясно. Ясно. И тебе, ага. Бывай. Судя по всему, это наш коммерс, — обратился он уже к Антону, — Улетел в кювет и разбился наглоухо. Говорят, был один. Значит, клиентка наша либо раньше сошла, либо сбежала. В городе её до сих пор не нашли.

— И чего теперь?

— Поищем для разнообразия. Вдруг сломала себе чего и далеко не учапала.

Птицы в чаще не пели, совсем не шуршала трава, лишь кроны деревьев потрескивали от ветра. Антон смотрел сквозь ветви, но видел только непроглядную чащу. Туман рассеялся и над лесом нависли тучи, накрапывал дождь, вдали ухали совы. Антон держался поближе к Сергею, который издевался над трусостью помощ-

ника и повторял зловещим шёпотом, что два раза Антона не убьют. Через десять минут справа зашуршала трава и Сергей замер. Между стволами деревьев мелькнула белая тряпка, кто-то вскрикнул и затих. Сергей сделал три-четыре шага в сторону, но затем, стряхнув с себя наносную аккуратность, отчеканил:

— Марина! Нашлась что ли?

Ему не ответили. Наблюдатели обогнули куст и увидели овражек. В нём, под торчащими корнями дуба, лежало женское тело.

— Марина. Ты чего там валяешься? Знаем же, что это ты тут бегала.

Сергей пополз по склону вниз, указав Антону пальцем на холмик напротив. Обогни, мол. Антон двинулся по краю.

Как только Сергей приблизился к женщине, она рванула от него вверх. Измазанная в крови и земле, она походила на девочку из «Звонка», её спутанные волосы прилипли к лицу, а руки цеплялись за корни дуба, будто это был последний её шанс выжить.

— Лови! — крикнул Сергей и Антон схватил Марину за волосы, она завопила и попыталась оторвать руки Антона от головы своими ледяными ладонями, отчего Антон чуть не разжал кулаки.

Сергей подскочил к Марине и пнул её в живот. Марина свалилась в овраг и потащила Антона вниз, он покатился кубарем следом и, прежде чем вляпаться лицом в грязь, заметил, как Сергей что есть мочи ударил Марину ребром ладони по шее. Марина затихла.

— Ты, я смотрю, любитель в грязи поваляться. — прокомментировал Сергей, припоминая ему побег из РОО.

Антон стряхнул налипшую на лицо жижу. Сергей поднял Марину за подмышки.

— Помоги.

— Ребят, не насилуйте, а. — простонала Марина.

— Больно надо тебя насиловать. — буркнул Сергей, — Это тебе к некрофилам, а мы сами уже того.

— Чего того?

— Того «того»! Будто ты не знаешь. Мёртвые тоже. Марин, может, ты сама пойдёшь? Тут до машины недалеко.

— Ребят, не насилуйте, а.— она повернулась к Антону, — Ты же молодой. Зачем тебе бабка сорокалетняя?

— Да я и не собирался.

— Довезите лучше до города. Я вам заплачу! Штуку евро, каждому. Зачем вам бабка сорокалетняя? За эти деньги найдёте поможе.

— Не придурияйся, Марин! — прикрикнул Сергей, — Ты девять дней по лесу бродишь, грибников до усрачки пугаешь, спиши в овраге, а нам втираешь, что жива! Давай, Антон.

Наблюдатели потащили Марину к тачке. Сергей шагал уверенно, не зажигая фонарика, Антон же плёлся рядом и постоянно спотыкался о корни, задевал плечами стволы сосен. Марина вяло перебирала ногами и уговаривала наблюдателей отвезти её в город. Сергей быстро понял бесплодность попыток переубедить жену

чинуши и согласился довезти её за деньги, после чего Марина стала передвигать ногами активнее.

У поваленной грозой осины Сергей свернул в сторону и взобрался наверх к разбитому полотну трассы. Антон старался не отставать. Девятка стояла чуть поодаль от места аварии. Сергей пихнул Марину на заднее сиденье и распорядился:

— Садишься рядом с ней, держи её за локоть и глаз не сводишь. Ты меня понял?

— Угу.

Как только они домчались до относительно ровного участка трассы, Сергей отыскал в бардачке пачку влажных салфеток:

— Оботри ей кровь с лица и груди. Приведи в человеческий вид, короче. И себя заодно.

Антон, держа Марину за локоть, отклеил от пачки полоску и двумя пальцами выдернул сразу несколько салфеток. Разложив их подле себя на кресле, принялся аккуратно отирать ей лицо от висков до подбородка.

— Ребят, не насилийте, а. — завела старую песню Марина.

— Да больно надо, Марин! — раздражённо бросил ей Сергей.

— Рыжий тоже говорил, что не будет.

— Какой ещё рыжий? На УАЗике?

— Да, на УАЗике. Я денег вам заплачу.

- А он что, изнасиловал тебя?
- Хотел. За коленку хватать начал, да испуга-а-ался. — нараспев ответила Марина, нагоняя жути.
- Чего это он испугался? — спросил Антон.
- Чего-чего. Он её за ногу цап! — Сергей посмотрел на Антона в зеркало заднего вида, — А она ледяная! И чего ты сделала, Марин?
- Укусила его. И руль дёрнула.
- И в кювет улетели, понятно.
- От него пахло так... Кисло. Пóтом. И табачко-о-ом.
- Вот и потрахался мужик. — подвёл итог Сергей, — Сейчас рядом с антохиным муляжом валяется.
- Мы к муженьку едем? — перебила его Марина, глядя на очертания города.
- К муженьку, к муженьку... — устало ответил ей Сергей
- Марина кивнула и салфетка соскользнула ей на шею. Антон бросил салфетку под ноги и взял чистую.
- Насильнику отомстила, — гордо сообщила Марина, — И мужу теперь отомщу.

Несмотря на то, что панорамные балконы ЖК бизнес-класса «Волжские просторы» смотрели прямо на устье Волги, люди долго не хотели покупать в нём квартиры — подозревали, что их пытаются развести, как лохов. Ходил слух, что дом, строящийся недалеко от склона, через несколько лет сползёт в реку. Застройщик долбил сваи, фундамент расположенной неподалёку библиотеки шёл трещинами, а руководство Коммунара-на-Волге не замечало ни уверений прессы, ни протестов хиленькой оппозиции. Застройщик не раз захаживал в кабинеты, где под портретом стареющего мачо сидели толстые мира сего в костюмах. Толстые кивали головой и входили в положение, кивали головой и диктовали номер посредника, кивали головой и посредник присыпал в вотсап адрес пустыря, куда застройщик должен был привезти наличность, так помогающую войти в положение. Чиновники кивали так часто, что земля под сваями тряслась и в один момент склон не выдержал, прокатился оползнем до подъездов к мосту и принёс области миллионные убытки. Говорят, губернатора откачивали врачи, а мэр пытался улететь заграницу. Новость дошла до федеральных каналов, коммунарская оппозиция сорвала глотки. Застройщик хотел было заморозить проект, но не смог — в дело вложились серьёзные люди из девяностых. И бандиты, и чиновники ждали результата, а в случае заморозки проекта обязательно загубили бы прибыльные проекты на окраинах города. Тогда в положение вошли уже эксперты. Они доказали, что оползень — природный катаклизм, форс-мажор и национальное несчастье, а строительство жилищного комплекса никак не повлияло на смещение пород и вообще ни при чём. Помощники губернатора позвонили куда надо и по городу забродили кучки сектантов. Одна кучка доказывала прохожим, что склон обвалился из-за американского климатического оружия, вторая же стояла с рукописными баннерами у здания мэрии и обвиняла во всём российских военных. Криворукие, доэкспериментировались и двинули

ось земли, а земля-то плоская! А при Союзе такого бы не допустили! Шойгу, ты ответишь за всё!

Общественность погудела пару месяцев и ожидаемо утихла — завершался дачный сезон, люди разъехались по огородам копать картошку. Застройщик нанял проектировщиков из Москвы и они стали думать, как же достроить дом без ущерба капризному склону.

Комплекс сдали следующим летом. Заместителю мэра Дикмарову досталась трёхкомнатная квартира с панорамным видом на Волгу, но переезжать в неё чиновник не собирался, так как местные элиты жили в охраняемых посёлках на заливе, строили усадьбы и обзаводились хозяйством. Дикмаров с детства ненавидел плантации картошки и кусты смородины, поэтому засеял территорию газоном, за что министр образования натурально постучал ему по лбу. Дикмаров возмутился, но тут же поутих. Друг дал ему дельный совет: все вокруг увлекаются сельским хозяйством не удовольствия ради, а потому что у губернатора свернуло на этом крышу. Если хочешь перейти на областной уровень или мечтишь в мэры, то выкапывай нахер газон и сажай капусту или персики, он любит персики. Ты только представь: приезжает он к тебе на ужин, а у тебя тут двадцать соток травой засеяны!

Пришлось нанять специалистов, развести на территории огород и расспрашивать, как растёт тот или другой клубень, чтобы не опозориться перед губернатором. Правда, губернатор так ни разу и не приехал — желающих вскарабкаться наверх в области хватало и Дикмарову никак не удавалось утоптать тропинку в губернский кабинет. Переезд в квартиру ещё больше отдалил бы Дикмара от элит, поэтому он отдал ключи сдержанке Олесе, с которой встречался в квартире по вторникам и пятницам ближе к полуночи. Иногда Олеся уезжала навестить родителей в Тольятти.

Тогда Дикмаров сидел на утеплённом балконе в одиночестве и смотрел, как вздымается под луной чёрная грудь Волги.

Именно в этой квартире Валентинич дожидался Марину, Сергея и Антона. Наблюдатели опаздывали. Увидев стелу «Добро пожаловать в Коммунар-на-Волге», Марина успокоилась, и весь оставшийся путь ухмылялась, представляя, что именно она скажет женевьку и как его напугает. Сергей с Антоном старались лишний раз не шевелиться: Сергея достала сумасшедшая покойница, Антон же гадал, когда его отпустит и как с точки зрения здорового человека объяснить происходящие события. Быть может, у него просто терпеливые и воспитанные друзья? Не догадываясь о том, что Антон сошёл с ума, они позвали его на пикник и все выходные терпят его выходки. Ночью Антон бил землю бревном и перебудил криками лагерь, а во время завтрака бегал за девушками, кричал «Куда! Сергей! У неё холодные ноги!». Серёга в этот момент похмелялся на берегу пивом и не понимал, чего это Антоха так переживает.

Неудобно, конечно, но всегда можно прикинуться наркоманом, рассказать друзьям, что по глупости лизнул марку. Друзья поймут и простят. Ну или придётся искать новых друзей.

Как только шлагбаум дёрнулся вверх, пропуская автомобиль на территорию, Марина приподнялась с сиденья и вскрикнула:

— Ага! У шлюшки своей торчит! Теперь-то ему никто уже не мешает!

Сергей хмыкнул и припарковал девятку у центрального подъезда.

— Прошу, дамы и господа! Нас уже заждались.

Марина охотно вылезла из девятки, которую она критиковала всю дорогу, называя корытом и колымагой. Антон ожидал, что

Сергей взбесится, выбросит Марину на трассу и переедет её пару раз в воспитательных целях, но Сергея обзывательства не задевали, он даже хмыкал после удачных подколок. На въезде в город Сергей объяснил:

— Вообще-то у нас автопарк получше, сам видел. Просто девятка не отсвечивает на трассе. Конспирация.

На трассе девятка действительно смотрелась органично, чего не скажешь о территории ЖК бизнес-класса. Грязная полоса до половины кузова, пятнышки ржавчины на крыле и помятая задняя дверь плохо сочетались с тщательно подогнанной брускаткой, высанженными в рядок кипарисами и детской площадкой из натуральных материалов. Проходящая мимо женщина взглянула на компанию и крикнула им издалека:

— Здесь парковка запрещена! Сорок минут на разгрузку! Максимум!

— Мы в курсе, дамочка. — обронил в ответ Сергей.

Он набрал сто восемьдесят шестую квартиру на пульте домофона. Им открыли после первого гудка. Видимо, действительно заждались.

Интерьер подъезда выглядел предсказуемо. Зная вкусы целевой аудитории, застройщик попытался изобразить дореволюционный шик за небольшие деньги: подъезд украшали пластиковые пильястры, стены исписали вензелями и даже поставили в угол рядом с лифтом кресло на деревянных ножках. Правда, накрыли его полиэтиленом, чтобы не запачкалось. «Кто в здравом уме будет сидеть у лифта?» — подумал Антон, поглядывая на дисплей, бодро отсчитывающий этажи с двадцатого по первый — «Даже мне не хочется, а я, как-никак, сумасшедший».

Находиться в квартире Антону хотелось ещё меньше. На миг показалось, что он так и не покинул подъезд: наблюдателей окружали обои с позолоченными завитушками, на стене висела оленья голова, а под золотой лампой распласталась медвежья шкура. На шкурке плющил зад огромный медведь. Марина бросилась в квартиру пряником из лифта, да так резво, что Антон дёрнулся за ней следом, но Сергей придержал его за локоть.

- Главное, чтоб не обратно. Туда пусть хоть бегом бежит.
- Эй ты, урод плешивый! — заорала Марина, поворачивая в зал,
- Узнаёшь голосок?!

Сергей невозмутимо крутил в руках бензиновую зажигалку. Судя по грохоту, Марина пыталась открыть балконную дверь. В этот момент из дальней комнаты в коридор вышел Валентиныч. Сегодня он выбрал пуловер, узкие брюки и потёртые коричневые дерби. Часы на его запястье блестели инеем, при ходьбе Валентиныч опирался на дубовую трость. Рядом привычно тёрся амбал Володя. Валентиныч кивнул наблюдателям и пошёл к Марине, Володя же слегка задержался и протянул мясистую ладонь сначала Сергею, затем Антону. Она была такой же холодной, как и кожа Мариной.

- Здравствуй, Марина. — донёсся из зала баритон Валентиныча.

Мужчины зашли внутрь. Марина металась по комнате, понося мужа.

- А вы кто такие? — спросила она, смерив Валентиныча и свиту взглядом.
- Успокойся и послушай.

— Вас кто сюда пустил? Сергей! — она впервые обратилась к напарнику Антона по имени, — Выгони их! Вы тоже можете идти, кстати. Номер карты оставьте только, деньги переведу. Эй, приду-рок, мне что, стекло разбивать?! — крикнула она в сторону балкона.

Валентинич сел на стул и кивнул Володя. Володя тут же отвесил Марине смачного леща. Марина опешила и замерла.

— Сядь на диван. — приказал Валентинич.

Марина не шевельнулась, так и стояла с открытым ртом. Володя схватил её за шкирку и швырнул на диван. Марина упала лицом вниз и тут же вскинула голову.

— Да мой муж...

— Твой муж мёртв, его застрелили. И ты мертва. Не придумайся, тут все уже в курсе.

— Ничего подобного! Я...

— С тобой уже виделись и всё объяснили, но ты предпочла убежать и шататься по лесу!

Марина попыталась возразить.

— Будешь много говорить — зашьём рот нитками!

Сергей указал на журнальный столик под телевизором. На подносе лежали хирургические приборы и моток лески. Марина умолкла.

— Почему убежала?!

— Меня хотели развести. Где я мертвая? — Марина подергала себя за патлы, — Ранили, выжила!

— Как это ты выжила, если тебя закопали?

— Как! Так. Везучая я.

— И зачем ты сюда пришла?

Марина молчала. Валентиныч повысил голос:

— Отвечай!

— Отомстить.

— Понятно. Есть один нюанс. Запускай.

Сергей открыл балконную дверь. В комнату зашло нечто сине-буровое, напоминающее узника Бухенвальда.

— Знакомься, Марина. Хотя вы знакомы. Это мальчик Петя. Помнишь его?

Марина побелела. Валентиныч повернулся к Володе:

— Родила его от курсанта и отдала мамке в деревню на воспитание. Потом познакомилась с Дикмаровым. Приезжать, естественно, перестала.

Марина не шевелилась, смотрела на Валентиныча.

— Пацан бегал по реке и упал под лёд, простудился. Маму звал. Писали ей, звонили, просили на лечение забрать. Но у Марины

Витальевны, — Валентинич указал на убитую тростью, — были дела поважнее!

Валентинич повернулся к трупу:

— Подойди к маме, Петя.

Тело зашлёпало в сторону дивана. Комнату заполнял запах гнили. Марина отвернулась от тела и уткнулась в диван.

— Повернуть? — спросил Володя.

— Поверни. Сын должен поцеловать маму.

Марина зарычала и вжалась в подушку лицом. Сергей пошёл помочь Володе. Пока амбал держал Марине ноги и шею, Сергей оторвал руки от подушки. Мальчик тут же нагнулся вплотную к сморщенному лицу Марины. Антон отвернулся, чтобы не сблевать. Марина зарыдала.

— Ступай обратно. — сказал Валентинич через секунду.

Тело покорно развернулось и ушлёпало на балкон. Амбал тут же отбросил Марину обратно и закрыл за мальчиком дверь. Валентинич навис над Марией:

— Запомни напоследок: наказываем здесь *только* мы.

Сергей взял Антона под локоть.

— Пойдём.

Антон упёрся и не пошёл. Валентинич кивнул Володе и удалился в коридор. Амбал сунул руку за диван и достал пожарный топор.

— Пойдём, говорю! — Сергей толкнул Антона к выходу. Тот нехотя попёрся вслед за Валентинычем, но, как только Сергей ослабил хватку, вырвал руку и побежал обратно. Марина вскочила с дивана. Амбал что есть силы ударили ей обухом по лбу. Кость хрустнула, амбал замахнулся было ещё раз, но опустил топор. У Антона запищало в ушах.

— Блядь, сказал же, идём!

Сергей схватил Антона за воротник и дёрнул к выходу.

— Дай мне досмотреть! — кричал Антон, но Сергей расправил грудь и не пускал Антона обратно — Я хочу видеть, что там происходит!

Валентинич меж тем невозмутимо вдавливал пальцем кнопку лифта. С каждым его нажатием Антон совершал рывок, но разбивался о гулкую грудь Сергея. Антон отлетал, Валентинич отпускал кнопку, Антону приходилось отступить на шаг назад. Валентинич давил на кнопку, Антон давил на Сергея, но тот оказался не в пример крепким. Даже без Володи он оттеснил Антона за порог квартиры. В лифте картина повторилась: Валентинич зачем-то жал на кнопку первого этажа, Антон колотился в двери, кричал «Останови! Подними! Что он с ней там делает!», Сергей закатывал глаза и многозначительно смотрел на Валентинича. На первом этаже Антон пытался ухватиться за обмотанное полиэтиленом кресло, но Сергей с лёгкостью его отцепил. В салоне «девятки» Антон понял, что сопротивляться бесполезно, но периодически трепыхался, скорее, из вредности. Держа его за шкирку, как котёнка, Сергей отвёл Антона в келью, где Антон сполз на пол и некоторое время бился затылком о дверь, слушая, как эхо от стука несётся по пустому коридору коттеджа. Через час дверь отворилась и задремавший, окончательно утихший Антон вывалился наружу.

— Успокоился?

Птицы на улице уже не пели, дождь, шуршавший по гравию мелкими каплями, иссяк и Антон обходил лужи, глядя исключительно под ноги.

— Такое после смерти случается, — сказал Сергей — Со временем пройдёт.

— Что именно? — не понял Антон.

— Истерики. Яркие вспышки эмоций. Считай, что из тебя выходят остатки.

Внутри Антона трепыхалось детское чувство, давным-давно позабытое во взрослом мире: слабость, возникающая после продолжительных рыданий по мелочному поводу. Его потряхивало и любое, даже мелочное откровение выдавливало из глаз слёзы. Сергей отыскал где-то палку и мотал ей из стороны в сторону.

— То, что Марина хотела отомстить мужу за убийство, ты понял, верно?

— Понял.

— Ему и молодой любовнице. Хотя у него было две любовницы, о второй Марина не знала. Ну, не суть. По правилам, наказывать за поступки можем только мы, обычные мёртвые права на это не имеют. Валентинич наказал Марину за непослушание и *расторгил*.

По обе стороны тропинки к земле прижимались туи.

— Зачем бить Марину топором, если она и так уже мертва?

— Ну а что с ней сделаешь? Можно закопать, но один раз она уже вылезла. Сейчас такие мертвецы попадаются — гробы ломают, жить хотят. Поэтому Валентиныч распорядился вернуться к традициям и сжигать тела. Ну или расчленять, если удобнее.

«Откуда расчленёнка?» — с отчаянием подумал Антон — «Я ж ни одного хоррора в жизни не посмотрел!».

— Володя расчленил её в ванной?

— Нет, зачем! Вырубил просто. Потом отвёз в деревню, там у нас в сарае пилорама. Вжик-вжик и в печку. Вручную только живые пилят. Кровь, возня, помещение потом отмывать... Непрофессионально.

— Ты тоже расчленяешь?

— Не-не, ты что! — как-то слишком рьяно стал отрицать Сергей, — Володя сам всё делает. У него ещё при жизни были маниакальные наклонности. Вон, смотри, Юлия идёт. Нам пора в аудиторию.

Аудиторией оказался пустой класс с магнитной доской у стены. Валентиныч сидел в кресле-модерн с низкой спинкой, Юлия перебирала фломастеры. Сергей и Антон поздоровались со всеми за руку, в том числе — с Юлией, что несколько удивило Антона. Валентиныч посмотрел на часы.

— Садитесь, начнём. У меня сорок минут.

Слово взяла Юлия.

— Итак, пару часов назад вы вернулись с первого задания. Насколько мы знаем от Сергея, всё прошло не так гладко, как хотелось бы.

— Мы не только знаем, но и видели. Сергею пришлось зашивать лицо. — прокомментировал Валентинич.

Только сейчас Антон заметил, что правый висок Сергея по-прежнему заклеен пластирем.

— После каждого задания мы проводим небольшую ретроспективу. Наша задача: понять, что вы сделали не так, определить, что впредь нужно делать лучше и дать тебе, Антон, советы по дальнейшему развитию.

— Мне это знакомо. — сказал Антон, ухмыльнувшись.

— Бессспорно, ты же работал в ИТ. Тогда держи стикеры, пиши, что тебе понравилось в первом задании, а что нет.

— Засекаю пять минут, — объявил Валентинич и ткнул в «Apple Watch».

Антон задумался. Что написать? На рабочих ретроспективах существовало негласное правило: прежде всего нужно формулировать решение проблемы, а не генерировать лозунги. То есть, Антон не мог написать «Нужно лучше ловить мертвых», это — лозунг, все и так знают, что их нужно ловить лучше. А вот «Сразу вырубать мёртвого» — вариант, с ним можно согласиться или нет, но обсуждать начнут конкретное предложение.

Подумав ещё немного, Антон выбросил бумажку «Очень нервная работа». «Часто хочется спать» оставил. Решения он не знал, но собирался спросить.

— Двадцать секунд! — предупредил Валентиныч, дописывая свою бумажку.

Прозвенел будильник. Юлия собрала со всех стикеры.

— Итак. «Перестать быть наставника». Думаю, все догадываются, кто это написал. — Юлия приkleила стикер на доску в колонку Stop. «Перестать прыгать на меня с поленом». Объединим с предыдущим. «Всё время хочется спать». Это куда?

— Это у нас айтишник тезисы для ретроспективы формулировать не умеет! — язвительно заметил Сергей.

— Решения я не знаю, просто хочу подсветить проблему.

— Это вполне решаемо... — начал было Валентиныч, но Юлия его перебила:

— Давайте я до конца всё развешу, а потом мы уже обсудим, хорошо?

Валентиныч картинно поднял руки вверх.

— В «Start» отправляются: «Сразу вырубать мёртвого», «Давать новичкам задания попроще», «Прокачать навыки убеждения». Никто больше ничего не придумал?

Юлия посмотрела на каждого.

— Хорошо, тогда начнём со стопперов. «Перестать быть наставника» и с ним же «Перестать нападать на меня с поленом». Евгений Валентинович, вам слово.

— А чего тут обсуждать? Это нарушение дисциплины, из-за него возрастает риск провалить задание или косвенно помочь живому

вмешаться в ход дела. За такое растворять вообще нужно, но у нас сейчас кризис, найти способного наблюдателя сложно, все в себя влюблены безмерно и в смерть не верят, считают нас мошенниками.

— Делать-то чё? — вмешался Сергей.

— Ну вот давайте у Антона спросим, зачем он на тебя с поленом бросился. Антон?

Пока Валентиныч говорил, Антон поражался, насколько мощно его перекрыло. Ну не может же так глючить? Это ж какое воображение надо иметь! Откуда взялась ретроспектива, понятно — он проводил их каждую неделю, совмещая должность product-owner'a со scrum-master'ом. Но не могут же галлюцинации настолько сильно искажать реальность?

— Я не верил в то, что умер. Думал, что я сошёл с ума, а вы — сектанты.

— Ну а теперь-то поверил? — нагнулся к нему Сергей, — Я не зря пострадал?

— Почти.

— В общем, людей всё равно мало. Ты, — Валентиныч обратился к Сергею, — Будь бдительнее, если зашиваться постоянно не хочешь. Ну и при первом удобном случае будете дежурить втроём, пока Антон окончательно не освоится. А ты — Валентиныч повернулся к Антону, — Учи, что мёртвого всё равно не убёшь. Не становишь слушаться — растворим и света белого ты больше не увидишь. Вопросы?

Все молчали.

- Дальше! — скомандовал Валентиныч.
- «Всё время хочется спать» — озвучила Юлия.
- Ну, во-первых, спать надо при любом удобном случае, — начал Сергей, — Мы спим очень много. Надолго нас, как живых, не хватает.
- Верно. Ну и пей побольше кофе, бодрись. Кофе всё ещё действует. — добавил Валентиныч.
- Хорошо, переходим к колонке «Start». «Сразу вырубать мёртвого».
- Не прокатит. — возразил Сергей, — Удобно, конечно, но мёртвый долго отходит после нокаута. Да и не всегда есть возможность. В оживлённых местах не получится, например.
- Ну, по возможности, хотя бы... — для проформы возразил Антон.
- Сейчас вырубать мёртвого можно при необходимости. Это жёсткое правило. На самом деле, мы вырубаем мёртвых нечасто. Идея неплохая, обсужу её с... — Валентиныч потыкал пальцем в потолок, — Давайте мою бумажку дальше, она связана с предыдущей. «Прокачать навыки убеждения». Тут всё просто. Кажется, нам уже пора разработать инструкции, по которым вы будете эффективно уговаривать умерших, — пояснил Валентиныч, — Подождём, пока закончит свой жизненный путь пара преподавателей ораторского мастерства или коучей-переговорщиков, попросим с вами позаниматься.
- Ловко вы людей рекрутируете. — заметил Антон.

— Жаль только, что по нашему хотению они не умирают. Приходится ждать. — ответил Валентиныч.

— Ладно, перейдём к последней.— Юлия сняла бумажку с доски, — «Давать новичкам задания попроще». Выглядит, как готовый action item.

Валентиныч поднялся с кресла.

— Бессспорно! Но у нас редко бывают задания попроще. На всех не хватит. Тем более, Антон, ты парень перспективный. Если перестанешь маяться дурью, из тебя выйдет хороший наблюдатель, с продолжительной для нашего брата карьерой.

Валентиныч подал присутствующим руку.

— Всё, я убежал.

— Экшн-айтемы я вышлю на почту. — добавила ему вслед Юлия.

Сергей посмотрел на Антона:

— А тебе сколько лет, Антоха?

— Зимой тридцать два исполнилось.

— Выглядишь моложе. Но это ничего. Это ненадолго!

Сергей посмотрел на Юлию и расхохотался.

Глава 9

Весна, как на зло, вступила в свои права именно к пятнице. Солнце палило над головой, наивно пытаясь расплавить самые разнообразные предметы, будь то асфальт, железные остановки или чугунные лавочки. Воздух прогрелся до тридцати градусов. Стас сидел на скамейке с айкосом и радовался, что место для курения оказалось в тени.

Впрочем, радость эта с лихвой перекрывалась роем проблем. И дело даже не в том, что Кирилл Абрамов сослался на внеочередную стратегическую сессию в Лимасоле и свалил тяжкий долг прощания с Антоном на Стаса, нет. Больше всего Стаса раздражал Безносюк, полетевший в Коммунар-на-Волге вместе с ним.

Утром Стас до последнего сидел в пулковском Макдаке и обедался картошкой, но за пять минут до начала посадки всё же подошёл к очереди в гейт. От Безносюка привычно пахло терпким парфюмом и коньяком. Холдинг оплатил бизнес-класс, но он отличался от эконома лишь наличием питания и шторкой. Объевшийся картошки Стас от обеда отказался, а вот Безносюк воспользовался преимуществами по полной, причём, сделал он это по-хозяйски. Сначала он отправил стюардессу за коньяком. Через полчаса полёта Безносюку принесли горячее на фарфоровых тарелках, он расправился с мясным рагу и салатом, попросил ещё коньяка и выпил его под фруктовую нарезку. В рот один за другим отправились кусочки киви, ананаса и грейпфрута. Подождав, пока со столика уберут посуду, Безносюк расстегнул верхнюю пуговицу, откинулся на спинку и произнёс:

— Жаль, виноград не приносят. Лучший фрукт к благородным напиткам.

Всё это время Стас притворялся спящим и на фразу Безносюка не отозвался, хотя язык чесался поправить ошибку; виноград всё же ягода, а не фрукт. Стаса тоже тянуло попросить коньяку, алкоголь помог бы ему побороть лёгкую аэрофобию, но перспектива пить с Безносюком подавляла любое желание, так что Стас зажмурился и не шевелился.

Впрочем, Безносюк и сам не хотел общаться. После обеда он задремал, его рожа пылала. Стасу казалось, что он чувствует жар, исходящий от щёк безопасника. «В аду нагрелся, не иначе» — язвил про себя Стас.

Этот жар теперь волочился за ним по пятам, пробирался даже в курилку. Не успел Стас затянуться, как его заметил новый знакомый, водитель Максим. Словно биатлонист, Макс скользящими выпадами дошёл до курилки, подался чуть вперёд и обратился к Стасу:

— Прикурить не найдётся?

Макс потряс перед лицом Стаса сигаретой, демонстрируя, что *закурить*-то у него как-раз имеется. Стас показал в ответ айкос.

— Понял! — и Макс тут же отчалил ко входу, искать постояльца с зажигалкой.

Безносюк арендовал машину с водителем, так что BMW пятой серии уже поджидал их у выхода из «Аэропорта им. Александра Пушкина». Не желая видеть Безносюка даже боковым зрением, Стас сел на переднее сиденье. Водитель Максим молча вёз их в отель. За окном тянулась промзона, разбавленная модульными гипермаркетами. «Леруа», завод. «Лента», завод. «Metro» — два

завода, причём, на фасаде одного из корпусов висел выгоревший портрет Иосифа Сталина. Сразу же за промзоной потянулись ряды панелек и Стас вспомнил несмешной анекдот, прочитанный им то ли в твиттере, то ли на башорге: пассажирка трамвая предложила внуку называть яркие цвета за окном — и три остановки они ехали молча. Стас заподозрил, что анекдот сочинили в Коммунаре.

Номер в отеле несколько сгладил впечатление. Стас ожидал увидеть скрученные в лебедей полотенца или кинескопный телевизор, но двухместный «Стандарт» выглядел вполне прилично, внутри работал кондиционер и ванная комната блестела чистотой. Конечно, не обошлось без золотых занавесок и рябившего в глазах узорчатого ковролина, но подобные детали интерьера встречались даже в иностранных гостиницах.

Безносюк припарковал чемодан у тумбочки и проследовал в ванную.

— Через полчаса выходим, — бросил он Стасу через плечо.

Стас угукнул. Не зная, чем себя занять, он присел на краешек кровати. В ванной зашумела вода. Стас услышал, как Безносюк смотрится в раковину и его передёрнуло, он вышел из номера и спустился вниз.

Теперь ему приходилось терпеть Максима, который вернулся через пару минут с дымящейся сигаретой.

— Охранник прогнал. Говорит, курят только здесь.

Стас хмыкнул. Максим взглянул на дисплей смартфона-лопаты.

— Выезжать пора. Начальник-то ваш чё, скоро выйдет?

Стас поднял глаза на Максима.

— А с чего ты взял, что он мне начальник?

— Да не, я так... Думал, в командировку приехали. Он суровый такой...

— А мы действительно в командировку. Только в необычную.

Максим поджал губы.

— Скоро сам поймёшь, почему в необычную. — ответил Стас на повисший в воздухе вопрос.

Максим затушил окурок о мусорку.

— Я в машину. Подходите, как будете готовы.

Не успел Максим дойти до BMW, как в кармане Стаса зажужжал Xiaomi, но он не стал брать трубку, просто вышел из тени курилки и поднял руку вверх. Через пару секунд Безносюк заметил его жест и сбросил звонок.

— Чего трубки не берёшь? — предъявил он Стасу, как только приблизился.

— Да я сразу понял, что это вы.

Стас не врал. На контакт Безносюка он поставил песню из сериала «Солдаты». Глядя в седой затылок севшего вперёд безопасника, Стас подумал, что надо бы сменить мелодию. А то ещё услышит...

Официально Безносюк поехал как представитель холдинга, но Стас догадывался, что безопасник проверял его в деле. Возможно,

Абрамов не полетел ни на какую стратсессию в Лимасол, а сидит себе в Петербурге и вся эта ситуация придумана им исключительно для того, чтобы убедиться в адекватности и стрессоустойчивости будущего руководителя стартапа.

— Ты помнишь, да, что нам сначала в магазин? — спросил Максима Безносюка.

— Да. Мы туда и едем.

— Без навигатора?

— Обижаете! Я весь город наизусть знаю.

Под палящим солнцем город показался Стасу симпатичным, уютным, похожим на ленинградские окраины его детства. Впрочем, все провинциальные города в хорошую погоду вызывали у него ностальгию, ровно как и здания: бледно-бежевые, с колоннами и треугольными крышами, или же бетонные, строгие, напоминавшие бойницами-окнами пулеметные дзоты. «Дом быта», у которого остановился Максим, относился ко второму типу: вывеска давно уже заржавела от дождей и снега, швы здания заплесневели, кое-где отвалилась плитка. «Какой дом, такой и быт» — подумал Стас, наблюдая за уходящим Безносюком.

Скука явно волочилась за ними от самой гостиницы. Стас молчал, Максим листал ленту «Пикабу» и периодически хмыкал. Он оторвался от экрана лишь тогда, когда Безносюк открыл заднюю дверь и впихнул в салон венок из пластмассовой мишуры бутылочного цвета. Максим приоткрыл рот от удивления.

— Павлеевское кладбище знаешь где? — спросил Максима Безносюка.

Максим медленно кивнул.

— Через сколько там будем?

— Ну... Минут через сорок.

Стас поправил венок и взглянул на ленту, протянутую по диагонали. *«От коллег. Помним, скорбим».*

Максим заговорил только на светофоре.

— А чё, торопимся? — спросил он Безносюка, — Я могу и на красивый. Правда, вам штрафы потом придут.

— Нет, не торопимся. Мы в любом случае приедем раньше.

Но Максим всё равно прибавил ходу. Город сменился садовыми товариществами, зарифмованными между собой разноцветными заборами и яблонями, затем вдоль дороги потянулся забор с торчащими то тут, то там памятниками и крестами. У въезда на кладбище местные власти построили овальную площадь, которая на деле превратилась в парковку для автомобилей и рейсовых маршруточек. Безносюк попросил Максима остановиться у стелы воинам, павшим в Великой Отечественной войне.

— Покурить успею? — спросил Максим, припарковавшись.

— Успеешь. Только сразу в салон не садись, проветрись.

Максим выбрался наружу. Держа в руках пачку, он пошёл к продавцам цветов, что стояли за прилавками у въезда на территорию и стрельнул у них зажигалку.

— А чего мы ждём? — спросил Стас, сверля Безносюку затылок.

— В час приедет автобус с родственниками. Дождёмся их и пойдём на отпевание.

— Он что, верующий был?

— Не знаю. Даже если и не верующий, хуже ему не станет.

Маршрутки в Коммунаре красили либо в жёлтый цвет, либо в белый, так что подплывшая к стеле чёрная газель выделялась бы и без наклеенной вдоль борта надписи «РИТУАЛ». Вместе с газелью на площадь притарахтел пазик, из которого выползли шесть человек: три женщины, двое мужчин и молодой парнишка лет семнадцати. Они потоптались пару минут у дверей автобуса и потащились в церквушку за площадью.

Один из мужчин притормозил и огляделся. Безносюк тут же вылез из авто и направился к нему. Мужчина был одет в джинсовый костюм и мучился от жары, впрочем, на чёрной рубашке пот был практически незаметен.

— Валерий Сергеевич? Здравствуйте. — поздоровался с мужчиной Безносюк, — Я Александр Петрович. А это Стас, близкий коллега.

Стас протянул мужчине руку. Мужчина посмотрел на Стаса олеными глазами.

— Здравствуйте. Я брат Антона.

Стас не нашёлся, что ответить. У входа в церквушку курили два крепких парня из «Ритуала», одетые в брюки без стрелок и чёрные свободные рубашки.

— Идите, там батюшка уже начинает, — предупредил один из парней.

Первой Стас увидел бойкую женщину, торгующую в притворе просвирками, крестиками, свечами и прочими неизвестными Стасу предметами. На стенах теснились иконы, в нос бил запах ладана. В средней части храма, под паникадилом, стоял лакированный гроб. Одна из женщин раздавала свечи. Стас не хотел смотреть на мёртвого Антона и обшаривал взглядом иконы, исподтишка изучая стоящих рядом. Раздав свечи, женщина поправила платок. Подросток уставился в пол. Стас не выдержал и поднял взгляд.

Антон превратился в восковое, будто бы выпотрощенное чучело, набитое соломой и благовониями. Его губы сомкнулись и усохли, запаяв рот навеки. В руки Антону вложили икону. Перед глазами Стаса зарябили кружева покрывала, саван, венчик, у изголовья гроба дрогнули свечи. Стас вспомнил, как Антон впервые зашёл в толк-рум знакомиться с коллективом и как язычки найденных Стасом в кладовке свечей бликовали в глазах нового директора. Он подумал, что теперь никто, никогда не увидит антоновых глаз, в этом мире их больше не существует. Разве, только на фотографиях.

Язычки вильнули ещё раз, рядом кто-то забубнил. Перед лицом махнули чёрной тканью и Стас вынырнул из воспоминаний. Во-круг гроба кружил священник, он читал по книжечке молитвы и потрясывал кадилом. Стас не различал слова и не вникал в суть, вместо этого он следил за Безносюком, который держал свечу двумя пальцами и не шевелился. Лишь желваки играли над его щеками.

Священник оттараторил несколько молитв, надымил кадилом и ссыпал немного земли Антону на грудь. Стас периодически уходил в себя — нет, — сбегал от монотонности происходящего. Он видел, что женщины крестились, но сам не решился; в конце

концов, последний раз он крестился в детстве и даже не помнил толком, какого плеча касаться в первую очередь.

— Свечку вон туда поставьте, — шепнула ему одна из женщин.

Священник исчез так же быстро, как и появился. В храм вошли гробовщики и подхватили крышку. Стас сунул свечку в песок.

На этот раз Безносюк залез назад, но Стас к его неудовольствию сел рядом. Он заметил, что солнце било прямо в лобовое стекло и не хотел плавиться от жары на переднем сиденье.

— Ну, теперь закапывать. Давай за автобусом. — отдуваясь, сказал Безносюк.

Максим развернулся и поехал следом.

— Придётся костюм стирать, — Безносюк обнюхал лацканы, — Поп натряс своим кадилом!

«Странно, что ты при этом не зашипел» — подумал Стас, но, естесственno, не озвучил.

Ехали недолго, по относительно ровному асфальту. В первых рядах кладбища над частоколом плит и крестов возвышались статуи людей, деливших Коммунар-на-Волге в девяностые, затем пошли сектора с памятниками попроще. Стас заметил в окне цыганскую ограду, увенчанную фигурками коней. Чуть дальше виднелись пластиковые навесы — там лежали армяне.

Неожиданно перед глазами возникла ржавая цистерна и машина свернула с асфальта на земляную дорогу. Автобус, за которым плёлся «BMW», поднял пыль. Стас отвернулся.

— А зачем цистерна? — спросил он Максима.

— Воду для уборки набирать. — опередил водителя Безносюк.

Наконец, они припарковались. Стас понял, что его смущало всю дорогу.

— А где венок? — спросил он Безносюка.

— Я его в газель отнёс. — опередил безопасника Максим.

«Изdevаются надо мной, что ли» — подумал Стас, шагая к могиле.

Работники «Ритуала» уже вытащили гроб и поставили его на табуреты. Недалеко от могилы лежали два памятника, присыпанные землёй.

— Уважаемые прощающиеся, сейчас выстройтесь, пожалуйста, в колонну по одному, подходите по кругу и прощайтесь с усопшим, — объявил один из гробовщиков, стоящий в ногах у покойника, — В гроб можно положить что-то на память. Цветы кладите ниже груди. Желающие могут поцеловать ушедшего в лоб, в венчик — это тканевая повязка — или выше. Целовать не обязательно, можете просто попрощаться. Близкие родственники идут последними!

Желая оттянуть момент, Стас встал перед женой брата, но очередь всё равно подошла стремительно. Стас посмотрел на труп ещё раз. Целовать Антона ему, естественно, не хотелось, цветов он не купил. Стас сжал на мгновение край гроба руками и отошёл подальше.

На кладбище ровным счётом ничего не происходило. Мёртвые не шевелились и не взаимодействовали с миром, прощающиеся им

подражали, даже вороны решили не связываться с надоевшей им церемонией и летали где-то вдалеке — настолько далеко, что до Стаса не доносилось их гарканье.

— Все простились? — спросил гробовщик.

Не услышав ответа, он кивнул бригаде. На гроб надели крышку. Парни привычными движениями вкотили шесть гвоздей, после чего опустили гроб на две скрученные... простыни, что ли, перекинули концы через шею, приподняли его и стали медленно опускать в могилу.

— Господи, горе-то какое! — неожиданно завопила жена брата и уткнулась тому в плечо.

Брат пошатнулся, Стаса передёрнуло. Актриса из неё никудынная. Гроб погружался в могилу. Неожиданно крышка зацепилась за край и из неё вылетели гвозди. Крышка хлопнула. Все ахнули.

— Не хочет уходить! — воскликнула женщина постарше.

Бригадир отнял у одного из парней конец простыни и самостоятельно подправил гроб.

Мужик, всё время стоявший молча, нагнулся и сунул пятерню в землю. Стас, следуя его примеру, смял чернозём и разжал кулак над могилой. Земля плюхнулась о бархатную обивку, разбилась на комья. Стас спохватился и полез в карман брюк, вытащил оттуда керамическую фигурку женщины в белом платье. Она стояла на столе у Антона рядом с лампой. Стас никогда не спрашивал, что это за фигурка, но перед вылетом захватил её с собой. Стас суетливо кинул фигурку следом.

— В обычной очереди тебя бы убили. — бросил ему Безносюк, прощавшийся первым.

Стас притормозил. Перед его глазами стояла надпись «Мокошь», выгравированная причудливым шрифтом на обратной стороне фигурки.

— Что такое «Мокошь»? — спросил он Безносюка.

Безопасник покосился на Стаса.

«Ладно. В интернете посмотрю» — подумал Стас.

Он достал платок и оттёр остатки жирной земли, ругая себя за то, что как обычно забыл исполнить задуманное вовремя (Стас собирался положить фигурку Антону под локоть или в ноги). Оттирая ладонь, он вспомнил, что лучше ничего не уносить с кладбища и огляделся. На обочине лежала импровизированная куча мусора: пыльные пластиковые бутылки, выцветшие ветки искусственных венков, собранные в мешок фантики от конфет. Стас отнёс туда платок и запихнул его поглубже.

— Поехали. Лучше у столовой подождём, чем на этом пекле. — распорядился Безносюк.

Стас приподнял руку и посмотрел на подмышки. Рубашка пропиталась потом насеквоздь. Гробовщики тем временем уже поправляли воткнутый в могилу крест. Брат, не отвлекаясь, наблюдал за их действиями. Его жена стояла неподалёку и шепталась в женской постарше.

— Слушайте, я дико извиняюсь, — сказал Максим, как только они вернулись в город, — Но раз уж мы поехали пораньше, можем зарулить на заправку? С утра ничего не ел.

— Я договорился, тебя покормят на поминках. — сказал ему Безносюк.

— Заедем. Я в туалет хочу. — возразил Стас.

Безносюк достал из кармана смартфон.

— Мне без разницы.

Пока Стас стоял в очереди в туалет, Максим купил хот-дог и принёс в машину два стаканчика кофе. Безносюк от напитков отказался и с кем-то переписывался. Жуя хот-дог на ходу, Максим петлял по дворам и уложкам. Машина периодически попадала в ямы, кофе проливалось Стасу на брюки, но он не обращал на это внимания. Даже так — ему, скорее, хотелось почувствовать сейчас хоть что-нибудь, убедиться, что он, в отличие от Антона, жив. Кофе обжёг ему ноги через штаны и Стас успокоился.

У столовой он чуть не расхохотался — на фасаде висела растяжка «Дни рождения, свадьбы, поминки, банкеты. Тел:...». Макс проклинал за взглядом Стаса и понимающе цыкнул.

— Прикол в том, что дни рождения и поминки иногда проходят в соседних залах. Если днюху раньше начинают, то в одном зале воют, а в другом «ура» кричат.

— Мда уж.

Стас затянулся айкосом. Реальность потихоньку выдёргивала его из ступора: он стал различать звуки, замечать прохожих, желудок посасывало от голода. Стас даже вспомнил, что забыл отменить визит к стоматологу.

Безносюк вылез из машины и размял шею.

- Ну и жарища. Чуть не задохнулся.
- Это вы привезли, — ответил Макс, — До этого в куртках ходили. Дождик лил целыми днями.

Безносюк увидел висящую на доме быта растяжку и ёмко прокомментировал:

- Бардак.
- Нам не сюда, — ответил Макс, — Ваша столовая с торца.
- Как это они выживают рядом друг с другом? — удивился Стас.
- А у них один хозяин. Эта для тех, кто попроще, а ваша подороже будет. Ну там и кормят получше.
- Понял. Бизнес по-коммунарски. — подвёл итог Стас.
- А вы сами откуда?

Стас и Безносюк ответили одновременно.

- Из Ленинграда.
- Из Питера.
- О, Питер. Красиво у вас, говорят. Я не был ни разу.
- Съезди обязательно. — посоветовал Стас, — Мосты, дворцы. Красиво.

Договорить не успели. Да и не о чём было особо разговаривать. Всё те же девять человек поднялись по лесенке на второй этаж и толпились в туалете, мыли по очереди руки. К мыльнице Стас ре-

шил не прикасаться, просто сполоснул ладони. У зеркала висело вафельное полотенце для посетителей. «Вот это сервис» — подумал Стас, тряхнув пару раз кистями.

Прощающихся с Антоном разместили на среднем ряду, два остальных пока были свободны. Гусеницу из шести столов накрыли скатертью, тёtkи выносили по очереди тарелки с нарезками. Водитель протянул Стасу картонную коробку:

— Коллега ваш просил передать.

Внутри коробки звякнули бутылки.

— Вот же она! — взмахнула рукой женщина, что указала Стасу в церкви на семисвечник, — Расставляйте водку.

Стас поставил пять бутылок водки в разные концы стола. Интересно, зачем так много алкоголя? Впрочем, сейчас лучше подумать о месте за столом. Как бы подгадать, где окажется Безносюк и сесть от него подальше?

Водитель выбрал себе место на краю стола и барабанил по скатерти пальцами. Кажется, Безносюк не оценил юмор Максима и слушать его шуточки больше не захочет. Ну а Стас потерпит, чего бы не потерпеть? Для него это не худший вариант.

Безносюк пришёл, когда все уже сидели за столом и занял стул рядом с братом Антона. Поварихи вынесли кутью и блины, водитель Максим тут же свернул блин конвертиком, макнул его в мёд и отправил целиком в рот. Стас съел ложку кутьи. Кажется, последний раз он ходил на поминки лет десять назад. Кутья с тех пор осталась прежней: холодной, сладковатой, с раздутыми пузырьками изюма. Кто вообще придумал есть кутью на поминках?

Если у смерти действительно такой вкус, то нет в ней ничего торжественного и трагичного.

Подозрения вызывала не только кутья. Стас хлебнул пару ложек рыбных щей, покружила по тарелке разваренную лапшу с чёрными кусочками грибов, удержался и не сфотографировал гороховую кашу, наваленную в одну миску с недосоленной гречкой. Брат Антона поднялся и сказал несколько шаблонных фраз. Стас не прислушивался, так как на похоронах всегда говорят одно и то же. Неожиданная смерть, ужасная потеря, был прекрасным человеком... Обычно ещё отмечали, как много людей пришло на похороны, но в случае с Антоном этот аргумент не работал.

К Стасу подошёл мужик с бутылкой водки и предложил налить. Стас кивнул, мужик наполнил рюмку. Максим нагнулся поближе.

— Слушайте, Станислав... А вы не знаете, мы куда-нибудь ещё пойдем?

— Пейте, если хочется. Безносюк тоже будет пить. Он не заметит.

Водка оказалось тёплой. Стас не подумал заранее о закуске и зажинул в рот комок чёрного хлеба. Горечь спирта блуждала по пищеводу. Стас никак не мог прожевать хлеб. Тогда он подхватил вилкой кусочек помидора и отправил его к хлебу на помощь. Захотелось сплюнуть под стол.

Так ничего толком и не доев, Стас проглотил ещё одну рюмку. На голодный желудок его слегка повело, он выбрался из-за стола и пошёл курить. Максим бахнул стопку и с трудом сдерживал улыбку.

Стас разрешил водителю пить, потому что не собирался возвращаться в отель на автомобиле. Он тут же направился к перекрёстку, попыхивая айкосом. «А ведь это мой первый весенний день в

этом году» — думал Стас, щурясь на солнышке. В Петербург весна пришла лишь в последние выходные апреля, но Стас провёл их дома — у него простудились жена и дочка.

Стас изучал окраину Коммунара. По обе стороны аллеи тянулись дороги, размеченные автобусными остановками. В ларьках продавали пиво, жвачку, презервативы, пакеты, семечки, сухарики, батарейки, сигареты... Листва ещё не распустилась, кусты не стригли с прошлого года. Улицы, судя по всему, тоже подметали через раз. Апрельская грязь засохла и носилась пылью вдоль бордюров. От подъездов то тут, то там тянулись ржавые пандусы, но на этом удобства для родителей с колясками заканчивались. Стас представил, как пришлось бы петлять по разбитым дорогам, таскать коляску через бордюры и ему слегка полегчало. В Питере хотя бы делают спуски к пешеходным переходам.

Вместе с тем Стаса охватило любопытство. Какие здания, какие дворы ждут его за поворотом? Что вообще есть в этом районе, кроме супер- и алкомаркетов, ломбардов, салонов красоты и банковских отделений? Быть может, люди ходят по выходным в храм? Ездят каждое утро на какой-нибудь завод?

Впереди замельтешили неестественно яркие панельки с жирными швами между плит. Все — по девять этажей, с дешёвыми окнами и незастеклёнными балконами. На углу каждого здания Стас замечал примитивные граффити. Дома по левую сторону пометили аббревиатурой KNR, по правую — ST. Может, рэперы?

Внезапно воздух разрезало чьё-то пение. Стас остановился посреди улицы и посмотрел вверх. Текста он не различал, гласные разлетались по небу и стучались в стёкла новостроек. За домами город кончался, перед ним роился частный сектор, над избами торчала зелёная башенка с конусообразным куполом и полумесяцем наверху. Местная мечеть. Из динамиков лилось пение муэдзина.

Мечеть совсем не походила на ту, что построили рядом с метро «Горьковская». Крышу коммунарской мечети выкрасили металликом, а стены сложили из красного кирпича. Территорию огораживал забор из профлиста, окна прятались за густыми елями. Стас зажмурил глаза. Солнце пекло голову, он представил, как сидит со скрещенными ногами посреди пустыни. На горке из песка дымится турка с кофе. Неподалёку ревёт верблюд, в шатре перебирает ткани наложница. В голове Стаса поёт молитву муэдзин — и мелодия сбивается, в ушах жужжит рой чужих нот, струны лопаются и дрожат.

Стас потряс головой и различил мелодию из сериала «Солдаты». Звонил Безносюк.

— Ну и куда ты, бля, подевался?!

— Водка в голову ударила. Вышел проветриться.

Муэдзин затянул новую молитву.

— Тебя там вербуют, что ли?

Стас сплюнул на газон.

— Нет.

— Возвращайся давай. У нас ещё дело осталось.

— Я, кажется, потерялся.

— Ефрейторова, сто тридцать семь. Мы приедем через пятнадцать минут. — отрезал Безносюк и бросил трубку.

Стас вздохнул и полез смотреть маршрут в «GoogleMaps». Всю дорогу до Ефрейторова эхо молитвы тянулось за ним, а нагретая

улица напоминала заметённую пылью пустыню. Безносюк ждал Стаса у первой парадной, в его глазах поблескивал гнев. Стас успелпротрезверть и предчувствовал нагоняй, однако, Безносюк особо не зверствовал, лишь отметил:

— Как ты вообще до директора дорос с таким уровнем безответственности? Пошли, мы людей задерживаем.

В парадной был лифт, но Безносюк почему-то потопал пешком. Они проходили площадку за площадкой и Стас почувствовал, как между лопатками к пояснице юркнула струйка пота. Лицо Стаса налилось кровью. Наткнувшись на поток ветра из приоткрытого на площадке окна, Стас ощутил, насколько сильно взмок у него нос. Если бы он сейчас надел солнечные очки, то они соскользнули бы вниз и разбились о бетон.

Отдышавшись буквально за пять-шесть вздохов, Безносюк позвонил в одну из дверей. Стас поразился, как безопасник так быстро привёл дыхание в норму. Нет, он точно не человек.

Им открыла женщина с похорон Антона. Она уже сняла платок, но чёрную кофту пока не переодела.

— Нашёлся коллега? — спросила она Безносюка, хотя смотрела на Стаса.

— Как видите.

— Сейчас, секундочку.

Женщина огляделась по сторонам и двинулась к дореволюционной ещё горке, однако, на полпути развернулась и наклонилась к сумочке. Пошебуршав в ней руками, достала связку ключей. Безносюк протянул навстречу руку, но женщина одёрнула связку.

— Через порог... — сказала соседка.

— Не понял?

— Через порог не передают.

Безносюк посмотрел на порог и аккуратно через него перешагнул. Женщина тут же отдала ему ключи.

— Благодарю. Через десять минут вернём.

— Только...

— Не волнуйтесь. Мы ничего не тронем.

Безносюк так же аккуратно, будто боясь разломать порог, вернулся на площадку. Женщина прикрыла дверь. Стас всё равно чувствовал, что она наблюдает за ними в глазок — и наверняка жалеет, что на дверном заводе не сделали отверстие побольше.

Безносюк встал спиной к глазку. Стас шепнул ему:

— А что мы вообще делаем?

— Внутри скажу.

Безносюк открыл дверь с первой попытки. Он не выбирал ключи, не примеривался к скважине, будто жил здесь уже много лет и знал последовательность действий наизусть. Безносюк пропустил Стаса вперёд. Солнце было в окна квартиры. К спине Стаса прилипла рубашка.

— Значит, слушай. У Антона тут остались документы. Нам нужно найти папку с тендером и все бумажки, что связаны с «Educatee». Ты осматриваешь коридор, я комнату. Принял?

Стас кивнул. В квартире царил беспорядок: постель была незастелена, всюду валялись пластинки, у входа сгрудилась обувь. Стас никогда бы не подумал, что Антон такой неаккуратный. Он-то считал его перфекционистом.

Стас обшарил тумбочку у входа. Пусто. Рюкзак на вешалке тоже оказался пустым. Стас заметил антресоль над шкафом и сходил на кухню за табуреткой. Тарелка на обеденном столе поросла плесенью. Стас поморщился.

На антресолях валялась куча хлама, но зелёную тетрадку Стас заметил сразу. Она лежала в ближнем углу, наспех прикрыта олимпийкой. Стас достал тетрадку и приоткрыл её. Месяцы, числа, доходы-расходы... «*Что-то накатило вдруг ночью, решил написать о том, что совсем недавно я был молодым и глупым, а сейчас, в тридцать два года, мне кажется...*». Стас оглянулся на Безносюка. Тот поочерёдно проверял ящики в «стенке». Стас засунул тетрадку поглубже. Эти тайны не для коллег.

Стас слез с антресоли и махнул рукой Безносюку.

— Нашёл что-то?

— Нет.

— Точно хорошо посмотрел?

— Точно.

— Пошли.

Под мышкой у Безносюка торчала папка. Он огляделся последний раз, подхватил табурет и вернул его на место, причём, поставил именно туда, где он стоял раньше. Стас уже не удивлялся. Как ни в чём не бывало Безносюк выгнал Стаса из квартиры и попросил его подержать папку.

— Звони соседке.

Соседка снова открыла моментально. Безносюк протянул ей связку.

— Нашли что искали? — участливо спросила тётка.

Безносюк кивнул. Стас маячил у него за спиной.

— Ну и слава богу!

— Спасибо, до свидания. — сказал Безносюк.

— Доброй вам дороги.

Стас попрощался, но соседка на него не отреагировала.

— Чего это она такая вежливая? — спросил Стас на улице.

— Две тысячи рублей творят чудеса. — бросил в ответ Безносюк.

— А где брат? Почему ключи у соседки?

— Он сразу улетел, ему завтра на работу. Водилу я уже отпустил. Вон такси приехало.

— Я с ним даже не попрощался. — зачем-то сказал Стас.

— Нечего было сбегать.

На этот раз в салоне играло радио «Дача» — худшее из всего, что можно найти в FM-диапазоне, но Стас уже знал, что дорога не займёт много времени, поэтому терпел. Часы показывали 17:10, солнце немного успокоилось. В тени проглядывало истинное лицо города: серая, неприветливая панельная масса, не дарящая жителям ничего, кроме апатии и тревоги. На фоне окраинного уныния отель действительно выглядел дворцом.

— Я прогуляюсь. — сказал Стас Безносюку у входа в гостиницу, — Карточка у меня есть.

— Много не пей. — ответил Безносюк и последовал в холл.

Стас скрчил рожу у него за спиной и достал телефон. Он уже знал, что будет делать дальше.

В ирландском пабе на первом этаже гостиницы крутили повтор одного из футбольных матчей, но никто его не смотрел. Долговязый официант протянул Стасу кожаную папку с меню, он не глядя заказал «Гиннесс». Алиса взяла себе сидр. Хоть она и прилетела на родину три дня назад, на похороны решила не идти — побоялась, что у Безносюка снова возникнут вопросы.

— Как ты? — первым делом спросила она Стаса.

— Как? Да никак. Еле вынес это всё. Безносюк...

— А как он? — перебила Алиса.

— Безносюк? — удивился Стас.

— Да нет! Антон.

Стас махнул, не желая описывать увиденное словами. Алиса опустила взгляд.

— На похоронах было восемь человек, представляешь.

— Наверное, все друзья остались в Петербурге. Он упоминал как-то, что редко здесь бывает. Точнее, бывал...

Стас посмотрел на бильярдный стол, над которым танцевала пыль.

— Знаешь, у некоторых людей есть друзья, которые и во Владивосток прилетят из какого-нибудь Калининграда. Но к Антону почему-то никто не прилетел.

Алиса отпила пару глотков из стакана.

— А кто был?

— Я, Безносюк, брат с женой, соседи, тётка какая-то... И пацан лет семнадцати.

Алиса поджала губы.

— Правильно сделала, что не пошла. Ему уже всё равно, а тебе ещё в холдинге работать.

Алиса посмотрела на Стаса грустными глазами. Стас вздохнул и схватился за меню.

— Не хочешь крепкого? Что-то так погано.

В итоге выбрали ром. Увидев цены, Стас попросил сразу шесть или восемь рюмок. Ром, в отличие от водки на поминках, подали прохладным, на закуску принесли нарезанное дольками яблоко. Стас щёлкал один шот за другим, морщился, но говорил, не переставая. Алиса его не перебивала.

— Вот так живёшь-живёшь... И что в итоге? Вот в чём смысл, Алис? Антон родился, рос, работал в разных компаниях — и я тебя уверяю, через пять лет его могила зарастёт травой, а через десять его никто уже не вспомнит. Больше того, в «Educatee» не останется ни одного человека, который был бы с ним знаком. Да и самого «Educatee», может быть, уже не станет. И ладно Антон! Ты знаешь, кто такой Дмитрий Лавриненко?

— Нет. Он из «Educatee»?

— Вот-вот... — вздыхал Стал, — Это самый результативный танковый ас Второй Мировой, он уничтожил пятьдесят две машины противника. Пятьдесят две, Алис! И его уже никто не помнит, а ведь это не Антон, он принёс пользы намного больше Антона! А короли, ханы, герцоги — их кто вспомнит через тысячу лет? Рано или поздно забудут Петра Первого, Толстого, кто там ещё у нас... А если потомки про тебя забыли, то ты, получается, и не жил? На Земле побывало сто с лишним миллиардов человек. Сто, представляешь? Каждый из нас лишь пылинка.

Алиса смотрела на дно стакана с сидром.

— Да у тебя, похоже, экзистенциальный кризис.

— Да нет у меня никакого кризиса. Извини, что загрузил. После кладбища накатило.

— Да ничего, я тебя понимаю. Сама уже много о чём подумала. А ты с ним не общался вне работы?

— Нет, ни разу.

— А он тебе ничего странного не рассказывал?

— Нет, с чего бы?

— Не знаю. Его смерть выглядит странно. Особенно здесь, в Коммунаре.

— Такое случается сплошь и рядом. Вот у меня одноклассник, например, выпил аспирина с анальгином, а через час шлифовал двумя бутылками пива под футбол и задремал в перерыве. Через сутки закопали.

— Мне кажется, Антон следил за здоровьем. — не сдавалась Алиса.

— Слушай, если хочешь узнать подробности... Ладно, так уж и быть, расскажу, — Стас отодвинул от себя пустые рюмки, — Я сегодня был у него в квартире.

Алиса встрепенулась.

— И что там?

— Да бардак там, вот что. Но мы там забирали... В общем, неважно. Я нашёл дневник Антона, но Безносюку не показал.

— А сам прочитал?

— Нет, иначе Безносюк бы заметил.

— Блин, Стас! — Алиса пригнулась к столу, — Где он жил? Мы должны туда поехать!

— Да куда, ты чего! — Стас замахал руками, — Мы же пьяные!

Но Алиса уже открывала приложение.

— Никаких но! Говори адрес.

Стас сопротивлялся только для вида. Всю дорогу до отеля он жалел, что не прихватил тетрадь с собой. Нужно было сунуть её под ремень брюк и прочитать в Петербурге. Антону уже всё равно, а Стас хотя бы узнает его получше. Дневник — последний шанс. Всё-таки, они работали вместе, сидели в одном кабинете.

— Блин, вот я дура! — сказала Алиса, когда во второй раз за день перед Стасом выросла девятиэтажка номер сто тридцать семь по улице Ефрейторова, — А как вы попали внутрь? Там вообще кто-то есть сейчас?

— Мы взяли ключи у соседки.

— Она тебя запомнила?

— Наверное.

Алиса протянула Стасу пачку «Орбита».

— Держи жвачку. Жуй и пошли. Выпросим ключи ещё раз.

Как только Стас позвонил в дверь соседки Антона, его сковал страх. Что он ей скажет, пьяный и с какой-то девкой? Прогонит, как пить дать. И ментов ещё вызовет до кучи.

Однако, Стасу и Алисе повезло. Дверь без дежурного вопроса «Кто там?» открыл соседкин муж.

— Здрасьте! — прошипел Стас и внутренне встряхнулся, подобрался, — Я коллега Антона, помните меня? Мы у него в квартире одну вещь забыли. Нам бы это... ключи.

Стас закончил и замер. Не самое лучшее его выступление. Муж медленно перевёл взгляд на Алису. Кажется, он их раскусил.

— Надо же, как похорошел ваш начальник. — отметил он с каменным лицом.

Алиса со Стасом похихикали.

— Извините, сегодня нельзя шутить, наверное. — продолжил мужик, — Люда в ванной, но она недолго. Проходите, подождёте её тут, чего на площадке стоять.

Стас переступил через порог и на секунду вспомнил Безносюка. Что он там сейчас делает? Бухает, наверное, что же ещё.

Муж соседки не знал, куда себя деть. Он постоял к ним спиной, делая вид, что смотрит телевизор, хотя по его напряжённой фигуре было заметно, что он размышляет, как вести себя дальше.

— Может, чаю? А то чего в коридоре стоять.

Стас кивнул. Чай был очень кстати. Муж подождал, пока гости сковырнут обувь и проводил их на кухоньку, большую часть которой занимали стол и диван-уголок. Он торопливо разлил две кружки чёрного чая. Гости буркнули «спасибо».

— Ну, я пойду. Люду предупрежу, что вы тут ждёте. Она уже сейчас выйдет, пять минут.

— Хорошо! — ответила ему Алиса, — Приходите потом пить с нами чай.

Мужик засмущался.

— Да я больше по кофе. Да и у меня там... Ладно, в общем.

Он махнул рукой и утопал в коридор. Алиса тут же наклонилась к Стасу.

— Когда соседка спросит, зачем ключи — молчи, понял?

От Алисы пахнуло алкоголем. «Надо же, у девушек тоже так бывает» — подумал Стас, а сам ответил:

— Молчу.

Он отхлебнул остывающий чай, взял ложечку и ввалил в кружку три порции сахара. Стас размешивал чай, пытаясь не задевать стенки кружки, но ничего, конечно, не получалось, руки его не слушались. Алиса старательно жевала жвачку.

Соседка предстала перед ними в велюровом халате, её голову венчало полотенце, а кожа порозовела от пара. Соседка увидела гостей и замерла.

— Здравствуйте, Людмила. Простите, я не запомнил, как ваше отчество.

Пытаясь вести себя уважительно, Стас привстал с табурета, но ударился бедром о стол. В стакане звякнула ложка, чай закачался в кружке и пару раз выплеснулся на клеёнку.

— Евгеньевна... — ответила соседка.

Она не закрыла рот до конца и выглядела немного дебиловато.

— Нас впустил ваш муж. — пояснил Стас, присев обратно на табурет.

— Он сказал, что предупредит вас. — добавила Алиса.

Людмила Евгеньевна спохватилась и захлопнула рот. «Секундочку» — сказала она и удалилась в зал.

Алиса приложила палец к губам.

— Ты чего мне не сказал, что (*неразборчиво*) люди?

— Я сказал! — сквозь бубнёж телевизора откликнулся муж.

— *Неразборчиво*.

— Я думал, ты услышала. Зачем закрываешься-то?

Людмила Евгеньевна приплыла обратно.

— Вы извините, — тут же продолжил Стас, — Мы не хотели вас ещё раз беспокоить, но...

Но Людмила Евгеньевна снова потеряла к Стасу интерес. Её лицо растянулось в улыбке, она слегка наклонилась к Алисе:

— Представляете, муж сказал мне, а я не услышала! Вечно буркнет и уйдёт телевизор смотреть, вот я и растерялась!

Алиса энергично закивала.

— Извините ещё раз. Я Алиса. Я... Я коллега...

И тут Алиса оборвала фразу, опустила голову. На стол упали две слезинки. Людмила Евгеньевна непонимающе посмотрела на Стаса.

— Алиса работала вместе с Антоном. — пояснил он.

Соседка беззвучно произнесла «Аааа» и положила ладонь на плечо Алисе.

— Ну-ну, детка, не плачь...

Алиса выждала пару секунд, выпрямилась и вытерла тыльной стороной пальцев слёзы под веками.

— Простите! Перенервничала. Я опоздала на похороны. Самолёт задержали.

Стас тут же протрезвел. Соседка уже подливала кипяток в кружку Алисы.

— Вот, горяченького хлебни. Дурак старый, дал пустой чай людям!

И Людмила Евгеньевна открыла холодильник, вытащила оттуда пирожные с кремами ядовитых цветов, которые издали смахивали на имбирь и васаби. Она поставила перед ними две сервизные тарелки.

— Ешьте сладкое! Хоть чуть-чуть, а поможет.

Стас срубил ложкой половину пирожного.

— Сейчас приду, сейчас, секунду! — продолжала хлопотать соседка.

Алиса хитро взглянула на Стаса. Он убедился, что в коридоре никого нет и повертел пальцем у виска.

Когда соседка вернулась, Алиса поблагодарила её за чай.

— Вы знаете, я так и не попрощалась. Антон взял меня на работу, столькуму научил. Мы дружили с ним всё это время.

Соседка кивала, но почему-то внутренне напряглась. «Догадалась, старая ведьма!» — понял Стас, — «Ловит Алису на лжи!».

Но поведение Людмилы Евгеньевны тут же изменилось, как только на кухне появился худощавый парень в синих трико и невнятного цвета футболке. Он буркнул «Здрасьте!» и тут же полез в ящик кухонного гарнитура. Соседка оживилась.

— Лёша, посиди с нами! Попей чайку. Это друзья Антона.

Лёша достал с полки кружку, но не обернулся. Костлявые локти, сутулая спина. Настолько бледный, что аж сливается с белым гарнитуром.

— Лёша, вот сахар! — соседка указала ладонью на стол.

Стас поднялся.

— Я постою, садитесь.

— Да не-не! — вяло отмахнулся Лёша, — Сидите, не надо.

— Лёша, это Алиса, она работала с Антоном. — пролепетала соседка.

— Ма, я пойду.

— Ну посиди с нами хоть минутку!

— Меня там ждут.

Отмазываясь на ходу, Лёша исчез в коридоре.

— Он так-то хороший мальчишка. Застенчивый только. — хихикая от неудобства, сказала соседка Алисе.

— Людмила Евгеньевна, — Алиса сменила тон на предельно серьёзный, — Мне неудобно вас просить, но Стас сказал, что вы можете мне помочь.

Стас посмотрел в окно, закрытое плотным тюлем. «Блять, выброситься что ли от стыда» — подумал он, — «И не видеть этого цирка».

— У Антона дома осталась одна вещь, она очень мне дорога. Что это за вещь, я сказать не могу, — секрет. Стас видел её сегодня и хотел даже забрать, но ему не разрешил наш начальник. Вы видели его, он такой...

— Да-да, конечно, видела! Седой такой. Мордатый.

Стас удивился. Мордатый! Надо же, как метко.

— Не могли бы вы дать нам ключи ещё раз? Стас покажет, где лежит вещь. Я ведь так и не попрощалась. Хоть что-то останется на память, понимаете?

— Да берите, конечно, Алисочка!

Соседка поправила полотенце на голове и снова ушла куда-то без предупреждения. Стас доел пирожное и пытался соскрести с блюдца остатки крема. Алиса дёрнула его за рукав:

— Не залипай, пошли! Протрезвел, что ли? Ну у тебя и видок. Будто из окна сейчас выбросишься.

Стас ошалело взглянул на Алису. Мало ему дьявольского Безносюка!

Соседка, конечно же, вернулась не только с ключами, но и с сыночкой.

— Лёша вас проводит!

«Куда? В соседнюю квартиру?» — хотел воскликнуть Стас, но сдержался. Они обулись и вышли в подъезд. Соседка их разве что не перекрестила.

Лёша долго возился к замком, бурча себе что-то под нос. Стас заметил, что фигурой он пошёл в отца — минут десять назад такой же сутулый человек не знал, куда себя деть, предлагая гостям чай.

Пока сын соседки открывал дверь, Стас с Алисой напряжённо размышляли, как незаметно забрать тетрадку. Стас не придумал ничего лучше старого доброго запугивания. Сказать ему пару ласковых — что он сделает? Маме пожалуется?

Но Алиса придумала план поизящнее. Она потыкала пальцем в дисплей смартфона. Стас догадался, достал из кармана телефон и прочёл её сообщение:

«Я уведу его в другую комнату, а ты забери тетрадь».

Стас показал Алисе большой палец. Замок никак не поддавался. Лёша опустил руки.

— Не получается. Извините, я в таких делах Алёша.

— Да мы уже знаем, что ты Алёша... — пробормотала Алиса.

Она явно не поняла соседского сына, а вот Стас понял всё с полуслова. Его лицо расплылось в улыбке.

— Ничё страшного! Давай ключи, наша рота сейчас зерг-рашем попробует.

Лёша оживился. Стас осмотрел ключи: оба были похожи. Лёша не только перепутал верхний замок с нижним, но и пихал ключ не той стороной. Стас быстро открыл дверь и без колебаний зашёл в квартиру Антона.

Лёша не выдержал первым.

— На чём катаете?

— На тяжах в основном. Т57 или ТТ10. А ты?

— Я по САУ загоняюсь. А в клане на бабахе.

— Американскую арту уважаешь?

— Не, я больше по британцам. У американцев динамика ниже среднего.

— Зато разовый урон какой, да и сплэш отличный. Ну и душняк тут, — Стас огляделся, — Пошли на балкон, я покурю. А девчонка пока поплачет тут, окей?

Лёша охотно кивнул, явно желая возразить аргументам Стаса об американской арте. Стас дёрнул ручку балкона вверх и пропустил Лёшу вперёд, а затем, не заходя следом, захлопнул дверь и подхватил с кухни табуретку.

Алиса засмеялась и скривила соседскому сыну рожу. Стас забрался на антресоль и выудил оттуда тетрадку, тут же отдал её Алисе. Алиса спрятала тетрадку запазуху и Стас развёл руки в стороны. Извини, мол, Лёша. Сам лоханулся.

Пока они бежали до соседнего двора, Алиса заливалась смехом.

— Боже, Стас, как тебе в голову такое пришло?

— Да не знаю, — Стас притормозил на секунду, чтобы отдышаться, — Сначала хотел вместе с ним выйти, а тебе сообщение в телеге написать, подсказать, где тетрадка лежит. Но стало лень печатать. Подумал — можно же проще! Балкон не открывается изнутри.

— Представляю глаза его матери! Интересно, у него телефон с собой?

— Да она прибежит через десять минут, если уже не прибежала. По-любому к глазку прилипла.

Солнце цеплялось за крыши панелек, последние лучи мелькали на рыжих волосах Алисы. Ей шла пьяноватая... Не то улыбка, не

то ухмылка и Стас подумал, что смерть Антона поразила его исключительно потому, что Антон был молод, ведь смерть — это то, что приходит на закате, что случается с седыми, морщинистыми стариками, которым давно уже не в радость собственное существование. И Алиса даже теоретически не могла присутствовать на похоронах Антона, потому что красивой, молодой девушке с такой улыбкой, с такими волосами, с хитринкой в зелёных глазах нечего делать в гостях у смерти, среди венков, могил и восковой фигуры в гробу из цельного дерева.

— Фух, никак не успокоюсь. — отдувалась Алиса и откидывала чёлку в сторону, — Видел бы ты его лицо!

Стас шёл рядом, почти вплотную — и взял Алису за руку. Алиса резко остановилась и Стас потянулся обнять её за талию, но Алиса отшатнулась назад и в руках у неё тут же появился... Дезодорант?

— Сделаешь хоть одно движение — залью баллончиком! — сказала она и Стас понял, что никакой это не дезодорант. Это перцовка.

— Надо ж было всё испортить. Урод!

Алиса развернулась и ускорила шаг, практически убегая в арку, через которую была видна дорога и пролетающие изредка автомобили. Стас остался стоять один посреди двора. Он смотрел, как Алиса убегала, её волосы раскачивались на ходу, но уже не блестели — солнце окончательно скрылось за домами и двор погрузился в сумрак. Стас развернулся и потопал наугад вглубь микрорайона.

Из будки «Охрана двора» как сумасшедший орал телевизор.

Глава 10

Клякса ночи расположилась по однокомнатной хрущёвке, поглотила предметы, вещи, сгладила углы и стёрла линии. Редкий человек захотел бы вылезать в такое время из кровати, опускать ногу в бездну и брести на ощупь в соседние комнаты. Люди крепко спали, а те из них, что просыпались по нужде, решали дотерпеть до утра. Но в этой квартире происходило нечто странное. Дверца ходильника «Пион» белела в темноте и двигалась по дуге с едва различимым скрипом. Наконец, она ударила о стену и Антон увидел старушку в обвисшей ночной рубахе. Она вцепилась руками в бутылку и хлебала молоко прямо из горлышка. Антон потряс ключами. Старушка перестала пить, замерла. Будь она жива, потеряла бы от страха сознание.

— Пойдём, Раиса. — произнёс Антон как можно спокойнее, — Нас ждут.

— Не пойду. — пролепетала старушка. — Зачем? Я здорова.

— Ты умерла. Ты же читала письмо, Раиса.

— Ничего я не читала! — наврала Раиса.

— А на столе в зале что лежит?

— Это ошибка! Я здорова!

Антон расслышал в её ответе истеричные нотки.

— Нет, ты умерла.

— Я пью молоко!

— Потому что ты умерла. Иначе бы тебя стошило.

— Нет, я выздоровела! Всё в порядке!

На лицо умершей падал свет уличного фонаря. Кожа обтягивала череп, делая старушку похожей на скелета, глаза округлились на фоне исхудалого лица, голову прикрывал едва заметный пушок. Эта драться не станет... Антон шагнул вперёд и схватил старушку за руку чуть выше локтя. Его пальцы сомкнулись в замок и старушка выпутила глаза, беззубый рот растянулся чёрной дырой. Антон сжал ладонь ещё сильнее и старушка обмякла, осела на подранный линолеум. Бутылка упала и молоко, чавкая, полилось на пол. Антон положил старушку на пол, достал из куртки виниловые перчатки, надел их и только потом схватил умершую под мышки. Одинокая онкобольная с метастазами в печень — такой не до гигиены.

Старушка оказалось легкой как пушинка. Антон без проблем поставил её на ноги и потащил к выходу. Умершая перебирала ногами, но самостоятельно идти не могла. Антон наступил в лужицу молока.

Двадцать пять.

Шестьдесят восемь.

Семьдесят два.

Их число разнилось день ото дня, но никогда не превышало сотню — тех, кто умер, закончил свой жизненный путь, иссяк или отмучился. Далеко не каждому повезло уснуть, нет! Многие годами принимали поставленный им диагноз, стонали об боли, лезли на стенку от мучений, но потом, испытав главный катарсис в жизни,

забывали о страданиях. Иссохшей старушке казалось, что она излечилась от болезни назло врачам и прогнозам, что теперь ей можно кушать любые продукты, что кости не ломит, что наступила вторая молодость, которую жизнь даровала ей за отвагу и терпение. Увы, это были всего лишь последние всполохи жизни, вы свобождение остатков эндорфина. Через несколько минут такие, как она, неизменно оседали на подранный линолеум своих хрущёвок и уже не вставали вплоть до прибытия на базу. Иссохшей старушке повезло, из сегодняшних мёртвых именно она послужит наблюдателям. Как и хотела, она продлит своё нахождение на планете Земля.

— Куда мы едем, сынок? — заискивающее спросила старушка у микроавтобуса и Антон выдохнул, расслышав в её голосе характерные для пожилых женщин кроткие нотки.

— Не волнуйся, Раиса, тут недалеко. Чуть дальше рынка.

Сергей, не отрываясь, следил за ним с водительского сиденья. Наткнувшись на взгляд Антона в зеркале заднего вида, он удовлетворённо кивнул.

Раису определили в самый маленький домик на задворках базы, в тёмное время суток похожий на склеп. На крыльце их встретил Валентиныч. Не брезгая, он приобнял старушку и шептал ей что-то на ухо. Старушка всхлипывала. Антон закурил, морщась от прилипшего к нему ещё в квартире сладковатого запаха пота. Присевший на крыльцо Сергей усмехнулся.

— Что, менеджеришка, неприятно?

— А ты кайфуешь от таких заданий, да?

Сергей деланно развёл руки в стороны.

- Смерть у всех разная. Не всем же, как тебе, умирать молодыми и красивыми.
- Ну и жаль, что не всем. Умирать лучше лет в сорок-пятьдесят, в расцвете сил. И желательно, в бою, как викинги.
- Ты хоть раз в жизни дрался, воин?
- Это не имеет значения. Мы не в Средневековье.
- Как выражается Валентиныч, ты «заложник общественных стереотипов». По-твоему, мужику стрёмно умереть старым в собственной постели с трубкой в мочевом пузыре, да?
- Да.
- Вот поэтому ты ещё свежачок. Не избавился от дури, что напихали тебе за тридцать лет в башку.
- Хватит меня учить! — возмутился Антон, но тут же сбавил тон,
- Зачем нам эта старушка?
- Бросим её под машину одному офицеру, чтобы он ушёл пораньше в запас.
- Вы ещё у кровати её поорите! — прошипел вышедший из домика Валентиныч. — Сергей, отойдём.

Сергей неохотно поднялся с крыльца. Они забунчали в сторонке. Антон не слышал разговора, но понимал, что кураторы обсуждают его. Прикинувшись безразличным, Антон уставился на домик. Не могли уйти к Валентинычу в кабинет, что ли? Антон старался учゅять вокруг домика траурную энергетику, ждал появления ворона, севшего на крышу, таинственного свечения фосфора или заутробного пения, но не замечал ровным счётом ничего, лишь в

небольшом окошке колыхались блики от комнатной лампадки. Антон моргнул и чуть не вскрикнул. Кураторы снова стояли возле него.

— Ты неплохо справился, — сказал Валентиныч — Теперь получишь задание поважнее. К нему нужно подготовиться. У вас всего пара часов.

Подсобка с инвентарём, куда Сергей привёл Антона, напоминала заросшую хламом кладовку. Сергей чертыхался и одновременно с этим вводил Антона в курс дела.

— Помнишь, на выезде из города стоит модульный заводик? Ты по-любому его видел, прямо по дороге из аэропорта построили. Там делают пластиковые пакеты, хозяина зовут Артур. Пока всё понятно?

— Ты издеваешься? — спросил Антон.

— Немного. — признался Сергей. — Ладно, давай дальше. Уже три года Артур наблюдает, как у бывшей любовницы Саши растёт их общий сын. Блять, да где эти халаты? Сказал, в чёрной сумке... Так тут всё чёрное! В общем, муж Саши об этом, конечно, ничего не знает. Сама Саша либо не отвечает на звонки, либо просит Артура оставить её в покое и бросает трубку. Так вот, после очередной бессонной ночи с бухлом в обнимку, Артур решил забрать ребёнка себе.

— Ты мне эпизод из шоу Малахова пересказываешь?

— Так это мы ему истории и сливаем.

«По-любому наврал» — засомневался Антон, но решил дальше не препираться, лишь кивнул и спросил, что конкретно нужно будет сделать.

Утром субботы наблюдатели пришли в семейный ресторан грузинской кухни «Чабрец». Жара всё не отступала, поэтому Сергей с Антоном выбрали столик подальше от окна, где солнце не слепило и без того раздражённые глаза. Ресторан пустовал, лишь владелец завода по производству пластиковых пакетов Артур сидел за барной стойкой, глотал кофе и посматривал по сторонам. Наблюдатели отказались от меню, попросили два капучино и принялись следить за Артуром, переговариваясь для вида. На кухне ресторана гремела посуда, мимо окон носились туда-сюда немые автомобили и Артур то расстёгивал пуговицу на воротнике рубашки, то застёгивал её обратно — с таким старанием, что в любой момент мог оторвать эту пуговицу с корнем. Ему явно не сиделось на месте: наёрзвшись вдоволь, он брякнул чашку о блюдце, сполз с барного стула и понёсся в уборную.

— Время. — скомандовал Сергей.

Антон поспешил к барной стойке. Загрузив зёрна в кофемашину, бармен стоял к залу спиной и не заметил появления клиента. Антон схватился за полупустую чашку кофе, но в этот момент из кухни вышла официантка. На подносе она несла два капучино.

— Это не ваше, молодой человек. Ваше вот, на подносе!

— Извините. — буркнул ей в спину Антон, аккуратно поставил чашку на блюдечко и вернулся за столик.

Пока Артур сидел на унитазе, в его чашке шипела таблетка. Антон незаметно покатил её из рукава халата.

— Всё чётко. — похвалил Антона Сергей и поправил стетоскоп.

Артур вышел из туалета, на ходу затягивая ремень. Даже не сел — прислонился к барному стулу поясницей и махом допил содержимое чашки, после чего указал пальцем на дно и сказал что-то бармену. Видимо, заказал ещё.

— Внимание, — прозвучал в наушнике голос Володи, — Они подъехали.

В дверях кафе появилась молодая семья. Отец вёл за руку мальчишку, который еле дотягивался ручкой до ладони отца и семенил рядом с ним на цыпочках. За мужчинами шла женщина в солнцезащитных очках. Они хором поздоровались с официанткой, окинули взглядом помещение и решили сесть у окна — там, где солнце светило ярче всего. Бармен принёс им детский стул, официантка разложила меню. Муж принял листать книжечку с блюдами, периодически спрашивая у мальчишки, что он хочет.

— Будешь булочку и суп?

В этот момент Артур вырвал пуговицу с корнем, оттолкнулся от барной стойки и направился к семье. Антон вцепился в край стола. Не пройдя и трёх метров, Артур осел на пол, попытался встать, но тут же повалился окончательно. Заметив боковым зрением что-то неладное, молодой папа поднял глаза и замахал официантке.

— Девушка! Тут человеку плохо!

Сергей вылез из-за стола.

— Пора!

Антон понёсся за ним следом. Молодой папа, хотевший было подбежать к Артуру, увидел людей в медицинской форме и остался на месте. Антон грохнулся на пол раскладку, Сергей схватил Артура за подбородок.

— Мой... — хрипел Артур, — Мой ре... бё...

— Плохи дела! — нарочито громко произнёс Сергей, — Антон, зови Володю!

Володя сидел за рулём припаркованного микроавтобуса и ждал отмашки, но Антон исполнил роль до конца.

— Делаю вид, что ты не в курсе происходящего. — подбежав, сказал он Володе.

Ручки носилок нагрелись через заднее стекло автомобиля. Сами носилки пришлось заносить в ресторан боком, придерживая дверь задницей. Артур лежал на правом боку, под голову ему сунули чей-то рюкзак и расстегнули рубашку на груди. Володя постелил на носилки одеяло.

— Бери за ноги! — приказал Сергей Антону.

Мать ребёнка стояла рядом, изрядно побледнев. Значит, узнала. Не могла не узнать.

— Держу его на боку. Поднимайтесь! — распорядился Сергей и обернулся к официантке, — Девушка, вы уж извините, мы попозже заедем, расплатимся. А то он может не дожить.

— Я оплачу счёт. — тут же вызвался муж.

— Спасибо. — поблагодарил его Сергей, — Выносим.

Официантка обогнала наблюдателей и придержала им дверь.

— Он мо... Ребёёё... — хрипел Артур, пока Володя открывал заднюю дверь.

— Твой-твой... — бурчал Сергей в ответ, — Официантка стоит и смотрит, овца. Надеюсь, ничего не заподозрит.

— Ну, надо было додуматься вместо кареты скорой помочи прислать нам микроавтобус с тонированными стёклами! — ответил Володя.

— Кто ж знал, что Валентиныч не успеет скорую достать?

Солнце нагрело кожаный салон, было жарко и душно. Хотелось спать. Сергей тряхнул Антона за плечо.

— Не время кемарить! Соберись.

Артур мычал и дёргался, но не мог подняться даже на четвереньки.

— Не переборщили мы? — спросил Антон, чтобы отбросить сон, хотя сам уже знал — не переборщили, ошибки быть не может. — А то отъедет сейчас ещё.

— Не должны. Но это в любом случае не самая ужасная смерть. Я примерно так же умер.

— Всю ночь жрал вискарь, а утром пошёл похищать ребёнка?

— Ты в КВН случаем не играл в студенческие годы?

Антон знал, что Сергей злится для проформы, соблюдает субординацию. Не назвал «свежачком» — уже хорошо.

— После работы взял в магазе банку пивка, шёл себе неспешно домой. Там идти-то... Пять минут. Два двора, школьный стадион — и вот она, моя девятиэтажка. На школьном перед глазами полыхнуло, боль резкая, как будто кто-то по затылку тюкнул. Очнулся — лежу лицом вниз на асфальте, рожа разбита, рядом пиво растеклось. Начал вставать. Сел на корточки, а дальше никак. Ноги не слушаются, тело качает.

— И что, наблюдатель поднял?

— Не, для наблюдателя рано ешё. Парень с девкой мимо шли, подбежали, предложили помочь. Паренёк хиленький оказался, еле меня поднял. Они вдвоём допёрли мою тушку до лестницы у чёрного входа. Порывались скорую вызвать, но я отказался наотрез — неудобно было, да и не лечился я никогда толком. Ерунда, думаю, переработал. В отпуск пора.

Артур снова захрипел и задрыгал ногами. Сергей наступил ему на хребет.

— Посидел, значит, полчасика, потом дозвонился до соседа. Они меня с тестем затащили в квартиру, положили на диван. А с утра сосед заглянул перед работой — я холодный лежу. Инсульт.

— Такое себе.

— Да уж, приятного мало. Но я-то на самом деле ночью проснулся, пить захотел. Дома воду отключили, ну, я оделся и пошёл в супермаркет за минералкой. Там меня Валентинич поймал на входе.

— И чего, послал его?

— А его все сначала посылают, только вот домой больше никто уже не попадает. Ключи не подходят. Ну ты в курсе.

И на этом Сергей замолк, задумался о чём-то своём. Антон рассматривал чёрную водолазку Артура, покрытую пылью и катышками. Катушки походили на блошек, скачущих по шерсти туда-сюда, соревнующихся в...

Сергей дёрнул Антона за рукав и он снова проснулся.

— Помоги перевернуть. — попросил Сергей.

Антон приподнялся и тут же улетел к двери.

— Володя, осторожнее! — закричал Сергей — Сейчас Антон себе сломает что-нибудь, ты чинить будешь?!

— Чё я сделаю, тут дорога хуже, чем на кладбище! — огрызнулся Володя.

На этом пути заканчивалась цивилизация. Из-за холма выглядела деревня, доживающая свой век по соседству с городом. Домишкы жались к склону холма, увенчанного деревенским кладбищем, а по равнине петляла небольшая речка, заросшая плотным кустарником. Сергей с Антоном скинули халаты и остались в таких же, как у Артура, чёрных водолазках, джинсах и лакированных ботинках. Наконец-то можно было достать солнечные очки.

Речка тянулась от деревни вплоть до Коммунара, где впадала в Волгу. Наблюдатели стояли на берегу недалеко от холма и смотрели, как Артур пытается встать на прогнившие мостки. Он пых-

тел и не обращал внимания на то, как Сергей подаёт Антону бейсбольную биту. Антон таращил глаза и мотал головой.

— Бери! — шипел Сергей.

Антон сцепил руки за спиной и мотал головой активнее. Сергей схватил его за шею.

— Ну?!

Антон всё же нехотя взял биту. Сергей подтолкнул его вперёд. Артур наконец-то выпрямил ноги и стоял, согнувшись, стараясь оторвать руки от земли. Антон завёл биту за голову, зажмурился и замахнулся. С каждой секундой бита становилась тяжелее. Руки, наоборот, слабели.

— Не переходи нам дорогу! — произнёс Сергей.

— Ш-што? — прохрипел Артур.

— Продай завод! — добавил Сергей.

Антон махнул битой и не глядя опустил её Артуру на голову. Бизнесмен охнул, Антон открыл глаза. Артур сидел на четвереньках и держался рукой за плечо. Антон промахнулся.

Сергей вырвал биту из рук Антона, отпихнул его в сторону и что есть мочи влепил Артуру по голове. Хватило одного удара — Артур упал лицом вниз, на затылке набухла бурая шишка, по ёршику волос кляксой расползлась кровь. Сергей развернулся и обмерил Антона взглядом.

— Дело сделано? Сделано. Валим, чего ждём?! — поторопил их Володя.

Наблюдатели знали, что местные нередко набирают воду из деревенской речушки. Водонапорная башня совсем плохая, часто ломается, из колонок пропадает вода и приходится ходить за ней по-старинке. Скоро Артура найдёт мальчишка с ведром. Испугается, конечно, и с тех пор будет бояться покойников, в тридцать пять лет не сможет даже попрощаться с трупом собственной матери, останется курить в сторонке. Но пока ему восемь, он уронит со звоном ведро и побежит домой. Ведро скатится в воду и она пойдёт кругами, дедушка мальчика вызовет скорую и полицию. Скорая приедет только через час, впрочем, Артура должны спасти — Сергей сказал, что на него ещё существуют определённые планы, ровно как и на их с Сашей ребёнка. Мальчик по возможности должен расти в полноценной семье, Артур же от удара по голове потеряет память. Усталый следователь в колючем свитере начнёт копать под конкурентов. Единственная фраза, которую Артур вспомнит после комы, подтвердит рабочую версию:

«Не переходи нам дорогу. Продай завод».

Антон смотрел на поля, заросшие бурьяном, но не различал деталей. Он знал, что после первого самостоятельного задания наблюдателям дают отгул в город, однако, из-за отказа от насилия Антону вряд ли светит выходной. Впервые после смерти он мог бы целых восемь часов побывать в городе один, без лекций, присмотра и круглосуточной системы видеонаблюдения, но руки не послушались его. Или не послушалась голова?

Ещё досаднее за упущеный отгул было потому, что Антон уже не воспринимал наблюдательство как тягость. Он воспринимал происходящее скорее как смену профессии, очередной карьерный этап. Антон научился лучше контролировать эмоции, при подготовке ему пригодились навыки проектирования продуктов и логического мышления. А ещё наблюдатели должны были оставаться максимально незаметными, они переодевались, сливались с толпой, изображали ментов, врачей и дворников. В детстве Ан-

тон несколько месяцев мечтал стать актёром — кто ж знал, что он реализует свой потенциал только в загробной жизни?

О сумасшествии Антон больше не думал. За прошедшую неделю он так и не проголодался — если наблюдали что и ели, то исключительно ради маскировки. Вода, секс, расстройства кишечника больше не волновали Антона, однако, проблем ощутимо не убавилось, у полумёртвых нашлись свои заботы: пересыхала слизистая, хуже заживали раны, постоянно хотелось валяться в кровати, дремать и ничего не делать.

Антону не удалось передохнуть даже полчасика, у въезда на базу его ждал Валентинич. Судя по хмурой физиономии, Сергей ему уже всё доложил. Антон приготовился выслушать нравоучительную лекцию, но Валентинич неожиданно проявил к Антону сочувствие:

- Ну что, не смог человека ударить?
- Не смог.
- Ну, ничего страшного. Важно понять, почему не смог? Пожалел?
- Это же живой человек. У меня рука не поднимется его покалечить. А уж тем более убить.
- Однако, Сергея ты убить не боялся.
- Его я считал бандитом и похитителем. Артур мне ничего плохого не сделал, я не хочу лишать его жизни по приказу.
- Я бы на твоём месте так уверенно не судил. Не забывай, что ты всего-лишь инструмент в руках того, кто дал ему жизнь.

— Да, я понимаю... — соврал Антон и Валентыч поморщился.

— Да отпущу я тебя в город, отпушу! Отвечай честно.

— В отличие от молотка, Валентыч, я могу выбирать, бить мне Артуру по черепу или нет.

Валентыч покачал головой.

— Что ж, это дельная мысль. Но почему ты считаешь его живым?

— В смысле?

— Твоя граница между жизнью и смертью пролегает в традиционной для обывателя плоскости. Ты считаешь, что смерть возникает после жизни, но это не так. Мёртвое участвует в нашей жизни, является её частью. Не всё то живо, что кажется живым.

Валентыч разглядел в глазах Антона замешательство.

— Наблюдателей учат, что мёртвое всегда подражает живому. Присмотрись — огромное количество людей соткано из подражания. По улицам ходят люди в одинаковой одежде, заказывают себе одни и те же фотосессии. В нижнем белье, допустим, или с хаски у камина. Они копируют эмоции с фильмов и сериалов, множат шаблоны на похоронах, свадьбах и днях рождения. И не задумываются об этом.

Валентыч схватил Антона за плечо и повёл к воротам.

— Физическая смерть для многих — лишь констатация факта. Посмотри на бабушку, которую вы вчера привезли. Она пятнадцать лет (пятнадцать, Антон!) не выбиралась за пределы своего района. Она годами ходила в магазин за продуктами, на почту за пенсией и в аптеку за лекарствами по одним и тем же дорогам, а ве-

черами доживала под бормотание телевизора. Будь ты менее талантлив, я отправил бы тебя посмотреть на обычных мёртвых, которых мы не оставляем для заданий. Знаешь, что чаще всего наблюдаешь в квартирах у стариков?

— Нищету.

— Нет, ты не прав. Настенные часы. У них у всех висят часы — и у большинства они не идут. Стрелки давным-давно стоят на месте! И дело даже не в том, что у стариков нет денег на батарейки или некому их заменить, нет. Просто их время остановилось, они живут прошлым. Или воспоминаниями о нём.

— Но Артур не старик!

— Он заготовка для старика. С этой любовницей, Сашей, они расстались, потому что не договорились о формате семьи. Артур считал женщину исключительно хозяйкой очага и матерью будущих детей. Почему же Артур так считал? Потому что «его так воспитали», ему так сказали. Потому что так «жили» до него. Вот и все аргументы.

Валентиныч остановился у ворот и поймал блуждающий взгляд Антона.

— А ещё ты жалеешь их, потому что и собственную смерть ты всегда считал трагедией. Ты ставишь себя на место Артура, на место бабушки, на место каждого из них.

— Что же плохого в эмпатии, Валентиныч?

— Это не эмпатия. Ты жалеешь не их, а себя на их месте. Не обманывайся, относись к умирающим равнодушно. В разные эпохи человечество воспринимало смерть по-разному. Теперь вот смерть приравняли к трагедии, ленты соцсетей завалены ежедневными

некрологами. «Ушла эпоха, как же мы будем жить без него дальше?!». Будто раньше смерти не существовало. Ты лишь продукт эпохи. Представления изменчивы, а смерть всегда одна и та же.

Валентинич приложил чёрную матовую карточку и толкнул дверцу, врезанную в ворота.

— Теперь иди и попробуй взглянуть на мир через призму нашего разговора.

Антон шагал по песчаной дороге вверх и обдумывал слова Валентинича. Несмотря на то, что взгляды Антона особо не изменились, физиологические отличия он уже заметил. Секс его больше не интересовал, так что о свиданиях с живой девушкой не могло быть и речи, а отсутствие будущего обесценило карьерные мечты и долгосрочные планы. Накопление денег, покупка квартиры, машины, путешествия — ничего теперь не имело смысла. Удивительно, но, обретя свободное время, Антон совершенно не знал, как им распорядиться. В итоге, исключительно из любопытства, он решил посетить новый торговый центр и сравнить его с ТЦ в Петербурге.

Естественно, Антон не увидел ничего нового. Коммунар-на-Волге стабильно отставал от Петербурга на три-четыре года. Бутики с плохим дизайном приютили хамов-продавцов, так и не отвыкших от нравов вещевого рынка. Дизайн сетевых магазинов выгодно выделялся на фоне местных точек, но персонал сетевики набирали там же, где и местные, так что разница в итоге оказалась незначительной.

Антон выпил на фуд-корте кофе и пошёл изучать афишу кинотеатра. Показывали всякое голливудское говно со спецэффектами, нанизанными на стандартный для западных блокбастеров сценарий. Антон отвернулся от кассы и замер — прямо за его спиной стоял одноклассник-официант Андрюха. Он держал в руках на-

дувной шарик и всматривался в расписание сеансов, но, уступая место Антону, заметил его и отшатнулся.

На вводном уроке кураторы строго запретили наблюдателям разговаривать с живыми, особенно, с бывшими друзьями, родственниками или знакомыми. Наблюдателям рекомендовали быстро уходить и смешиваться с толпой — в таком случае близкие решали, что они встретили похожего на умершего человека и списывали мираж на грусть, тоску и горе. Но Антон отчего-то прошел «Привет» и тут же впился в Андрея взглядом.

— Здрасьте...

Андрюха попробовал проглотить ком, застрявший у него в горле. Он машинально загородил собой жену, которая поправляла ребёнку одежду, сидя на корточках.

— Да ты живи. Тебе ещё много осталось. — сказал Антон, осклабился и повернулся к эскалатору.

Нормально Андрюха пересрался! Аж побелел. Хотя, Антон на его месте испугался бы не меньше. Скорее всего, Андрюха не знает, что Антон умер, но он это почувствовал. Живые всегда чувствуют мёртвых.

Или «неживые» чувствуют «полумёртвых»? Андрюха идеально подходил под персонажей, описанных ранее ВалентинойЧем.

Антон не понимал до конца, почему Андрюха отреагировал так резко. В конце концов, видя знакомого в странном состоянии, люди прежде всего думают о похмелье или болезни, а не о зомби-апокалипсисе. Но витрина бутика на первом этаже торгового центра подсказала ответ. Антон совсем забыл, что три дня назад полумёртвый военный сломал ему нос костылём. Всё это время Антон гулял по торговому центру с баклажановым фингалом и на-

лепленным на переносицу пластирем. Ещё и на куртке масляное пятно. Антон смахивал не то на бомжа, не то на побитого гастарбайтера. Благо, в среду вечером в центре было немноголюдно, рабочие уже разъехались по окраинам, ужинали на кухне и смотрели телевизор. Битвы за маршрутки отполыхали и Антону досталось премиальное сиденье в кабине водителя. Водила слушал «Русское радио». Антон пожалел, что наблюдатели не умеют фильтровать окружающие звуки.

Впервые после смерти Антон вернулся на родной район. Гулять по окраинам Коммунара оказалось по-прежнему унылым занятием, тотальная разруха быстро надоела и Антон прошёлся по местам детства — проверил, действительно ли в нём не осталось места ностальгии. Двор жил обычной жизнью: несколько бабушек судачили на лавке, гопники тусовались у тонированной «четырки» и слушали музыку. У палисадника Антон натянул кепку пониже, напялил солнечные очки и рассматривал незнакомые лица. Быть может, все они (и бабки, и гопники, и Андрюха) действительно не живут, а лишь имитируют жизнь, не решаясь наступить на горло собственным слабостям, бросить вызов вещам, что пугают их или мучают? Возможно, эта разница видна даже физиологически — в глазах, мимике, жестах?

Антон осмотрел двор ещё раз и решил подняться в квартиру, но не ради ностальгии, а ради дневника, который он вёл в последние месяцы жизни. В нём хранились останки его мыслей и чувств, глядя на которые можно было бы с легкостью различить, кем был сам Антон. Хоть это и не имеет уже значения, чем ещё заниматься мёртвому, как не подведением итогов собственной жизни?

Главное, не попасться на глаза соседям, но сейчас они вряд ли дежурят у дверного глазка в ожидании гостей. Припомнив старый трек Гуфа, Антон на всякий случай поднялся на один этаж повыше и осмотрелся. Лампочка на площадке не горела. Отлично, меньше шансов быть узнанным. Антон уверенно спустился с лест-

ницы и вставил ключ в замочную скважину. Щелчок. Тише... Ещё щелчок. Даже если соседка и услышала — подумает, что ей помешалось.

В квартире царил самый настоящий срач. Антон цыкнул. Надо было всё же убраться перед смертью. Видимо, брат решил не задерживаться в квартире. Антон замер, прислушиваясь к ощущениям. Пусто. Квартира не вызывала у него каких-либо чувств. Значит, он всё же поработал над собой и в каком-то смысле стал профессиональнее.

Антон обшарил антресоль, но тетрадки не было на месте. Видимо, Сергей с Валентинойчем всё уже подчистили.

Обострившийся за время наблюдательства слух Антона уловил бунчание на площадке. Антон прислушался.

«Я говорю! Зашёл... Давай».

Антон аккуратно посмотрел в глазок. У двери стояли два силуэта. Они заметили его и отпрянули.

— Язываю милицию!

Антон узнал по голосу соседку. Он тут же двинулся вглубь, к балкону. К сожалению, балконная дверь была закрыта на оба шпингалета. Пришлось грохнуть сначала ими, затем — замком на окне.

Он мог бы вылезти из окна и сползти по решётке так же, как и при побеге из драмтеатра, но теперь это не имело никакого смысла. Антон не глядя выпрыгнул из окна.

В полёте его развернуло, он неудачно упал в цветочную клумбу боком и тут же перекатился на спину. Сломанные цветы прилегли ему на грудь. Треск стеблей показался неестественно громким, но

Антон не успел ничего сообразить. Отбросив цветы, он увидел на-висшего над ним Сергея.

— Косячишь. — процедил Сергей, — Вставай давай. Наряд уже подъезжает.

— Ну нахрена, Антон? — со страдальческим выражением лица начал Сергей в салоне микроавтобуса, — Только же всё наладилось!

— Да я ж аккуратно... — возразил ему Антон, хотя понимал — ни хрена он не аккуратно.

— Чё ты там забыл вообще?

— Свитер.

— Чё?! — Сергей округлил глаза.

— Свитер любимый хотел забрать.

Сергей помолчал несколько мгновений. Затем сказал, как бы сам себе:

— Всё-таки ты ещё свежачок. По свитеру он, блять, соскучился!

Антону стало немного стыдно.

— Как думаешь, что Валентинич сделает?

— Ну, он нехило разозлился. Растворить не растворит, а вырубить может.

— Понятно.

Микроавтобус мчался на базу.

— Слушай, а чего ты мне тетрадку ни разу не припомнил? — спросил Антон, стараясь разрядить ситуацию.

— Какую тетрадку?

— Ну, зелёную. С антресолей.

— Я не видел. А что там?

— Да так... — Антон махнул рукой.

— Не, ну серьёзно?

— Стихи я туда писал. Не очень хорошие.

— А! Я в стихах не очень разбираюсь. Я и книжек-то за жизнь особо не прочитал. Только букварь и эту... Зелёненькую.

Сергей хохотнул, Антон грустно улыбнулся. Может, врёт? Да нет. Они не друзья, конечно, но Сергей та ешё язва, про хронику слежки он бы обязательно упомянул. Ещё и текст наизусть бы выучил.

Валентинич вызвал его к себе поздно вечером, когда на улице стемнело и город затих. Жара оседала, уступая место прохладному ветру с Волги. Валентинич предусмотрительно растопил камин, попыхивал трубкой и держал на коленях газету с английским названием. Увидев Антона, он отложил газету на стол и указал ему на кресло напротив.

— Присаживайся.

Антон приблизился к креслу, недоумевая, почему Валентиныч невозмутим. Сергей сказал, что старик злится. Разве так выглядит злость?

— А как выглядит злость? — спросил Валентиныч и Антон вздрогнул. — Перефразирую: как выглядит злость у мёртвых?

— Я не знаю.

— Откуда вообще взяться у мёртвых злости? Злость возникает от страха быть наказанным или убитым, униженным или высмеянным. Люди злятся, боясь потерять. А что могу потерять я? Меня не убьют, я не чувствую боли. Да и унизить меня невозможно, потому что в мире живых меня уже не существует.

— Тебя могут растворить. — предположил Антон.

— *Меня* не растворят. — отчеканил Валентиныч и откинулся на спинку, — Тебя растворят, а меня нет. Так что бояться, скорее, нужно тебе. Но боишься ли ты?

— Нет. Ничего не чувствую. — признался Антон.

— Уже хорошо. Я посоветовал тебе сегодня посмотреть на мир с иного ракурса. Что заметил?

— Может, ты в чём-то и прав. Но я вижу множество нестыковок.

— Каких, например?

— Утром вы говорите нам, что мы умерли, что наши чувства, желания, инстинкты скоро исчезнут и мы станем лишь нейтральными наблюдателями. Так?

- Верно. Продолжай.
- Вечером ты говоришь мне, что большинство живых как-бы... Мертвые. Но при этом они чувствуют, ругаются, психуют, постоянно чего-то хотят...
- Ездят в гипермаркеты, пристают ночами к жёнам, мечтают о крутом телефоне или дорогой тачке. Ты об этом?
- Да, именно об этом.
- Ты не замечаешь маленький нюанс — в отличие от тебя, *неживые* не догадываются о своём состоянии. Отовсюду их уверяют, что они живы! А живым ведь надо к чему-то стремиться, верно? Вот они и черпают желания из статей, фильмов и сериалов, книг, видеоблогов. Но желают ли они всего этого на самом деле?

Валентинич прочистил горло.

— На самом деле, их чувства тоже отмирают, просто они воспринимают это иначе. Как мы влюбляемся в молодости, ужас! Голову теряем. А потом остаётся только «теплота», «симпатия», в некоторых случаях «похоть». Древние греки маскировали отмирание чувств семью разными терминами для обозначения любви. Хотя там ситуация немного сложнее... Или вот попался нам недавно мужик, мы сделали его наблюдателем. Обычно люди злятся, не верят в смерть, а он очень спокойно на всё отреагировал. «Ну и славно» — говорит, — «Всё равно единственное, чего я действительно хотел последние пять лет — чтобы от меня все отъебались». Дома, на работе, в телевизоре. Что это, если не умирание?

— Выгорание. — ответил Антон.

— Называй, как хочешь. А лучше скажи: ты зачем одноклассника напугал? В квартиру зачем полез?

Антон молчал. Валентиныч закинул ногу на ногу и поправил сползший плед.

— Мы уже не первую неделю вбиваем тебе в голову, что не стоит потворствовать мимолётному возвращению эмоций. Это лишь вспохи...

— Вспохи жизни, высвобождение остатков эндорфина, да-да, я знаю.

— Не перебивай! — осадил его Валентиныч. — Всё, что мы просим тебя — потерпеть. Подождать. Скоро ты окончательно освободишься от этих вспохов и станешь беспристрастен. А пока, пожалуйста, не поддавайся соблазну! Спрошу ещё раз — зачем ты потащился к себе домой?

— За свитером.

Валентиныч фыркнул в трубку. Его лицо окутал дым.

— Зачем тебе этот свитер? Он дорогой? Его подарил кто-то значимый?

Дым от трубы повис над камином.

— Слушай, Валентиныч, я одного не понимаю. Ты мне говоришь, что большинство неживых плывут по течению, ничего не решают — и это явно негативная оценка их существования. Лишь единицы способны на смелые, достойные поступки и всё такое. Но как только я принимаю смелые решения, идущие в разрез с вашими запретами, меня бьют по рукам. И в чём тогда...

— Антон, ау! — Валентиныч перебил его и наклонился вперёд — Ты *тоже* мёртвый! Раньше надо было совершать достойные поступки. А теперь будь добр соответствовать своему текущему состоянию.

Антон стиснул челюсти. Валентиныч с грустью посмотрел в окно.

— А ты почему тогда не соответствуешь?

Валентиныч вопросительно наклонил голову.

— Подойди, посмотрись в зеркало.

Антон указал на трюмо в углу комнаты.

— Да я и отсюда вижу. К чему ты клонишь?

— Стрижёшь бороду, куришь трубку, носишь дорогие костюмы. Я же в теме, я всё вижу, на тебе ботинки «Common Projects» за сорок с лишним штук. Неплохо для Коммунара, не так ли? И для чего ты так одеваешься? Уж не у богатых ли мёртвых прикинулся, а?

— Не перебарщивай. Да, я одеваюсь хорошо, потому что ежедневно имею дело со свежими наблюдателями, в которых ещё превалирует живое начало и я должен выглядеть в соответствии с их представлениями о силе и успешности. Но на самом деле я не люблю эти вещи, Антон. Я к ним равнодушен.

— Я тоже равнодушен к свитеру. Плевать я хотел на этот свитер.

— Если тебе на него плевать, то зачем ты попёрся за ним в квартиру?

— Просто хотел выглядеть так же, как ты. Тебе же можно. Почему мне нельзя?

— Да почему же нельзя! Можно. Дело не в имидже как таковом, дело в приоритетах. Повторюсь, мы отговариваем тебя от эмоций и страстей лишь потому, что ты, в отличие от неживых, знаешь о собственной смерти и не уповаешь на будущее. Ты и так рано или поздно станешь равнодушен, равнодушие придёт к тебе эмпирически и физиологически. Мы просто хотим ускорить этот процесс. Нам нужны сильные наблюдатели, у нас, выражаясь твоим языком, «спринты горят», работать некому. Принесли бы мы тебе этот свитер, не стоит ради этого попадаться ментам и наводить панику среди соседей. Если ты готов из-за шмотки нарушить принципы — значит, ты до сих пор зависим от мирского.

— Я всё равно запутался.

— Так происходит со всеми действительно стоящими идеями, их всегда не одолеть с насоку. Мы не можем просто рассказать тебе, как отличить живого от мёртвого. На этот вопрос ты должен ответить себе сам.

Антон потёр виски.

— И Сергей с Володей ответили на него?

— Они пытаются, как и ты. Но я помогу тебе, я имею право помочь. Я дам тебе действительно сложное задание. Если ты его выполнишь, то поймёшь многое.

Валентиныч докурил и вытряхнул табак в пепельницу, постучав перстнем по трубке.

— Иди в комнату. Жди задания в ближайшие дни.

В комнате Антон лёг в постель, но уснуть у него не получилось. Отрывки фраз Валентиныча звучали у него в голове и переплетались друг с другом. Иногда Антону даже казалось, что он осознал смысл сказанного. Неживые не знают о своём статусе, они просто копируют общественные установки, считая себя живыми. Телевизор, инстаграм, успешные люди поставляют им паттерны поведения. Зная же о том, что ты мёртв, большинство вещей перестают иметь какую-либо ценность. Но что случается с чувствами, убеждениями, принципами? Они тоже превратятся со временем в фантом?

Антон проворочался в постели ещё около часа и не выдержал, вышел на улицу остыть. За последние несколько недель он вновь пристрастился к курению. При жизни Антон заставил себя бросить — курение портило зубы, убивало дыхалку и провоцировало рак. Что ж, до рака Антон так и не дожил, хотя после смерти двух бабушек от онкологии панически его боялся. Теперь же опасаться было нечего, так что Антон курил постоянно, хотя ему по-прежнему не нравился сигаретный дым и ужасный запах от одежды.

На территории было тихо, наблюдатели спали, только в одном окне горел свет — конечно же, в комнате Валентиныча. Окно было приоткрыто. Антон смотрел на него пару минут, но так и не понял, что происходит внутри, потому что Валентиныч предупредительно задёрнул шторы.

Не сдержав любопытства, Антон подкрался к окну по бетонной тропинке, отделявшей здание от палисадника и прислушался.

— Так что же, будут там строить собор по итогу или нет?

Антон узнал голос Сергея.

— Затихло всё. Резину тянут, ждут, когда люди успокоятся. — ответил Валентиныч.

Звякнула посуда. Антон удивился и максимально аккуратно заглянул внутрь. Штору не задёрнули до конца, осталась пара сантиметров, через которые можно было рассмотреть стену в комнате Валентиныча. Антон сместился левее, до тех пор, пока не увидел напольное зеркало со сползшей драпировкой. В отражении сидели Валентиныч, Сергей, Юлия и кто-то четвёртый (судя по огромной волосатой руке, Володя). В центре стола теснились пластиковые контейнеры, виднелись бокалы с напитками. Валентиныч поднёс вилку с куском еды ко рту. Юлия попивала вино.

Антон отпрянул от окна и присел на корточки. Какого хрена?
Сидят и ужинают?

— Стейк сегодня обалдеть. — пробасил Володя.

— Это вам не «Макгрегор»! — рассмеялась Юлия.

— А когда мы вообще были последний раз в «Макгрегоре»? — спросил Сергей.

— Так а вот и не были уже несколько недель. — Валентиныч чихнул, все пожелали ему здоровья, — С тех пор, как за Антоном наблюдали, так и не приходили.

— Кстати! Мы ж его так и не наказали. — спохватился Сергей.

— Да не стоит. Ещё неизвестно, как он следующую ситуацию переживёт. Девчонка эта, Алиса...

Валентиныч понизил голос. Антон зажмурился.

- Девчонка эта уже выложила в сеть статью.
 - И что там?
 - Доказательства слежки.
 - Да какие у неё там доказательства? — фыркнула Юлия.
 - Она выцыганила у соседки ключи от квартиры и нашла на антресоли дневник с записями о слежке.
 - Дела... — пробасил Володя.
 - Погоди, так он спрашивал про какую-то тетрадку сегодня. — сказал Сергей.
 - Какую тетрадку?
 - Зелёную, что ли. Я не понял толком.
- Антон вцепился в штанину.
- От неё надо избавиться. — сказала Юлия.
 - От тетрадки?
 - От девчонки.
 - Да, придётся. — согласился Валентиныч — Вот ему и поручим. Я как раз подбирал задание посложнее.

Антон отшатнулся. Налетевший неожиданно ветер замаскировал его столкновение с кустом бузины, зашелестел листьями, а затем подхватил Антона и дотащил до самого дальнего угла территории, где дворник хранил свою утварь. Здесь тоже стояла камера

видеонаблюдения, но другого персонала, кроме приглашённых на ужин, Антон никогда не видел — следовательно, за камерами в данный момент никто не следил.

Антон упал на землю между корзиной из супермаркета, набитой всяkim хламом, и забором — так, чтобы его никто не видел. Он приказал себе успокоиться и сопоставить факты. Мёртвые не едят, а эти жуют за обе щёки. Значит, они живые? Едят ночами, пока все спят? Но почему тогда они не умирают, Антон же сам пытался убить Сергея? Может, это всё же сумасшествие? Но почему тогда он так долго не ест и при этом бегает по городу? Антон мало что знал про голодание, но спустя несколько недель без пищи он точно не мог бы двигаться. Он бы лежал парализованный.

Хорошо, сейчас в этом не разобраться. Что они говорят? Они говорят про Алису. Алиса взяла у соседки ключи, опубликовала статью... К чему это всё?

Времени оставалось мало. Сколько они ещё будут жевать свои стейки? Антон знал, что вся его техника закрыта фаерволом, трафик отслеживается и просмотр статьи заметят уже завтра утром.

Ну и что?

Под первым же постом в профиле Алисы на фейсбуке была приаттачена ссылка на <http://sward.media>:

Девяностые продолжаются. Как бандиты из Коммунара-на-Волге убирают петербургских конкурентов с Edtech-рынка

Две недели назад петербургскому стартапу «Educatee» объявили, что их продуктовый директор умер от разрыва аневризмы. Тридцатидвухлетнего Антона П. нашли мёртвым в собственной квартире в городе Коммунар-на-Волге, через несколько дней после того, как он пытался подать документы на тендер.

Одновременно с этим источник, близкий к руководству холдинга «Eternum», владеющего контрольным пакетом акций стартапа, подтвердил отказ от тендера. SMM-менеджер «Educatee» и наш внештатный корреспондент Алиса Мельникова не поверила в совпадение и лично отправилась в поволжский город, чтобы провести расследование. Каждую субботу «Сабля» будет публиковать её дневник.

«Заметил двух мужчин...»

За десять лет в Коммунаре-на-Волге ничего не изменилось. В аэропорте багаж вываливают из автобуса прямо на площадку перед выходом, можно спокойно схватить чужой чемодан и тут же прыгнуть в старенькую «Ладу» — таксисты стоят в трёх шагах от площадки. Даже с аэропортной накруткой такси обходится мне в триста рублей — явный плюс провинции. Жаль, что на этом список преимуществ заканчивается.

Приведя себя в порядок, я еду на окраину города. Именно там жил наш руководитель Антон. Он, как и я, родом из Коммунара-на-Волге. Переехав в Петербург...

Так, ладно. У Антона не было времени читать историю собственной жизни. Антон пробежался глазами по странице. Пока опубликовали всего два выпуска. Конец первого гласил:

«В тетрадке, что я нашла на антресоли, Антон записывал подробности слежки. Я публикую текст без изменений:

“2:40 Заметил двух мужчин. Старик, широкое серое пальто, на вид килограмм...”»

Антон свайпнул материал влево. Понятно. Алиса заигралась в журналиста и теперь умрёт.

Надо валить. Ещё неделю назад Антон придумал способ незаметного побега, даже хотел рассказать о нём Валентиничу, но приберёг на плохие времена — в нужный момент собирался продемонстрировать лояльность. Хорошо, что не рассказал.

Антон вытащил хлам из тележки, перевернул её и поставил на землю — так, чтобы ручка упёрлась в склон холмика. Вскочил, проверил устойчивость. Отлично. Недалеко от корзины нашёлся старый табурет, дворник сидел на нём во время перекуров. Третьим уровнем для пирамиды послужила колода для колки дров. Конструкция получилась шаткой, но Антону нужно было только оттолкнуться. Он встал на краешек табурета, затем медленно поднялся на колоду. Конструкцию пошатывало. Антон присел — и прыгнул вперёд, максимально задрав ноги вверх. Как лягушка, он перелетел через забор, не задев колючку. Колода и табурет с глухим стуком повалились на траву позади корзины.

Приземление было жёстким. К счастью, Антон не сломал и не подвернул ногу. Он тут же побежал перпендикулярно забору, уходя из области видимости камер. Через пару сотен метров Антон свернул направо и покарабкался вверх.

Двадцать минут по крутому склону — и он окажется в центре.

Глава 11

Vlad: Алис, неплохо, можем опубликовать, но бюджет у нас почти на нуле, извини

Vlad: если только на добровольной основе

Alisa: да я понимаю, я уже привыкла. Журналистика — это не про деньги

Vlad: посмотрим, вдруг материал зайдёт и просмотры будут достойными, тогда мы отдадим тебе часть денег с тизерки

Alisa: да, не будем торопиться, согласна

Vlad: я завтра прокомментирую гуглдок, поправишь и в понедельник тогда в обед пойдёт в ленту

Vlad: кк?

Alisa: кк

Alisa: спасибо!

Vlad: тебе спасибо! 🙏

Vlad: напишу

Алиса отправила Владу стикер с вишнёвой и захлопнула крышку ноутбука. Денег ей опять не заплатят. Конечно, все гонорары наверняка ушли на Викулова! Этот работать за спасибо не станет... А она станет, Алисе нужно портфолио — и всем наплевать, что рано

или поздно холдинг узнает о материале, выгонит её к чертовой матери и внесёт в чёрный список сотрудников. Это в лучшем случае. В худшем на неё подадут в суд, а Безносюк заставит журнал удалить материалы.

Всю неделю после публикации Алиса ждала приглашения на разговор с руководителем или HR-ом, но получала лишь сообщения от Стаса. Зам.директора извинялся за то, что обнял и схватил её за руку, называл произошедшее «мимолётной слабостью» и убеждал Алису в том, что никогда больше не позволит себе ничего подобного. Алиса его игнорировала — и с каждым днём ей становилось грустно от того, что число непрочитанных сообщений в телеге превышало число дочитываний первого материала. Люди открывали ссылку, но не скроллили дальше первого экрана. Пожалуй, им становилось скучно. Похоже, Алисе придётся выкрутить уровень драматургии на максимум.

При жизни Антон исписал дневник от корки до корки, но отличить личные заметки от рабочих у Алисы не получалось. Глядя на столбики ни о чём не говорящих цифр, Алисе казалось, что записи представляли собой лишь значения. Ключи к ним Антон хранил у себя в голове и достать их было уже невозможно, даже если бы тело до сих пор лежало в морге. Из мозга мысли не выкачашь. По крайней мере, пока.

Алису долго не оставляла эта идея, она даже задумала написать небольшой фантастический рассказ — и задумка эта неожиданно подтолкнула её к возможному решению проблемы. «Не выкачать»... Ну, конечно! Погрузившись в бумажный дневник, Алиса совсем забыла о главном источнике правды, о тайном поверенном Антона — его ноутбуке! Кто вообще записывает важную информацию в бумажный блокнот, уязвимый для потопа или пожара, не защищённый паролем, физический находящийся не в об-

лаке, а под потолком, на антресолях? В конце концов, Антон же айтишник!

Alisa: так и быть, прощу тебя, если расскажешь, где девайсы Антона и что вы с Безносюком делали в квартире

И Стас, конечно же, согласился, лишь попросил позвонить ему в Телеграмме — наверное, боялся, что Алиса заскриншотит сообщения или перешлёт их кому-нибудь другому. Стас немного заикался и противно шаркал ладонью по столу, но Алиса решила лишний раз не придираться.

- В квартире мы искали документы. С-обственно, Безносюк нашёл пухлую папку и увёз её с собой в чемодане.
- Ты видел, что там было?
- О чём ты! Это ж-ж Безносюк. У него и страницы не выпросишь.
- А ноутбук, телефон, планшет?
- А у него был планшет? Я не видел его с планшетом ни разу. Айфон в квартире я не заметил, а рабочий ноутбук Безносюк забрал с-разу же со стола.
- Подожди-подожди! Антон уехал в Коммунар, но рабочий ноут оставил на столе?
- Да, он его не взял. Он жалел, что попросил себе пятнашку. Она, м-мол, тяжелее тринашки и не лезет в сумку.
- Он с тобой по телефону созванивался?
- Нет, по ноуту. Наверное, с домашнего звонил.

- Всё, поняла! Спасибо, Стас! До встречи! — торопливо поблагодарила Алиса и потянулась было к кнопке «Leave».
- Алис! А-Алис, подожди. Слушай, я прошу тебя не натворить делов. Мы всё же в одной лодке, нам надо дальше работать. Ты знаешь, холдинг...
- Слушай, Стас, я сейчас передумаю тебя прощать. Я всё прекрасно понимаю, я не дурочка.
- Ладно, ладно. Я просто переживаю за общее дело.
- На то ты и директор. Пока.

Алиса понимала, что шансов найти ноутбук мало: его мог забрать брат, могли утащить конкуренты или незаметно вынести Безносюк. Но попытаться всё же стоило. И для этого Алисе пришлось помириться ещё кое с кем.

План примирения вынудил её два дня подряд вставать в семь утра и переться на окраину города. Во вторник она просидела на лавке шесть мучительных часов. Попа онемела уже через сорок минут, солнце то и дело выглядывало из облаков и светило ей прямо в лицо, от чего не спасали ни солнечные очки, ни кепка; Алиса вспотела, от недосыпа у неё кружилась голова и сконцентрироваться на чём-то было невозможно. Алисе пришлось неотрывно следить за выходящими из двери подъезда жителями. К десяти часам люди поуходили на работу, но Алиса всё равно не могла спокойно почтать или послушать подкаст, её замучила зевота. В голову будто набили ваты. Нужный ей человек так и не вышел.

На следующий день Алиса запаслась водой, сменила цветную одежду на белую и убрала волосы под кепку. Ей повезло — около часа дня из арки появился Алёша. Алиса схватила сумку и броси-

лась за ним. Алёша услышал топот, обернулся и тут же нахмурился.

— Привет! — сказала Алиса и виновата улыбнулась — Выслушай меня пожалуйста, прежде, чем материть.

— Ну. — Алёша сложил руки на груди.

— Извини меня пожалуйста, Лёш! — выпалила Алиса. — Совесть замучила, ночами спать не могу. Просто... Нам очень нужно было забрать тетрадку с антресолей Антона. А ты стал для нас форс-мажором.

— Дальше чё?

— Ну не злись, пожалуйста! — Алиса сложила ладони у груди — Можно, я буду с тобой честна? Мама тебя так сватала! Это ж трэш! Как Гузеева с Первого канала и две тётки... Ну, ты понял.

— Да понял я, понял! — Алёша поморщился и опустил руки. — А ещё я понял, что ты не умеешь извиняться. Не могли нормально мне объяснить? Я бы мамке ничего не сказал, меня самого тошнит от попыток меня пристроить. Это ещё лайтово было.

Алиса шумно выдохнула. С плеча Алёши сползла сумка, он поймал ремень на лету и продолжил:

— Я больше друга твоего ненавижу. Я к нему по-человечески, с интересом, а он меня запер. Вот его не прощу, идёт он на хер. Он на хер, а я домой. Твоя совесть чиста, не парься.

Алёша махнул рукой в сторону подъезда.

— Это не всё, Лёш! Давай прогуляемся. Мне нужна твоя помощь. Я же обещала быть честной.

Алёша пожал плечами.

— Пошли на Сенберку. Там хотя бы дверей нет...

Русло реки змеёй изгибалось к ближайшей деревне и заросшему бурьяном полю, испещрённому тропинками вдоль и поперёк. Алиса с Алёшой сели на бетонные волнорезы, крепившие берег.

— Ты дружил с Антоном?

— Не, он же старше лет на десять. Здоровались при встрече, в детстве он мяч пинал со мной пару раз во дворе... Я его взрослым всегда считал.

— На похороны не пошёл?

— Сходил, мамка на уши присела. Ему всё равно, мне всё равно — я его после приезда и не встречал. Лет пять, наверное, не видел, с родительских похорон.

— У него родители умерли?

— Да, разбились на трассе. Их там же и похоронили, на том же месте. Я прямо же в ю словил, когда стоял у могилы.

— Лёш, я думаю, что его убили. Я даже занялась расследованием и кое-что накопала. Правда, я думала, что вы лучше знакомы и ты поможешь мне узнать подробности. Думала, что тебе тоже будет не всё равно.

— А чем я тебе помогу? Я же не знаю про него ничего.

— У него в квартире может лежать смартфон или ноутбук. На них по-любому есть что-нибудь важное! И ещё у твоей мамы в телефонной книге есть номер его брата. Я хотела узнать, не забрал ли он ноут с собой.

Алёша смотрел, как ветер с ближайшего холма пытается разглядеть рябь на воде. Алиса села к нему вполоборота.

— Давай сходим к нему в квартиру ещё раз. Я обещаю, что не заprü тебя. И обещаю, что приду одна.

Алёша надул щёки и покивал головой. Алиса вскинула руки вверх, но обнять Алёшу не решилась.

Он написал ей в четверг поздно вечером, когда Алиса уже собиралась лечь спать, сообщил, что «мамка свалит в десять утра» и предложил встретиться минут через десять после её ухода. Помимо этого, Алёша сообщил, что недавно мамка вызывала ментов — кто-то прокрался в квартиру и сбежал через балкон, но тронуть ничего не успел. Алиса поникла, понимая, что незнакомец уничтожал улики. Однако, мизерная надежда на торопливость или невнимательность взломщика всё же оставалась.

В 9:50 Алиса уже стояла на площадке четвёртого этажа и ждала, пока мама Алёши покинет помещение. Из мусоропровода воняло прокисшей пищей, от углов — кошачьей мочой и перебить этот запах смог только ядрёный советский парфюм Алёшиной мамы, в котором она то ли искупалась, то ли опрокинула случайно на себя весь флакон. Крикнув «Лёшенька, закрой!», мама вызвала лифт, загрузилась в него и ускрипела вниз. Убедившись, что мамка не забыла какую-нибудь вещь и уже не вернётся, Алёша спёр ключи из горки.

На этот раз долго он не возился.

— Я первый не пойду, только если за тобой. — сказал он, приглашая Алису в прихожую, — Мы договаривались.

Кто-то навёл в квартире идеальный порядок: до скрипа вымыл полы, собрал с мебели пыль и разложил по местам вещи. Алиса заглянула на кухню и обошла по периметру комнату.

— Какие креативные бандиты, наняли клининг-фортовича.

— Это мамка убралась, — ответил Алёша, — Причём, только вчера. Мне кажется, она хочет втихаря сдавать хату посutoчно.

— А она могла всё ценнное к вам унести?

— Да хз. Я думаю, она бы мне показала.

Алиса ойкнула и закрыла рот ладонью.

— Нам же, наверное, нельзя громко разговаривать? Спалимся.

— Забей. — Лёша махнул рукой — Тут всем плевать. А если мамка спалит, скажу, что мы с тобой тут внуков делали.

Алиса посмотрела на Лёшу. Он стоял в коридоре и ухмылялся. В этот момент Алиса поняла: предлагая прийти сюда вдвоём, она о многом не подумала. Алиса прижала сумочку к животу и решила держать её наготове.

— Главное, чтобы мамка при таком раскладе одну деталь не заметила.

— Деталь?

— Да. Что в квартире только один диван. И на нём неделю назад валялся труп.

Алиса выпучила глаза. Алёша скрылся на кухне.

— Да не поехавший я, не поехавший. Просто реалист. Я подготовился к обыску, почитал в инете. Сейчас всё быстро найдём и ливнём отсюда.

Алиса начала с личных вещей: обшарила ящики с одеждой, пластинками и документами. Она справилась достаточно быстро, так как все привезённые Антоном вещи спокойно поместились бы в один большой чемодан. Лёша проверил менее очевидные места: посветил фонариком в бачок и вентиляционную коробку, осмотрел дверные косяки, простучал кухонный гарнитур. Ни-че-го — везде царила пустота и удушливый порядок.

— Знаешь, что, — сказал Лёша, позвав её на кухню — Давай рискнём? Потому что я знаю, где у него тайник. Другого места быть не может.

Лёша подцепил раскладным ножом край обоев под окном. На клее ремонтники не сэкономили, обои никак не хотели отслаиваться от стены. Тогда Лёша психанул и ткнул в неё ножом. Алиса охнула, но тут же увидела, что нож вошёл в стену по рукоять. Лёша надавил вниз и прорезал линию, просунул ладони в щель и отломал куски гипсокартона. Получилась дыра размером с футбольный мяч.

— Под окнами хранилище для банок. Не знаю, как называется. Его многие заделывают.

Алиса присела на корточки и включила на айфоне фонарик. Покрытая пылью полка оказалась пустой.

— Ничего. Там ничего нет.

— Не может быть. Дай я!

Не желая признавать поражение, Лёша принялся обшаривать полки руками. В один миг он замер, повернулся к Алисе и с торжествующей улыбкой отклеил от полотка чёрный продолговатый комочек:

— Держи! Закладка снята.

В комочке лежала безликая флешка на 512 мегабайт. Лёша провёрил её на принесённом ноуте:

— Тут keepass-база паролей и зашифрованная папка на триста мегов. Нужен мастер-пароль. Ты же его не знаешь?

Алиса помотала головой.

— А что в папке? Можно понять хотя бы примерно?

— Неа. Есть только название базы паролей: «mokosh.kdbx»

— Мокош? Что такое мокош?

— Слышала про гугл?

Алиса деланно закатила глаза.

— Лучше б ты с самого начала таким дерзким был! Глядишь, мы бы тебя не заперли на балконе.

— Я просто стесняюсь незнакомых людей. Так что?

- «Мокошь». «Или Макошь. Богиня в славянской мифологии, единственное женское божество, идол которого стоял в воздвигнутом князем Владимиром киевском капище наравне с идолами других богов. Её образ связывают с прядением и ткачеством, а также с судьбой и ремёслами».
- Наверное, пароль как-то связан с язычеством. Раз он айтишник, то мог выбрать имя другого идола плюс дату рождения, или памятную дату, или, может, год крещения Руси...
- Лучше бы он не был айтишником и использовал один пароль для всех ресурсов. Что-нибудь вроде antoha1987rus.

Алиса посмотрела на разорванную стену.

- А как мы будем дырку заделывать?
- У него на балконе и клей, и обрезки гипсокартона, и рулон обоев валяются. У меня, если ты забыла, была куча времени всё внимательно изучить.

Алиса улыбнулась. Лёша на удивление оказался рукастым парнем: вырезал подходящие куски гипсокартона и обоев, поколдовал, замазал, заклеил дыру.

- Быстро ты справился!
- Должна будешь... If you know what I mean.

Алиса снова вспомнила про сумочку.

- Всё равно, конечно, видно, что дыру заклеили.

— Забей. Мамка подумает на взломщиков. Давай сотрём отпечатки только. На всякий случай.

— Не надо. Наши на срок давности никто проверять не будет. Но здесь могут быть отпечатки других людей. Более важные.

Алиса заметила, что Алёша встал в дверном проёме и неотрывно на неё смотрит. Кажется, Алиса услышала его дыхание — уже не Алёши, но Алексея. Он шагнул ей навстречу. Алиса клацнула замком на сумочке и просунула ладонь внутрь. Шёлковая обивка лизнула ей горячую руку и Алиса сжала в кулак газовый баллончик. Алексей приблизился, положил ладонь ей на плечо. Алиса ощутила предательский паралич, сковавший тело от кончиков пальцев до ключиц.

— Алиса. — сказал Алексей и она зажмурилась, не желая принимать его вмиг ставший серьёзным голос. Будто бы он хотел сделать вид, что заранее извиняется за ту мерзость, что сейчас совершил.

— Алиса, — повторил Алексей — Что ты держишь в сумочке?

Алиса заставляла себя выдернуть баллон и вдавить кнопку. Пусть даже она не попадёт в Алексея, пусть зальёт лицо себе — но, может быть, её слёзы, её сопли и крики отобьют у него желание?

— Алиса, это какое-то средство самообороны? Да?

Две крупные слезы разбились о линолеум.

— Да?

Алиса закивала и ещё две слезинки прочертили линии по тональнику.

— Дай мне посмотреть, что там.

Алексей обхватил её запястье и потащил руку вверх. Алиса тут же прижала руку к груди, защищаясь от его прикосновений. Он достал из сумочки баллон.

— Посмотри на меня, пожалуйста... — мягко попросил Алексей, но, не получив желаемого, сменил тон на повелительный — Посмотри!

Алиса подчинилась. Она увидела перед собой его ледяные глаза и ей стало трудно дышать, горло будто залили свинцом. Алексей сделал два шага назад, представ перед ней полностью... развернулся баллончик распылителем к себе и зажал кнопку. Баллончик зашипел и Алёша тут же рухнул на пол. Алиса разинула рот.

— Аааа, бляяяя! — то ли орал, то ли стонал Алёша, ползая по полу, — Ааааааа, сука!

Не зная, что делать, Алиса попыталась поднять Алёшу, но в этот момент почувствовала, как в горле запершило. Следом щипнуло нос, накалившийся воздух обжёг радужку.

— Ай! Ааа! — Алиса начала тереть глаза.

— Окно!!! — сквозь стон крикнул Алёша, — Окно!

Алиса дёрнула ручку балкона и бросилась открывать окна.

— Зачем, Лёш? Зачем?! — через десять минут взывала к нему Алиса, стоя рядом с ванной.

Она плеснула в его сложённые ладони немного молока, найденного в холодильнике. Лёша протёр глаза и тут же стал плеваться.

- Блять, да что ж за день-то такой! Оно прокисло!
- Ну да, логично. Сколько оно уже здесь стоит? — Алиса посмотрела на заднюю стенку упаковки — Две недели. Так зачем?
- Зачем-зачем! — Лёша поднял на Алису обожжённые глаза. — А зачем ты баллончик с собой притащила? Вцепилась в сумку и шарахалась тут по углам. Думала, я не замечу?!
- Да я всегда его, вообще-то, с собой ношу...
- Я асексуал, Алиса! — крикнул Лёша ей прямо в лицо. — А-сек-су-ал! Я не собирался тебя насиловать! Я тебя провоцировал!
- Ладно-ладно, не кричи так...
- Заебали потому что! Мамка целыми днями пилит, подсовывает всем подряд, одногруппники угарают, одногруппницы троллят, на дваче каждый крокодил говном поливает! Ну чё я поделаю, если секс меня не интересует? Я же парень, да? Молодой, да? Как это меня тёлки не интересуют? Я же должен трахать всё, что движется!

Лёша разогнулся и сделал несколько рывков тазом вперёд-назад, дёргая в такт руками.

- Да ничего ты никому не должен! — перебила его Алиса, поморщившись. — Мне-то ты чего объясняешь? Я на твоей стороне. Лучше маме это объясни!
- Объяснишь ей, ага! «Ты просто пока человечка своего не встретил, вот попадётся хорошая девочка...». Своей попробуй объясни.

Алиса не нашлась, что ответить. Лёша вымыл руки и вытер их о джинсы.

— Вот теперь точно пора валить. Прелюдию с перцовкой даже родаки не поймут. Блин, как глаза всё-таки жжёт, хрен теперь поиграешь...

О языческих богах Алиса ничего не знала. Вечером она заперлась в своей комнате и села с ноутбуком у открытой форточки, потому что мать варила рыбные щи и дома воняло шпротами. В выдаче ютуба Алисе попался эпизод сериала «След», клип «Матушка Мокошь» и целая россыпь эзотерических видео про карты Таро, древние Веды и предков-ариев. Смотреть эти ролики Алиса не решилась, но, пролистав выдачу до середины, подпрыгнула. На превью одного из видео разместили знакомую ей каменную фигурку. Алиса прекрасно помнила, где она видела её в последний раз и какой спор разгорелся из-за выцарапанного на платье ромба, напоминающего геометрией свастику. Антон отмазывался, рассказывал ей об исходном значении символа, но Алиса ему не поверила и, хотя Антон меньше всего напоминал наци, всерьёз заподозрила его в симпатиях к правым взглядам.

Алиса бросилась к телефону и набрала Стаса в телеге.

— Стас, ты в офисе? У Антона на столе фигурка языческой богини и мне надо, чтобы ты взял её и...

— Алис-Алис, погоди, не тараторь! — перебил её Стас. — Понимаешь, тут такое дело. Чисто географически ты сейчас к ней ближе, чем я...

Останавливаться было нельзя. Антон точно спрятал мастер-пароль внутри фигурки. Пароль давал доступ ко всем ресурсам Антона, включая заметки, переписку, фотографии и, может быть, даже перемещения. Поэтому, когда Лёша узнал от Алисы, что они

завтра поедут раскапывать могилу Антона, он лишь обреченно покрутил пальцем у виска.

— Ты разлагающийся труп когда-нибудь видела, мародёрка? — страдальчески спросил он.

— Не драматизируй, Лёш! Гроб вскрывать не надо. Стас кинул фигурку в землю. Нам нужно только раскопать холм.

— Ты хоть раз была на кладбище ночью?

— Не была. Но мне дядя говорил, что бояться нужно живых, а не мёртвых.

Лёша прикрыл глаза и подумал несколько секунд.

— Нет. Могилу я копать не буду. Мёртвых лучше не беспокоить. Мало ли чего! Да и вообще, ты ж не поехавшая вроде, чего ты упёрлась? С ума, что ли, сошла, трупы ворошить ради какого-то расследования? Я пас.

И больше они с Лёшой не виделись. Алиса не стала настаивать, вместо этого она пошла в старый отцовский гараж и взяла оттуда сапёрную лопатку. Там же Алиса откопала спецовку и советский велосипед. Алиса дошла до шиномотажки и заменила камеры на колёсах. Парень-рабочий неумело kleил Алису, но она решила не агриться, так как опасалась, что в случае неудачи рабочий легко может превратиться в свидетеля. По аналогичной причине она не пошла покупать в магазин налобный фонарик (чек служил бы доказательством умысла), а просто прикрепила kleem старый под козырёк бейсболки и терпеливо дождалась темноты, закинувшись для спокойствия пятью таблетками «Афобазола».

С велосипедом она ошиблась. У советской рухляди не было коробки передач и нормальных протекторов, езда по бездорожью

напоминала Алисе тренировку на эллипсоиде, где уставали не только ноги, но и руки. Когда велосипед застрял в песке прямо посреди поля, Алиса поняла, что быстрее будет дойти до кладбища пешком.

Быстрее, но не проще. На велосипеде Алиса чувствовала себя незащищённой, в случае нападения маньяка она могла бы учесать на велике далеко вперёд. Пешая прогулка лишала её такой возможности. Алиса спрятала велосипед за неприметный холмик и пошла вперёд, держа в руках купленный заново газовый баллончик.

Поле, окружённое с трёх сторон берёзовыми рощами, замерло. Даже совы не ухали, лишь ветер шевелил ветви деревьев, да редкую пока ешё, не выросшую толком траву. Пару раз неподалёку от Алисы кто-то нарушил размеренный шум травы, пошевелился или шагнул, но Алиса убедила себя, что это была кошка или какой-нибудь безобидный зверёк. Волки, лисы или кабаны вряд ли бродят так близко к городу, а человек напал бы сразу, не дожидаясь, пока Алиса доберётся до кладбищенского забора.

Увы, шорохи не прекращались. Алиса поняла, что её аккуратно преследуют. Задушив растущую изнутри панику, Алиса решила не испытывать судьбу и резко рванула вперёд, наугад перескакивая через норы байбаков. За ней никто не побежал. Алиса даже порадовалась, что заподозрила слежку и дала дёру — освещённое луной кладбище страшило её не так сильно, как непроглядное поле. На кладбище умер даже ветер. Люди в Коммунаре не сажали деревьев рядом с могилами, лишь ставили лавочки и оградки. Шелестеть было нечему, ветер разбивался о гранитные плиты и разочарованно затихал.

Стас помог Алисе ещё раз — подсмотрел в приказе копию свидетельства о смерти. На обратной стороне документа похоронное агентство указало участок и номер могилы Антона. Алиса нашла в интернете плана-схему Павлеевского кладбища и достаточно

быстро поняла, где закопали бывшего директора, так как в детстве она часто ходила вместе с мамой на могилу к бабушке. Антон лежал на старом участке, что сильно упрощало задачу: среди могил, в большинстве своём либо заросших, либо увенчанных памятниками, чётко выделялся свежий холм с деревянным крестом и не выброшенными ещё венками. Алиса подошла поближе и убедилась, что на табличке выведена фамилия Приморский. Огляделась по сторонам — тихо. Алиса присела, чтобы её не было видно среди памятников, сбросила на землю рюкзак и достала сапёрную лопатку.

Лопата вошла в землю с лёгким хрустом. Дожди намочили почву, сделали её тяжёлой и комковатой. Алиса отбосила пару комков. Кажется, копать придётся долго. Удобнее было бы размахивать лопатой полусогнувшись, подключая к работе корпус. На корточках затекали ноги и уставали предплечья, но конспирация была важнее. Земля липла к лопате. Алисе приходилось то и дело отировать её о бурьян, растущий на заброшенной соседской могиле.

— Алиса... — шепнул рядом кто-то.

Алиса вздрогнула и выронила лопату.

Спустя пару секунд Алиса увидела перед собой бурьян и поняла, что упала в обморок. Её уже крепко держали за плечи и шею. Алиса пискнула. Ей тут же закрыли рот платком.

— Не кричи! — приказал нависший над ней седой мужик, — Будешь вести себя тихо, останешься жива и здорова.

Алиса попыталась дёрнуться, но поняла, что мышцы опять сковал уже знакомый ей паралич, она не могла сделать никакого резкого движения. Напарник седого дотащил её до чёрного микроавтобуса у обочины. Убедившись, что Алиса не трепыхается, он сел позади, прижав её локти к бокам сиденья. Седой мужик забрался

следом, захлопнул дверь и наступил ей на кроссовки. В груди у Алисы невпопад грохало сердце. Седой наклонился:

— Что, Алиска, чайник свистнул? От любви до некрофилии, как говорится... С трупом решила пообниматься?

— Что?! — утёнком пискнула Алиса — Нет!

— «Нет» — передразнил седой, — Ну, ничего-ничего. «И тебя вылечат!». Фотограф, трогай!

— Отпустите! Куда вы! Я! — невпопад заверещала Алиса, но тут под лопатку её ужалила оса. Алиса вскрикнула, но выдохнуть уже не смогла. Седого мужика размазало в пепельное пятно, оно поплыло по креслу, потемнело, слилось с тонированным окном и кожаным салоном. Звук мотора угас и мышцы Алисы ослабли, язык упал на дно полости рта. Володя отпустил Алисе руки и положил её на сиденье боком, но она этого уже не почувствовала.

Глава 12

Накануне в Коммунаре прошёл дождь и почва ещё не просохла. Склон был настолько крутой, что Антону иногда приходилось помогать себе руками, хватаясь за траву, деревья или камни. Он переоценил силы, путь от базы до центра занял у него около часа. Задохнувшись, Антон несколько минут сидел на лавочке во дворе ближайшей пятиэтажки и приходил в себя. Руки по локоть покрылись грязью, замшевые кроссовки походили на тряпьё.

Центральная улица города напоминала собой гранд-макет: освещённые домики и аллеи пустовали, изредка мимо проносились автомобили. Антон старался держаться поближе к стенам зданий, чтобы при случае быстро свернуть во дворы. Он двигался в сторону ресторана японской кухни «Watanabe Miyuki», которое работало по будням до полуночи и раздавало посетителям бесплатный вай-фай.

Антон практически добежал до ресторана и сбавил темп только на подходе. Через витрину он видел, что ресторан пуст, лишь за дальним столиком сидела пара лет сорока. Антон потянул на себя тяжёлую деревянную дверь. Звякнул колокольчик и к нему тут же вырулила администраторша в кимоно.

- Kon'nichiwa! — администраторша окинула Антона взглядом, — Мы закрыты.
- Как закрыты, вон же люди сидят.
- Это последние посетители.

Антон достал телефон из кармана.

- Дайте хотя бы к вай-фаю подключиться.
- Извините, вай-фай только для посетителей.
- Так я посетитель!
- Мы закрыты, уже не обслуживаем.
- Девушка, просто пять минут постою здесь у вас. Напишу подруге и пойду дальше.
- Юр! — администраторша окликнула кого-то за углом, — Поговори ты. Извините.

Из-за угла вырулил амбал, очень похожий на Володю. Для оценки происходящего ему хватило пары секунд.

- Покидаем помещение.
- Извините, дайте пароль от вай-фая, сообщение срочно нужно написать...
- Иди отсюда, бич.
- Да какой я бич! Смотри, айфон в руках!

Антон потряс телефоном перед носом у амбала.

- Вали, сказал! А то ментов вызову. Они разберутся, чей это телефон.

Охранник брезгливо толкнул Антона в плечо. Антон налетел спиной на ручку двери, но боли, как обычно, не почувствовал. Охран-

ник толкнул его ещё раз. Антон отшагнул, сохраняя равновесие и оказался снаружи. Дверь захлопнулась у него перед носом.

— Урод! — крикнул Антон в стекло.

Через дверь он увидел, как охранник взял с подоконника упаковку влажных салфеток и тщательно вытирает ими руку.

Антон опустил взгляд и осмотрел себя. Да, видок у него отвратительный. Руки, ноги — всё в грязи. Наверняка, ещё и лицо чумазое. В рестораны ему ход закрыт.

Не зная, что делать, Антон двинулся к набережной. Неожиданно он спохватился. Наверняка его побег уже заметили. Даже если тайна продержится до утра, его местоположение моментально отследят по смартфону. От этой трубки нужно избавляться.

Антон с сожалением выбросил смартфон в мусорку. Шансы предупредить Алису таяли. Можно отыскать её адрес в каком-нибудь справочном бюро. Такие же ещё существуют?

Центральную улицу сменила липовая аллея со старыми, деревянными лавками по бокам. Антон прикидывал дальнейшие варианты. В конце концов, он решил переночевать в зарослях заброшенного Парка столетия Интернационала, а с утра добежать до бара, в котором работает Андрюха и попросить его написать Алисе сообщение. Не бросит же он друга детства в беде?

Антон переживал, что Андрюха ему не поможет. Возможно, он даже не пустит его в таком виде на порог. Испугается, как в торговом центре и не поверит в рассказ о том, что... мmm... Антона держали в пленау. Вот зачем он ляпнул ему «Живи, bla-bla-bla...» вечером? Кто тянул его за язык?

И тут Антон заметил огонёк, плывущий ему навстречу.

Огонёк покачивался и приближался.

Силуэт.

Кто это?

Парнишка. Ему навстречу шёл парнишка лет семнадцати, в наушниках, он уткнулся в телефон и не обращал на происходящее вокруг никакого внимания. Наивный смельчак! Непуганный идиотик!

Антон побежал ему навстречу. Когда до парнишки оставалось буквально пару метров, он прыгнул на него с выставленной ногой. Грязный кроссовок Антона врезался парнишке в солнечное сплетение. Паренёк согнулся пополам и упал на землю, смартфон вылетел у него из рук. Приземлившись на ноги, Антон тут же рванул к телефону. Парнишка лежал на боку и, приподняв голову, хватал воздух ртом, словно рыба. Антон перевернул смартфон дисплеем вверх. Разложен! Антон рванул из парка, скролля смартфон на ходу, чтобы экран не погас.

Мимо промелькнула центральная площадь набережной. Антон обогнул здание местного университета и нырнул в кусты, за которыми раскинулся заброшенный парк. Вот он, хорошо знакомый склон. Вот она, хорошо знакомая грязь.

Пристроившись за деревом, Антон открыл на телефоне приложение Инстаграма.

«Привет! Ты меня не знаешь но у меня к тебе важное сообщение. Близкий друг Приморского просил передать тебе чтобы ты броса-

ла расследование и срочно уезжала в Петербург. Люди что убили его решили убить и тебя. Улетай!»

Антон подумал, что бы ещё написать. В парке стояла кромешная тьма. Антон нажал отправить. Посидел несколько мгновений. Дописал: «Уезжай. Всё будет хорошо. Он потом вернётся».

Хотелось Алисе, чтобы он вернулся, или нет, Антон не знал. Он лишь явственно понял, что впервые за несколько недель почувствовал хоть что-то. Сейчас он чувствовал желание вернуться в Петербург и увидеть Алису живой.

Антон отправил дубликаты сообщения в Фейсбуку и VK, заблокировал смартфон и швырнул его со склона вниз. Что делать дальше, он не знал.

Довольно быстро у Антона затекли ноги. Он встал размяться и больше уже не садился. Антон понял, что ночь — его единственный шанс убежать подальше, спрятаться где-нибудь за городом. А что? Девайсов у него нет, Валентинич и компания никак его не трекнут. Есть и пить ему не нужно, можно бродить по лесам месяцами. А там будь что будет! Всё равно его растворят. Таких косяков наблюдатели не прощают.

Антон выбрался на раздолбанный асфальт аллеи и пошёл в сторону спуска к берегу. Можно двинуться вдоль Волги, чтобы не светиться на улицах, и за пару дней добраться по берегу до областных деревушек. Вокруг поселений — густой поволжский лес, хер его кто там отыщет. Жёнушка зам.мэра Марина Дикмарова спалилась, пытаясь попасть в город — броди она по лесу шатуном, никто бы её не поймал.

Шёл Антон тяжело, на него навалилась слабость, к тому же, пересохло в горле. Антон покинул парк и постарался собрать волю в кулак. Ему оставалось пройти триста метров по узкой, некогда ку-

печеской улочке. В конце улочки мигал сигнализацией супермаркет, за супермаркетом раскинулась хаотичная помойка, за помойкой — спуск к берегу.

Антон сунул руки в карманы и сбавил ход. Улица шла немного в уклон. Антон миновал госпиталь, в котором лечились ветераны, прошагал мимо здания министерства финансов. У супермаркета из-за поворота вырулил автомобиль и ослепил его фарами. Антон бросил взгляд на витрину супермаркета и увидел в ней мигающий синий свет.

Антон побежал. Ему в спину завыла сирена. Завизжали шины.

На повороте к помойке ноги заплелись и Антон упал на колени. Хлопнула дверь, Антон медленно поднимался. К нему подошли два мента, один встал спереди вполоборота, другой — за спину.

— Старший сержант Ерёмин. — произнёс тот, что спереди, — Молодой человек, ваши документы.

— Чего убегаем? — прикрикнул на него тот, что стоял за спиной.

Антон посмотрел на мента исподлобья.

— Удостоверение покажите.

Сержант нехотя достал из нагрудного кармана удостоверение. Антон сделал вид, что всмотрелся.

— Убегаем чего, я спрашиваю? — повторил свой вопрос мент за спиной.

Антон обернулся.

- Ваше удостоверение?
- Тебе уже показали удостоверение.
- Тогда с вами я разговаривать не буду.

Антон снова повернулся к сержанту.

- Ваши документы. — повторил сержант.
- У меня нет документов.
- Отойдите в сторону. Запрещённые предметы имеются? Доставайте содержимое карманов, кладите сюда. — сержант указал рукой на пандус супермаркета.

«Мёртвому менты не страшны» — подумал Антон и решил упираться по полной.

- Без понятых ничего доставать не буду.

Сержант поджал губы и указал рукой в сторону УАЗика.

- Пройдёмте в машину.
- На каком основании?
- Вы подходите под ориентировку.
- Покажите ориентировку.
- Так она в машине, уважаемый! — отозвался напарник сержанта.

— Хорошо, давайте подойдём к машине.

Антон двинулся в сторону экипажа. Напарник пристроился рядом, а сержант контролировал спину.

У машины Антона схватили, затолкали в стакан и закрыли дверь. Антон угрожал ментам, что будет кричать, но крикнул только из стакана, в решётку, отделявшую его от салона:

— Протокол составляйте!

Менты не ответили. Автомобиль тронулся.

— Куда вы меня повезли!

— На мед.освидетельствование. — бросил ему напарник сержанта.

Антон увидел, как он перегнулся через переднее сиденье и задёрнул шторку.

— Откройте окно! — потребовал Антон, понимая, что никто ничего ему не откроет. — Не имеете права закрывать!

— Сиди спокойно, а...

Антон пытался угадать, куда его везут, но быстро потерялся. Понял только, что машина вернула его на главную улицу, а дальше запутался в поворотах. Через десять минут автомобиль совершил полукруг и под колёсами зашуршал гравий.

Антон сразу же узнал и поворот, и шорох. Хлопнули двери кабины, менты открыли стакан. Антон рванулся вперёд и получил по зубам. Менты заломили ему руки. Мелькнул знакомый керамогранит ступенек главного коттеджа, менты повернули направо, затем вниз, мимо рубки, пихнули Антона вглубь комнаты и за-

хлопнули железную дверь. Мерцал хорошо знакомый Антону не-
оновый свет.

В камере курил Сергей и стряхивал пепел в раковину. Антон не
знал, что сказать. К счастью, Сергей начал первым.

— Так бы с тобой никто не разговаривал, конечно. Растворили бы
и всё.

— Быстро вы меня. — ответил Антон, присаживаясь на кровать.

— А ты думал.

— Менты тоже мёртвые?

— Нет. У дочки сержанта лейкемия. Но есть варианты отсрочить.

Антон оценивающе покивал головой.

— Ладно, не суть. Так сказать, для протокола: побег, контакты с
живыми, *нападение* на живого — Сергей сделал акцент на слове
нападение, — Попытка предупредить приговорённого... Это даже
не перебор. Это просто выше крыши.

— Я не жалею. — бросил Антон в ответ. — Души давай, зови Воло-
дю, пускай везёт мою тушку на пилораму.

А про себя подумал «Интересно, Алиса успеет свалить?».

Сергей расхохотался.

— Да нет, так легко ты уже не отделаешься! Валентиныч тебе при-
думал наказание поинтереснее.

Сергей достал из-за пазухи планшет, подошёл к Антону и протянул его.

— На, листай.

На экране было открыто приложение «Фото». Антон тапнул по видеофайлу. На записи с регистратора Антон держал жену заместителя мэра Марину за руки и огибал капот.

— Ты последний, с кем её видели. Дальше.

Антон свайпнул вправо. Бизнесмен Аркадий. Седой мужчина бьёт его битой по голове. Антон стоит рядом, светит лицом в камеру.

— Ещё раз вправо.

Антон изо всех сил швырнулся в Сергея планшет. Тот резво увернулся. Планшет ударился о стену и слёпнулся на пол. На последнем фото Антон увидел типичный коммунарский подъезд: салатовые стены, узкое окно у пола, на полу — мелкая плитка и пятно крови, похожее на черничное варенье. Спутанные волосы, деформированная голова. Отчётливый шрам над левой бровью. Длинные рыжие волосы.

— Ублюдки!

— На стволе твои отпечатки, между прочим.

— Пиздишь, урод.

Сергей даже не разозлился.

— Сунули тебе в руку, пока ты валялся в отрубе после спектакля. В общем, первым делом мы тебя оживим. Затем ты сядешь в ментovскую тачку и отправишься в ИВС. Избрание меры пресечения,

СИЗО... А потом на тебя заведут уголовное дело. Много уголовных дел. И поедешь ты, менеджер-убийца, в Мордовию, на долгие-долгие годы. В красный лагерь, без родственников и грева. Загробная жизнь покажется тебе раем, сосунок. Будешь мечтать о растворении.

Сергей поднял планшет с пола.

— А грохнули мы её ещё вчера, свежачок. И спектакль с ужином перед тобой разыграли, проверяли твою лояльность. А ты повёлся, что мы окно оставили открытым и за камерами никто не следит. Странно это всё! Я Валентинычу сразу говорил, что ты безнадёжен, а он почему-то упёрся. Цифровое поколение, миллениумы... Или как их там.

— Шёл бы ты нахуй.

Сергей ухмыльнулся. Дверь открылась и он сразу же вышел, его сменили менты и Володя. Антон так и остался сидеть на кровати, понимая, что произойдёт дальше.

Володя ударил его дубинкой по лицу наотмашь. Антон вскрикнул от неожиданности, из глаз брызнули слёзы. Скулу пронзила боль. Тут же прилетело в нос с пыра — Антон заорал, подзабытым жестом закрыл лицо. Менты стащили его с кровати и начали месить. Антон сложился черепашкой, спрятал голову и стал крутиться, как юла, в разные стороны. Почки, спина, лопатки, руки на голове — менты методично отбивали каждый сантиметр тела. Антон орал. Володя лупил дубинкой по спине и бёдрам. Антон визжал. Затем боль немного притупилась, стала точечной. Звуки попртихли. Антон чувствовал только глухие удары, да звон в ушах. Кажется, лопнула лампочка.

Сколько Антон пролежал избитым, непонятно. Менты и Володя ушли, кровь застыла на лице плёнкой, на губах запеклись пузыри.

ри. Антон с трудом разлепил рот. Хотелось пить. Антон попытался встать — и снова упал в обморок от резкой боли в пояснице.

В следующий раз он уже не пытался подняться. Правая рука не слушалась, мелко дрожала. Тошнило. Антон прижался щекой к холодному полу. В голове мелькнула фраза Володи «Это тебе для разминки». Было очень больно. Как живому.

«Я что, ёбаный пульт?» — подумал Антон — «Можно взять и включить во мне что угодно?».

Пару минут мысли никак не собирались в кучу. Затем перед глазами мелькнул портрет Алисы — конечно же, не с аватарки, не из толк-рума, где Антон увидел её впервые, а с фотографии на телефоне Сергея, со съехавшим от выстрела лицом. Какое красивое у неё было лицо! Как всё же смерть пугающе искажает красоту. Особенно, насильтвенная смерть.

Раз уж его решили растворить... Или оживить и наказать, то последним выходом, которым Антон обладал, была возможность обломать наблюдателям эту затею. Антон закусил набухшую от удара губу, схватил одной рукой ногу и потянул её к груди. Молния боли ударила в череп, Антон снова отрубился, на этот раз — всего на пару секунд. Его вырвало. К счастью, Антон лежал полубоком и не захлебнулся.

Хотелось расшнуровать ботинок как можно скорее и оттолкнуть ногу вниз, но рука тряслась и плохо шевелилась, ему явно сломали пару пальцев. Наконец-то удалось вытащить шнурок из гнёзд. Антон забросил его на шею и откинулся на спину. Отдышался. Левая рука по-прежнему ничего не чувствовала, но Антону удалось схватить кончик шнурка двумя пальцами. Антон представил, что у него в руках галстук. Вот широкий конец, в сломанной руке — узкий. Широкий конец оборачиваем вокруг узкого. Сквозь

боль, скривившись, тянем его коброй вверх параллельно кадыку — и тут же просовываем в возникший узел.

Четвертной — не винздоркий. Нет у него никакой благородной истории.

И не будет.

На то, чтобы сесть, у Антона ушли минуты. Он прижал щекой дальний конец шнурка к дужке кровати. На второй четвертной у него уже не хватило сил — накрутил узел так же, как завязывал кроссовки в детстве, полубантиком.

Антону хотелось бы посмотреть сейчас на море. Ну или хотя бы в окно. Ему всегда казалось, что напоследок нужно посидеть, как бы на дорожку, выкурить последнюю сигарету, ещё раз всё обдумать. Сухо озвучить вывод — да, я перепроверил, жить дальше не имеет смысла. И только затем поставить точку.

Но теперь Антону не захотелось долго размышлять. Сквозь боль он стал отползать всё дальше от кровати, стараясь лечь на пол. Сначала шнурок просто тянул его вверх. Затем надавил на кадык. С каждым миллиметром он сдавливал шею всё больше. В один момент Антон понял, что уже не может вздохнуть ни ртом, ни носом. Горло монотонно захрипело, мозг отяжелел, в носоглотке возник солоноватый привкус. Антон полз всё дальше и дальше, вдавливал себя в пол всё сильнее и сильнее — а через пару секунд понял, что никаких усилий прикладывать больше не нужно. Для того, чтобы ослабить узел и задышать, нужно подняться, а подняться он уже не сможет. Его переломал Володя. Тело пульсировало. И менты. Володя. И мозг. Сказал. Мозг? Сказал?

М

М

М

М

О

о

о

?

Верёвка лопнула и Антон ударился головой об пол. Резко похолодало. Антон старался не шевелиться. В глаза бил свет.

— Неужели всё это правда? Вся эта чушь про свет в конце туннеля. — произнёс он вслух и понял, что шею больше ничего не сдавливает.

Холод пробрался под любимый свитер Антона. Он приподнялся на локтях. Тело не болело. Щёки царапнул ледяной ветер. Антон лежал посреди заснеженной равнины, на льду зимующей Волги. Вдали виднелся утёс и невпопад расставленные по обрыву сосны. Антон обернулся. За спиной растянулась панорама Коммунарана-Волге, трубы котельной, белый дым на безоблачном небе.

Антон подумал секунду, в какую сторону идти. Выбрал склон. Когда-то, ещё при жизни, Антон пытался представить себе рай без стереотипов. Вечность ассоциировалась у него с волжским обрывом: сидишь на нём, вокруг никого, только плещутся волны. Сто лет сидишь, тысячу. Даже линия отлива не движется. Скучно безумно. Но в шумном опен-спейсе Антон нередко мечтал проме-

нять обед на пятнадцать минут подобной вечности. И, кажется, променял.

Если сверху слепило солнце, то снизу — снег. Антон щурись и брёл почти вслепую, лишь иногда поднимая глаза на сосны и выправляя тем самым путь, до тех пор, пока не споткнулся о припорошенный ящик. Антон прищурился и увидел сидящего в двух шагах от него рыбака.

— А Валентиныч пугал, что после растворения наблюдатели не видят ничего мирского.

Рыбак обернулся. Антон увидел лохматого деда в ушанке, небритого, с круглым лицом и выцветшими глазами. В зрачках его блестела хитринка.

— А кто тебе сказал, что тебя растворили? И откуда ж Валентинычу знать, если его самого никогда не растворяли?

— Меня-то чего спрашивать? Я вообще запутался.

Старик отложил удочку, снял варежку и почесал нос.

— Отчаянный ты человек, Серёжа! Дважды через жизнь переступил.

— Я Антон.

Старик смущённо хохотнул.

— Да, Серёжей седого зовут. Путаюсь.

— Меня одно волнует. Можно с родителями повидаться? Будет такая возможность?

Старик нахмурился.

— Фильм какой-то такой был... Ты, наверное, фильмов насмотрелся. Тебя же обещали оживить, верно? Так с чего ты решил, что умер?

— Погоди... те, — Антон потёр переносицу, — Можно мне как тупому? Где я? Что со мной?

— Ты жив, Антошка! — задорно повторил старик, — Считай, что это вознаграждение за подлинные поступки: отказ от убийства, попытку спасения. Даже суицид прощаем. Спишем на отчаяние.

— Так вы... бог? — спросил Антон.

Старик довольно крякнул.

— Ну уж сразу! Бог... До Бога ещё знаешь сколько! Впрочем, для живого ты и так слишком много знаешь. Иди, а то замёрznешь. Тебе, кстати, в другую сторону.

Старик поднял варежку и указал ему на город. Антон выдохнул облачко пара.

— Иди-иди! — поторопил его старик, — А то законченеешь и я передумаю. Оставлю тебя здесь рыбаков по весне пугать.

Антон сделал пару шагов в обратном направлении. Старик проклинал, что Антон пошёл в сторону города, повернулся к лунке и поднял с наста удочку.

— Слушайте, последний вопрос! — крикнул Антон, обернувшись, — Алису тоже оживили?

— Такой ты опытный айтишник, Антон, — крикнул старик, опуская прикормку в лунку, — А фотошоп не распознал!

Антон хохотнул. Повернулся в сторону города. И зашагал к берегу.

Окажись он рядом со стариком в первый день после разрыва аневризмы, Антон принял бы всё за чистую монету. Но сейчас он ему не поверил. Ноги в кроссовках коченели, в ту, что осталась без шнурка, забился снег. За десять минут ходьбы ветер разодрал кожу на лице Антона: сначала она мёрзла, затем её закололо, защипало, а вскоре лицо исчезло и больше он ничего не чувствовал. Антон механически перебирал ногами и понимал — старик в очередной раз его надул, это и есть процедура растворения. Не дойдёт Антон до берега. Берег этот и не приближается вовсе. Наврал старик, наврал как поп на последней исповеди, чтобы перед исчезновением Антон хоть на секунду почувствовал себя счастливым. Впрочем, так оно и было; Антон ни о чём не жалел. Снег слепил глаза всё больше, горизонт бледнел. Ноги превратились в две ватных палочки, которые Антон поочерёдно втыкал в сугробы. Он шёл, шёл, шёл, воздух густел и он вяз в этом воздухе, звук ветра стихал, пока не стих окончательно, не загустел до конца — и Антон застрял в нём, как мошка в сладкой вате.

Как труп замёрзшего извозчика, за зиму вросший в слой полу-прозрачного льда.

Post-mortem

— Где-то через полчаса я решил звякнуть в скорую. Ща... Это было в тот момент, когда я понял, что всё, пиздец: на часах что-то типа восьми, а на улице никого, прикинь! Я ж спецом к окну дёрнулся, увидеть хотя б пару человек... И увидел, что мужик — ну, тот, которого я два дня уже выпаливал, я тебе утром рассказывал, — он, короче, стоит на табуретке прямо посреди кухни, привинчивает что-то к лампочке. Петлю. В бинокль чётко видна была верёвка. Белая такая, толстая. Бельевая.

Ну, тут я подорвался, напялил на себя пуховик. Полетел по лестнице, всё скачет, дышать нечем. Ну, чё — побежал в дом напротив... У нас ключи подходят ко всем подъездам, маман в УК заявляет чуть ли не каждый день, но они гасятся, не отвечают ей. Я ж знал, на каком этаже он живёт и просто дёргал все ручки подряд, в двери ломился. И вот крайняя дверь, ровно такая же, как у меня, открылась. Я — в квартиру и мигом узнал обстановку, я ж глядел на неё больше суток. А мужик уже на верёвке и у меня у самого в глазах потемнело от такой дичи, башку сдавило, как kleщами. Я ломанулся к нему, не знал, как подобраться и зачем-то схватил его за ноги, развернул лицом... А в петле мой двойник.

Бритый наголо парень перебросил ногу на ногу и потянул пачку сигарет из кармана.

— А потом, по ходу, бледного словил. Очнулся уже здесь, в палате. И они меня каждый день, прикинь, таскают к себе в кабинет и грузят, что у меня чайник свистнул, что я «пытался совершить суицид». И никто не может мне просто и ясно рассказать — выдернули того мужика из петли или всё-таки не успели?

Парень закурил. Они сидели спиной к больнице. Солнце выглядывало из-за крыши и грело им затылки.

— Ну а ты-то чё? Почитал про этого своего Корсара... Катара?

— Катара, через «о». Почитал, куда ж я денусь. — Антон жестом попросил сигарету, — Получается, что из-за стресса у меня это всё. И, возможно, генетически передалось. Врач говорит, я почти не ел несколько недель, шатался по городу, потом по Волге ушёл в леса. Ни голода, ни обморожения не ощущал. Зачем-то решил вернуться, зачем — не помню.

— А про культо сказал чё?

Парнишка потрогал рукой лежащие рядом с Антоном костили.

— Фантомные боли. Привыкай, говорит. Пообещал, что через пару недель выпустит на реабилитацию.

— Живые считают себя мёртвыми. Прикольно! — парень почесал затылок, — Как в киношке прямо. Может, у меня тоже синдром Корсара? Как понять?

— Катара, — поправил его Антон, — Ты голод чувствуешь?

— Ещё как. Я сегодня завтрак не дожрал — час назад желудок так скрутило!

— Значит, всё у тебя нормально.

Антон поднял взгляд и посмотрел на купеческую уличку за забором. Мимо госпиталя семенили по делам ни о чём не подозревающие люди. У забора, под раскинувшимся тополем, бродил туда-

сюда пациент в большом, явно не по размеру халате. Собеседник Антона покивал головой, затем почесался.

— Чё делать будешь, когда на волю выйдешь?

Антон ответил не сразу.

— Не знаю, Сань. Пока не решил. Может, в Сибирь уеду. Тут явно не останусь. Работу найду, на протез копить надо. Хотя, знаешь... Забери обратно свою сигарету.

Антон протянул ему неприкуренный «Винстон». Саня недоумённо взял сигарету за фильтр.

— Ты чё это?

Антон не ответил. Он подхватил костыли, встал пистолетиком с лавочки и бросил Сане привычное «Увидимся на ужине». Впиваюсь костылями в траву, Антон поковылял к дереву. Он неотрывно глядел на пациентку в большом, явно не по размеру халате — с рыжими волосами, отчётливым шрамом над левой бровью и потухшей хитринкой в зелёных глазах.

Ульяновск – Санкт-Петербург, 2016-2020